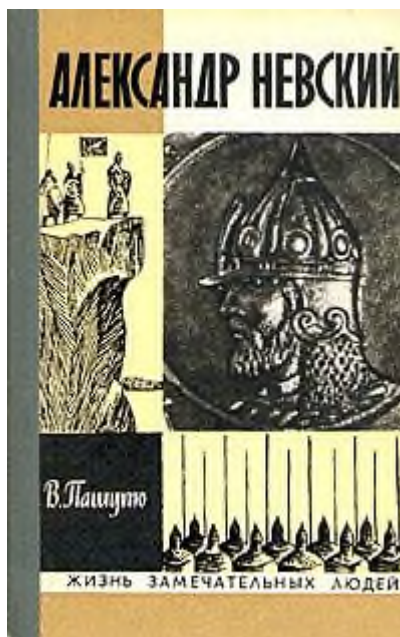

Валерий Петрович Пашуто Александр Невский

Александр Невский

В Переяславской отчине

Александр родился в Переяславле Залесском. При его прадеде Юрии Долгоруком этот город впервые упомянут в летописи, да, вероятно, тогда же и возведен. К тому времени, когда Ярослав Всеволодович, отец князя Александра, вступил в Переяславль как вассал и союзник великого князя Владимиро-Суздальской земли, она приобрела славу наиболее значительного княжества на Руси.

Земля эта больше Англии. Она простиралась от Нижнего Новгорода до Твери на Волге; до Гороховца, Можайска и Коломны – на юге; включала Устюг и Белоозеро на севере. Ее границы соприкасались с Рязанским, Черниговским, Смоленским княжествами и особенно широко с Новгородской боярской республикой. Через новгородские земли тянулась северная часть древнего Волжского торгового пути на Каспий, Кавказ и арабский Восток. Тремя глубокими клиньями вдавались владения владимиро-суздальских князей в Новгородскую Русь. Эти клинья как бы свидетельствовали о притязаниях суздальских князей на – богатую боярскую соседку: на северное Подвинье, на Прионежье и на Торжок.

На востоке суздальская власть охватывала волжско-камские земли, где собиралась медовая дань и паслись княжеские табуны, с северных подвинских земель шли в княжью сокровищницу дорогие собольи и куньи меха... Простонародных мехов, вроде медвежьего, хватало и в своем краю.

Владимиро-суздальские князья зарились на всю Русь, что раскинулась от причерноморских степей до побережья Ледовитого океана, от Двины и Дуная до Волги, с огромным по тем временам населением в шесть миллионов человек.

Борьба не только за Новгород, а и за Киев, и связанные с ним земли Южной Руси составляла цель честолюбивых устремлений суздальских князей. Им противостояли князья черниговские и галицко-волынские. Правда, в Киеве, древней столице страны, по-прежнему сидел князь, там пребывал и митрополит, глава церкви. Но реальная власть была уже в руках местных князей, бояр, епископов, игуменов монастырей. Распри князей несли разорение крестьянству и городам. Они продолжались даже тогда, когда внешние враги угрожали

Русской земле. Усобицы ослабляли военную мощь Руси и затрудняли борьбу народа за независимость.

О виновниках этих войн – князьях с глубокой горечью писал автор бессмертного «Слова о полку Игореве»:

Рекоста бо брат брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» молвити,
а сами на себе крамолу ковати,
а погании со всех стран прихождаху с победами
на землю Рускую.

Столицей суздальских князей был город Владимир-на-Клязьме. Здесь проживал великий князь, которому должны были повиноваться другие менее богатые князья этой земли. Всего в ней насчитывалось тогда девять княжений.

Переяславское княжество в ту пору процветало. Власть князя Ярослава Всеволодовича распространялась на Дмитров, Тверь, Зубцов, Коснятин, Нерехту, Кашин и некоторые новоторжские и волоколамские волости.

Переяславль, укрепленный при Всеволоде, превратился из опорного пункта на новгородском пути в стольный город одного из девяти владими́ро-суздальских княжеств. Он относился к числу красивейших городов не по обилию своих сооружений, а по той чуткой художественной гармонии, с которой суровая крепость – простая, ритмично прорезанная башнями стена – вписывалась в окрестный пейзаж: зелень холмов, водную гладь озера Клешино и реки Трубеж. Почти на два с половиной километра протянулось кольцо земляного вала. На широком шестиметровом гребне его высились рубленые стены с башнями над воротами. Это была одна из самых мощных крепостей на Руси. Вал был усилен рвом. Ров наполнен водой. Переяславцы, тесно связанные с владимирцами, имели «едино сердце» со стольным городом во всех спорах за единство Суздальского края. Они умели с выгодой торговать. Сюда приходили сотни новгородских, десятки смоленских и иных купцов.

Тридцатилетнего Ярослава (он родился в 1191 году) с детства судьба бросала по чужим княжествам. Это был человек, воспитанный в духе суздальского единодержавия своего отца Всеволода Большое Гнездо, чьи полки могли «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать». Темпераментный в осетинку-мать и решительный в отца Ярослав не был, однако, удачлив. Такое уж было время. Одиннадцати лет от роду, в 1202 году, он – князь Переяславля южного – участвовал в походе на половцев; вскоре отец женил его на половецкой хатуни – княжне, внучке недоброй славы хана Кончака. В пятнадцать лет он очертя голову промчался на конях полтысячи километров через всю Русь, чтобы занять галицкий стол, предложенный ему союзной Венгрией. Но опоздал – черниговский князь уже вступил в Галич, а Ярослав был изгнан из Переяславля. Участвуя в суздальско-черниговской войне на юге, он штурмовал мятежный Пронск и княжил в непокорной Рязани. Рязанцы предали его, а Всеволод «за обиду» сына сжег их город.

После смерти отца овдовевший Ярослав правил в Переяславле Залесском как верный подручник своего старшего брата Юрия. Он вторично женился, на этот раз на Ростиславе, дочери знаменитого ратоборца – смоленско-торопецкого князя Мстислава Удалого. Но вскоре поссорился с тестем из-за Новгорода. Дело дошло до войны. в печально известной битве на реке Липице в 1216 году полки Мстислава разгромили суздальцев. Через сотни лет на поле этой брани нашли шлем Ярослава с надписью на нем: «Великий архистратиге господин Михаиле, помози рабу своему Феодору» (Федор – имя, полученное Ярославом при крещении). Но потеря шлема еще полбеда. Мстислав Удалой в гневе отобрал у зятя свою дочь. Тщетно Ярослав упрашивал тестя воротить любимую Ростиславу...

Таков был отец Александра.

Попрочнее устроившись в Переяславле, Ярослав вновь женился. Его женой стала Феодосия Игоревна – внучка вероломного князя Глеба Владимировича. Тот, решив укрепить свою власть в Рязанской земле, пошел на отчаянный шаг. Он собрал в 1218 году на совет семерых князей с боярами, а своим слугам тайно велел окружить их в шатре и перебить. Уцелевший от гибели Ингвар Игоревич занял рязанский стол; при этих обстоятельствах Ярослав сблизился с его сестрой Феодосией и женился на ней.

Вскоре у них родился первенец – Федор, а на следующий, 1220 год, другой сын – Александр.

В Переяславле и проходили первые годы детства Александра.

...Детство – это мир были и сказки. Русские былины учили верить во всепобеждающее мужество богатырей, сказки – в конечное торжество добра, в счастливый исход, а также в то, что и жар-птицу и живую воду не добыть без крестьянского сына Иванушки.

В ту пору люди не признавали долгого детства и рано видели в сыновьях маленьких мужчин. Средневековые писатели и поэты обошли молчанием этот возраст своих современников.

Незаметно подошло время постригов. Совершил их епископ Симон – видный деятель тогдашнего духовного просвещения. Он – игумен Рождественского монастыря во Владимире, один из авторов «Печерского патерика» и представитель утонченной культуры владими́ро-суздальской придворной среды.

Постриги – рыцарский обряд перехода княжича из детства в отрочество. Это всегда торжественное празднество, на которое съезжались княжеские дружинники.

Длилось оно неделями, и князь-отец щедро одаривал собравшихся ко двору вассалов.

Обряд постригов совершался в соборе. Переяславцы гордились Преображенским собором святого Спаса. Это был типично крепостной, простой храм для двора воеводы и прихожан-горожан. Его четырехстолпная квадратная белокаменная глыба несла на себе могучую главу. Он стоял «как некий символ уверенности, спокойствия, силы. Но был храм примечателен и тем, что сам Юрий Долгорукий ч «исполни» его «книгами и мощями святых дивно».

В соборе маленького князя усадили на высокую подушку. Епископ Симон ножницами подрезал ребенку кудри, После задравных молебствий будущего воина в присутствии двора и горожан перепоясали мечом и посадили на коня. Конь считался символом силы и мужественности. Когда хотели сказать, что человек болен, говорили: он не может даже «на конь всести». Не зря под угол строящегося дома клали череп коня, а верхняя часть фронтона именовалась «коньком».

Отныне княжич покидал женскую половину, хоромы своей матери княгини Феодосии, и передавался, как было заведено, на руки боярину-воспитателю – дядьке или кормильцу. Им стал Федор Данилович.

В Переяславле при княжеском дворе все жило духом единовластия времен Всеволода Большое Гнездо. Между тем место Руси в средневековом мире решительно менялось.

Приплывшие из Германии и Дании крестоносцы вторглись в Прибалтику, заняли Ригу, Колывань (Таллин), а в 1224 году и Юрьев (Тарту).

Из далекой Монголии империя Чингисхана отправила свои полчища на завоевание Сибири, Средней Азии, Кавказа. В причерноморской степи они сокрушили русских в 1223 году на реке Калке. Суздальский полк тогда чудом уцелел, не поспев к битве. Но ни Липица, ни даже Калка не поколебали веры суздальских князей в то, что именно птенцам Большого Гнезда предстоит бесконечно опекать столы Новгорода и Пскова, Смоленска и Киева, верховодить в Половецкой степи, оборонять Прибалтику.

...Будущее Александра было predeterminedено от рождения. Он князь, а значит, законодатель и законодатель, воин и полководец, праведный христианин и защитник веры, ценитель узорочья искусств и щедрый покровитель его творцов, достойно прославлявших божью и княжью власть. Его воспитала сама придворная среда Переяславля и Владимира –

блестящее воинство, приемы послов, одетых в диковинные наряды, кочевых ханов в высоких черных клобуках, болгар в розовых сферических шапках с широкими поперечными гребнями...

Весь этот блеск, все княжеские богатства создались трудовым людом, который не имел доступа в княжеские хоромы.

Простой народ жил скудно. Русский пахарь-смерд своим трудом кормил и одевал страну. Он не был свободен. Князья, бояре и дворяне, епископы и монастыри владели его землей и отбирали у него в виде оброка большую часть плодов труда. Один с сошкой, а семеро с ложкой, – как говорилось в народе.

Бесправие, бедность, курная изба, убогая соха, постоянный страх перед неурожаем и голодом, разорение от войны – таков был удел крестьянина.

Обширные земельные угодья, дворы с челядью и под невольными холопами, каменные хоромы в городах, состязания витязей и торжественные богослужения, военные походы и пьяные пиры, суд и расправа с непокорными – вот быт и нравы тех, чье благополучие строилось на угнетении крестьянина.

Господствовал такой общественный строй, при котором «богат возглаголеть – вси молчат и вознесут его слово до облак, а убогий возглаголеть – вси на нь кликнуть», – как писал Даниил Заточник, известный публицист того времени.

Подчас борьба угнетенных и неимущих против богатых прорывалась открытыми восстаниями: народ разорял дома воевод, тысяцких, судей в Киеве, Новгороде, Галиче, Владимире, Смоленске... Тогда феодалы оставляли свои междоусобные споры, распри и войны. Мечом княжой дружины, статьей государственного закона – «Русской Правды», крестом православной церкви убивали, карали, стращали простой народ, принуждая его к покорности.

...Сперва Александра учили читать и писать. На Наревской мостовой XIII века в Новгороде, где под вековыми напластованиями земли до наших дней сохранились водопроводы и мостовые, домницы и горны, сошники и мечи, шахматы и лыжи, азбуковники и игрушки и, что особенно примечательно, грамоты, писанные горожанами на бересте, археологи при раскопках обнаружили детский архив – горстку берестяных грамот, исписанных современником князя Александра – мальчиком Онфимом.

Онфим учил азбуку по алфавиту, вырезанному на маленькой можжевелевой дощечке – была своя дощечка и у Александра; Онфим выписывал буквы и слоги на старом днище берестяного туеса и учился ставить свою подпись: «Господи, помози рабу своему Онфиму» – то же, но на залитой воском дощечке, делал и княжич; Онфим писал формуляры деловых писем: «Поклон от Онфима къ Даниле» – княжичу эти формуляры не подходили.

Его учили более изысканным фразам и дидактическим нормам, вроде тех, что приводил в своем «Поучении» детям Владимир Мономах: «Еде и питью быть без шума великого, при старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать, без лукавого умысла беседуя, а побольше вдумываться; не неистовствовать словом, не осуждать речью, не много смеяться, стыдиться старших, с дурными женщинами не разговаривать, книзу глаза держать, а душу ввысь, избегать их; не уклоняться учить падких на власть, ни во что ставить всеобщее почитание» в надежде на воздаяние от бога.

Но к одному у них был общий интерес. Онфим не раз рисовал смешных человечков, а однажды изобразил воина-победителя, поражающего копьем врага, такое изображение было по душе и юному Александру, иначе оно не оказалось бы позднее на его личной печати.

Если Онфим читал по простой, затертой от употребления учебной псалтири, то к услугам Александра были прекрасные рукописи с хитроумными заставками, рисунками, писанными киноварью и золотом, небесно-голубой бирюзовой краской.

Главной книгой была, конечно, Библия. Александр знал ее хорошо, а много позже свободно пересказывал и цитировал. Поразительна была и летопись – история «в лицах», украшенная такими картинками, что разбегались глаза, на них глядя.

Знакомили княжича и со всемирной историей по переводам византийских хроник. Читал он и знаменитую «Александрию» – роман III века о подвигах Александра Македонского. На Руси в его время обреталось около 85 тысяч одних только церковных книг. Читали ему и книги духовные, и местный «Переяславский летописец». История изначальной Руси и повествование о твердом и победном правлении суздальских князей западали в душу: ведь и по всему краю – и в Переяславле, и в Суздале, и во Владимире – высились архитектурные памятники дедова величия, воспетые летописцами.

Княжич изучал прошлое всех земель Руси, чтобы здраво судить о месте своей отчины в стране, да и о роли Руси в Европе, Азии и Африке – других континентов тогда еще не знали.

Куда легче было понять разнообразие стран света, чем постичь место Земли во вселенной.

В книгах об этом писалось разное. По «Книге Эноха» над землей семь небес, на которых сосредоточены и стихии, и планеты, и силы тьмы, и ангелы, и на седьмом небе, совсем далеко – бог. А Косьма Индикоплов, другой ученый авторитет, учил, что земля плоская, а края ее в виде гор уходят в двойное небо.

Сложны были науки. И меры, и цифры. Цифра – та же буква, но с титлом-знаком, стоящим над ней. Совсем непросто было с дробями, которые выражались словесно: «пол-трети» – $1/6$, «пол-полтрети» – $1/12$, «пол-втора» – $1/7$ (отсюда позднее – полтора). Мерили на сажени, локти, пяди... Сажень существовала мерная – между большими пальцами раскинутых рук, а была и косая – от земли до конца поднятой вверх руки. Человек был мерой всех вещей. Люди были разные, и меры тоже. Города и князья устанавливали средние меры, но и городов и княжений было немало. Их локти, пяди и версты не совпадали, их деньги – серебряные гривны имели разный вес *. Постигал Александр и право – «Русскую Правду», когда присутствовал на боярском совете и в княжеском суде.

Ярослав сумел собрать при своем дворе незаурядных писателей; созданное ими позволяет судить о духовной среде, окружавшей юного князя.

Здесь творил Даниил Заточник – автор «Моления» – сборника горьких и едких афоризмов, посвященного Ярославу Всеволодовичу. Заточник – символический образ тревожного и скорбного времени, мизантроп, стоящий на распутье «аки древо при пути» – «мнози бо посекают его и на огонь мечют». Неудачник, опустившийся дворянин, он изверился в людях – «не ими другу веры, не надейся на брата». Он напоминает о прежней службе и просит князя не забыть: «Егда веселишия многими яствами, а мене помяни, сух хлеб ядуща; или пьеши сладко питие, а мене помяни теплу воду пиюща от места незавет-рена; егда лежиши на мягких постелех под собольими одеяла, а мене помяни под единым платом лежаща и зимою умирающа».

Боярство богатеет, теснит и князя; «Конь тучен, яко враг храпит на господина своего; тако боярин богат и силен умышляет на князя зло». Лучше бы мне, обращался Даниил к князю, «нога своя видети в лапте в дому твоём, не желе в сафьяновом сапоге в боярском дворе». Безысходное противоречие между убожеством и богатством вдруг устрашающе обнажилось перед ним, и он взывает к князю: «Кому Переяславль, а мне Гореславль», «кому Боголюбово, а мне горе лютое», «кому Белоозеро, а мне черней смолы...» Ему везде плохо. Такие мысли тревожили сознание Александра, настораживали юного князя.

Образованные деятели церковного просвещения на Руси йидели смысл бытия в телесной и духовной чистоте, которые достигались дисциплиной жизни и молитвы. Ярослав же Всеволодович и его окружение смотрели на мир свободнее, шире. Чистота – это хорошо для «простцев», для люда, а не для князей. Князь-книжник это нечто другое; это не тот, кто переписывает книги и ропит их, а тот, кто вникает в сокровища книжной премудрости, ищет в них ответ на вопросы христианской мысли, жизненной сложности своего чувства.

Александр рос в среде, где не поощрялось всевластие Церкви. «Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя», – писал Заточник. «Род» и «естество» человека сложны, он не имеет врожденных свойств: «да не глаголем», – писалось в учительной литературе, – что этот

«естеством благ», а тот «естеством зол». И «благий» бывает зол, и злой может «быти благ». Полных праведников не бывает: «Несть праведна, иже не имать ничтоже согрешения, и несть грешна, иже не имать ничто же блага». В душе человека три силы – разум, чувства, воля, в ней борется «правда» с «неправдой», и не все ведающие истину ее творят.

Ценность человека определяется его «нравом» и «деяниями», а «благородным» его делают «душевные добро-деяния», «помыслы» и «свершенное житие», особенно же «любовь, смирение, покорение, братолюбие».

В среде образованных самопознание ценилось: «Испытай себе богына, нежели ближних», тем и себе пользу принесешь и ближним. Или: «Иже смотрит сам себе со испытаньем, то уподобен наставник ест душе своей». Может и грех быть во благо – важны побуждения, которыми поступки вызваны. Словом, это была гибкая мораль политиков.

Александр рано научился ценить и книжное слово церкви, и смелость суждений и действий князя. Ярослав всеми правдами и неправдами пополнял книгохранилище. И когда ростовский епископ Кирилл, богатейший человек – и деньгами, и имуществом, и книгами, – однажды встал на пути, пытаясь столкнуть его с великим князем, Ярослав на княжеском совете добился осуждения и заточения злокозненного святого отца, и среди прочего прибрал к рукам его библиотеку. Это было драгоценное собрание, судя по чудом уцелевшим экземплярам. Пергаменные рукописи, богато украшенные орнаментом и миниатюрами, имеют необычайно крупный, монументальный формат. На первом листе «Слова Ипполита» изображен князь-храмоздатель в русских одеждах с церковью в левой руке. Фигура помещена на синем фоне, в одеждах и нимбе – золото.

Еще богаче «Учительное евангелие» Константина Болгарского: на миниатюре царь Борис на золотом фоне, в роскошном византийском одеянии, украшенном золотом, жемчугом, драгоценными камнями. Словом, роскошь, представительность, как и во всем, что возводилось, рисовалось, сочинялось по воле суздальских князей.

Восхваление самовластия перемежалось с тревогой о горестных последствиях его ослабления. Именно при Переяславском дворе возникло и «Слово о погибели Русской земли».

О светло светлая и украсно украшена земля Руськая!
И многими красотами удивлена еси;
озера многими,
удивлена еси реками и кладезьми месточестными,
горами крутыми,
холми высокими,
дубравами частыми,
польми дивными,
зверьми разноличными,
птицами бещисленными,
города великими, селы дивными,
винограды обительными,
домы церковными,
и князми грозными,
бояры честными,
вельможами многими –
всего еси исполнена земля Руськая...

В еврейской литературе той поры лишь Петрарка (XIV в.) в сонете «К Италии...» поднялся до подобного прославления родины.

В «Слове» настойчиво выражена идея владими́ро-суздальского единодержавия, когда «отселе» (от Переяславля) до союзной ему Венгрии, до Чехии – Польши – Германии и Литвы, до Карелии и «Дышючего моря» (Ледовитого океана), наконец, до Волги «то все

покорено было богом «христианскому народу» Руси и его защитникам – от Мономаха до великого Всеволода. И только потому, что со времен Ярослава Мудрого приключилась беда христианам – одолели их распри, что терзают и ослабляют Русь, обречена она на конечную погибель.

В раннем детстве, да и потом, во время неоднократных и длительных наездов в Переяславль, у Александра было время изучить и полюбить свой край.

Писание, житие, икона, собор – все это ступени не столько познания мира сего, сколько спасения неизбежно грешной души своей. Знание ограничено, божественная премудрость – безгранична. И искусство служит человеку не ради него самого, а ради бога – так учили отцы церкви.

Княжич постиг писание, знал жития, понимал смысл икон. Наконец пришло время поездки в столицу, и тогда близ устья Нерли, у порога земли Владимирской, он прочитал архитектурное предисловие художественной истории родины. И эти первые встречи с прекрасным навеки врезались в его память и чувства.

Храм Покрова посвящен празднику, который своевольный Андрей Боголюбский ввел здесь без одобрения митрополита. Этот сказочный храм, невесомый, летучий, как и его отражение в зеркале реки, порастил Александра своим отличием от воинственной красоты и грозной, тяжелой неподвижности храма времен Юрия Долгорукого, стоящего в Переяславле. Мудрая простота, немногосложное резное убранство фасадов церкви: в центре – пророчествующий царь Давид, по сторонам львы, с ними рядом – голуби, маски девушек. Храм высился на гладкой белокаменной площадке, словно дар небес каждому державшему путь во Владимир.

Гордый и прекрасный Владимир открылся перед Александром. С Юрьевской дороги княжич увидел его со всеми семью воротами и пятикупольным Успенским собором, что высился в юго-западном углу Среднего города – старой, еще мономаховой, крепости. Золотые. Торговые и Ивановские ворота делили город на три части. Его главная улица растянулась на тысячи шагов вдоль Клязьмы до белокаменной арки Серебряных ворот, сливаясь с дорогой на Боголюбово и Суздаль.

И все же не Успенский, а пышно убранный резным камнем Дмитровский собор должен был привлечь внимание Александра. Могучая мужественная слаженность и пропорциональность присущи ему. Колончатый пояс и выше его резьба по фасаду, с боков – листы свинца, на куполе – золоченая медь. Резьба здесь словно ткань. Зодчие связали собор с княжеским двором двухэтажным дворцом с вышкой, с башней, стоящей рядом.

В резьбе господствуют светские мотивы: царски-величественный Александр Македонский держит маленьких львов, здесь и скульптурный портрет Всеволода с пятью сыновьями, среди которых был и отец Ярослав. На престоле Всеволод в княжеском одеянии: плащ-корзно с застежкой-фибулой на правом плече, из-под плаща видна длинная одежда – кафтан, по подолу обшитый каймой, на рукавах – вышитые обшлага и наручи выше локтя – также кайма вышивки и налокотники. Ниже припадающие фигурки – мальчишки-княжичи, одетые, как и сам Александр, в короткие, до колен, кафтанчики, украшенные так же, как и кафтан Всеволода.

В лучах солнца город с золотыми куполами соборов и десятков церквей рисовался как сказка. Новый город Владимир-на-Клязьме был задуман и осуществлен лестными князьями как своего рода архитектурный вызов древнему Киеву-на-Днепре.

Вызывающая пышность убранства города была во вкусе дворянских нуворишей богатейшего двора: «Любим злато и берем имение, любим храмы светлы и дома украшены...», – писал древний проповедник, обличая роскошь аристократии, изодетой в браслеты-наручи с резьбой, перегородчатой эмалью, ожерелья из крупных бус и медальонов, трехбусенных серег...

Храмы не только силой проповеди, торжеством молебствия несли слово божье, слово смирения и повиновения в народ. Они и своей роскошной живописью, этой библией для неграмотных, способной «малыми линиями и красками» передавать зрителю «должайшие

истории», своими огромными размерами, невиданным материалом, строгой организованностью – громадой форм должны были порождать чувство подавленности и благоговения в тех, кто ютился в полуземлянках окрестных сел, на деревянных улицах Ветчаной части города, толпился Н, I торгу в поисках случайного заработка.

Хорошо было, сидя в хорах за стенами Детинца, почитать распространенный на Руси «Стоглавец Геннадия»: «Когда ты сидишь зимой в теплой храмине, безбоязненно обнажившись, вздохни, вспомни об убогих, как сгибаются они, скорчившись над малым огнем, страдая от дыма и согревая только руки, когда плечи и все тело замерзает». Вздохнуть не трудно...

При тогдашнем воспитании сильные характеры складывались в княжеской среде очень рано. Остроконтрастные впечатления, вызванные участием с детских лет в походах в разные, порой очень несхожие по жизненному укладу земли Руси и ее соседей, зрелища кровавых битв, пожарищ, горе частых разлук и ранних утрат – все эти переживания развивали потребность познавать, вырабатывали наблюдательность, усиливали способность обобщения. Словом, ускоряли формирование личности широко мыслящего, чуждого горемычной замкнутости мелких князьков общерусского радетеля.

Ярослав сам очень рано стал воином и политиком и, конечно, того же ждал от сыновей, которых любил: это были по тому времени поздние дети – они родились у него от третьей жены. Воспитывая их по своему подобию, он растил людей умных и смелых, скрытных и решительных. Матери Александр был особенно близок – позднее она годами жила вместе с ним в Новгороде.

Едва ли Ярославичи росли в среде смиренной покорности церкви, если их отец ни во что не ставил ростовского епископа и помыкал новгородским. Юное поколение князей, живших после Калки, не могло пожаловаться на невнимание отцов – они кидали княжичей по стране в смутах взаимных усобиц и внешних вторжений. Поэтому нравственный идеал русского витязя-рыцаря, складываясь одновременно в уме и чувствах, рано находил выход в действии, в поступках.

Тревожная юность

Как вассал и союзник великого князя Юрия Всеволодовича, Ярослав защищал суздальские интересы в Новгороде, Пскове, на Севере, в Прибалтике.

Дела в Прибалтике складывались все хуже с той поры, как в 1202 году папский ставленник рижский епископ Альберт создал здесь Орден немецких рыцарей-меченосцев. Членами Ордена были «братья-рыцари» – воины, «братья-священники» – духовенство и «служащие-братья» – оруженосцы, ремесленники.

Возглавлял рыцарей магистр, при нем состоял совет. На захваченных землях Эстонии и Латвии, в каменных замках, судом и управлением ведали у них командоры и фогты. Орден и епископ раздавали завоеванные земли рыцарям и духовенству, подчиняя их власти местное население, обязанное содержать своих порабитителей, ра-оотать на них и участвовать в их походах. По имени Живущих в низовьях Западной Двины ливов, завоеваниях рыцарями, Орден стал называться Ливонским.

После захвата рыцарями островов Сааремаа и Муху, Папа Гонорий III в 1227 году обратился «Ко всем королям Руссии»: «Твердо соблюдая мир с христианами Ливонии и Эстонии, не препятствуйте успехам веры христианской, чтобы не подвергнуться гневу божьему и апостольского престола, который легко может, когда пожелает, покарать вас». Папские миссионеры-доминиканцы проникли и в южнорусские степи. Грозные годы переживала Русская земля.

Именно тогда великий князь отправил Ярослава в Новгород. С ним была жена и сыновья – Федор и младший Александр. Ярослав уже знал новгородцев и детей взял не зря.

Эта встреча княжича Александра с Новгородом поразила его отличием боярского и купеческого строя жизни от придворного, княжеского, с которым свыкся он в отцовском

Переяславле.

Александр, воспитанный в гордом сознании силы переяславского князя, ехал в Новгород в ожидании почестей, которыми их встретит республика. Ведь и Заточник писал Ярославу: «Как ткань испестренная многими шелками прекрасна, так и ты, княже наш, умными боярами пред многими людьми, и по многим странам славен». Велико, надо думать, было разочарование княжича. В огромном городе (его наружный вал, или по-новгородски «острог», тянулся на 6000 метров) не нашлось места для княжеского двора. Ярослав с женой, слугами и дружиной расположились на Городище, километрах в двух к югу от северной столицы. Здесь отслужили благодарственную службу в каменной церкви Благовещенья. На следующий день в сопровождении сыновей и новгородских послов Ярослав отправился на Ярославово дворище, что на Торговой стороне, где ему вскоре предстояло вершить суд и управление, а оттуда – в Софию, чтобы принести присягу Новгороду. При братьях Яросла-вичах состоял верный пестун Федор Данилович. Он присматривал за их учением и воспитанием.

У стен Ярославова дворища Александр увидел шумный торг. На самом дворище «заморские» купцы – новгородские толстосумы, что торговали со странами Северной и Центральной Европы, – построили каменную церковь Параскевы Пятницы. Одноглавый кубический храм с притворами. На суздальский взгляд Александра – не дом молитвы, а амбар. Где понять княжичу, что спасение купеческой души достигается силой молитвы, а вот товар заморский от огня оберегается еще и толстыми стенами – в этом деле такой храм незаменим. У пяти вымолов – пристаней Торговой стороны Волхова – Иванского, Будятина, Матфеева, Немецкого и Гаральдова – теснились русские лады, шведские и норвежские шнеки, немецкие и датские суда.

Еще больдпе поразила Александра огромная церковь Ивана-на-Опоках – центр братщины богатейших купцов-воцаников. Вступительный взнос в это объединение составлял 50 гривен серебра. Да и не в богатстве дело, а в тех правах, которыми располагали здесь, в Новгороде, купцы.

Был у них и свой торговый суд. Без их совета Новгород не заключал ни одного внешнеторгового договора. В этом же храме хранились и проверочные образцы меры и веса: «локоть иванский» – для измерения сукон, «гривенка рублевая» – для взвешивания драгоценных металлов и весы для воска.

К югу от Ярославова дворища расположен древний Готский двор с собственной остроглавой церковью – Варяжской божницей, а к востоку от храма Николы виднеется Немецкий двор с церковью Петра. У норвежцев же свой древний храм – святого Олафа.

Пройдя всю Торговую сторону по древней Ильиной улице, приезжие вышли к Великому мосту.

В Новгороде шагу ни ступишь, чтобы не услышать предания: говорят, что языческий бог Перун, свергнутый при Владимире Святославиче в реку, подплыв под Великий мост, бросил на него свою палицу – от той и начались драки на мосту.

За рекой высилась громада пятикупольной Софии. Сурово смотрит она своим широким фасадом на Волхов. Мощные, неоштукатуренные стены отталкивали взор суздальца, привыкшего к изысканному внешнему убранству своих храмов.

С запада ее портал украшают трофейные ворота из бывшей шведской столицы Сигтуны. Там же, в примыкающей башне, есть лестница, что ведет на полаты (хоры). На полатах и в башне, говорят, в хорошо скрытых тайниках – хранилища несметной новгородской казны и церковных сокровищ. Копятся они тут со времен Владимира Святославича, но ведают ими только владыка да софийский ключарь.

Сквозь расступившуюся толпу вслед за отцом княжичи вошли внутрь.

Храм ярко освещен – на аналое крест, на столике рядом две грамоты Ярослава Мудрого. И отец целует крест в присутствии всей знати и народа. Людей много – должно быть, около тысячи, стоят тесно.

На князе красный кожух с жемчугами, шапка и пояс золотые, платье с отложным

воротником и множеством петель. На пальце перстень с печатью, а на печати святой Федор, поражающий змея. Подле стоят владыка – архиепископ Антоний не в черном, как во Владимире, а в белом клобуке – и посадник с высоким, прямым жезлом, увенчанным перпендикулярным симметричным навершием, придававшим ему Т-образную форму. Это символ боярской республики. Тут и господа – совет господ – триста мужей в золотых поясах. За ними бояре и богатые купцы в долгополых кафтанах из дорогих испанских, английских и восточных сукон. Их жены в шелках. На шее у них обручи, золотые жгутовидные гривны; новомодные бронзовые, стеклянные браслеты. У девушек – ленты в косах, у замужних – диадемы в скромно уложенных волосах. Все мужчины стрижены в кружок.

На Руси не любили крайностей: «А се грехи – аще муж носит долги власы», но и то грех «аще кто побреет бороду всю». «Овощ телесную» разрешалось выращивать, но разумно: бороду отпускали годам к тридцати.

...В храме и вокруг него толпятся ремесленники, _-смерды. Обычные, как и всюду на Руси, люди в «овчих шерстьях» – сермягах, высоко по талии перехваченных поясом с лировидной пряжкой, а на поясе в кожаных чехлах висит все, что должно быть под рукой (карманов еще не было) – и кошелек, и нож, и гребешок... Новгородцы, говорят, великие мастаки в обработке дерева, применяют его чуть не 30 пород, да еще привозят – кедр, пихту, тисе... Гребешки всегда у них самшитовые, как ложки и ковши кленовые, бочки дубовые...

Кончилось крестоцелование. Благословил владыка князя. Можно ему возвращаться на Ярославово дворище – судить, да рядить.

Расположенный близ Волхова ансамбль Ярославова двора – архитектурный центр Торговой стороны. Главное в нем – пятикупольный храм Николы времен Мономаха. Издали видна его свинцовая кровля.

Только здесь Александр впервые понял, как трудно быть новгородским князем. Совсем иная жизнь, чем в тихом, прекрасном Переяславле. Юному суздальцу думалось – разве можно ставить на вече в один ряд благородного князя и какого-то там Твердилу или Михалку, пусть и богатого, но все же мужика. А вот, выходит, можно. И новгородское войско в поход ведет не сам князь, а посадник или тысяцкий. Хорошо, если это свои люди, а если сторонники Чернигова? Тогда на войско нечего и рассчитывать. На деньгах новгородских изображен не князь, а София – ангел мудрости. И печати тут у всех свои – и у князя, и у посадника, и у тысяцкого.

София, как и все необычное, привлекала внимание Александра, и он нередко заходил в этот храм. Пол в Софии мозаичный. Роспись XII века и вверху огромное по-грудное изображение Вседержителя. О нем, оказывается, своя легенда. Еще в середине XI века, при Ярославе Мудром и владыке Луке, в Новгород «приведоша иконных писцов из Царяграда и начаша подписывати во главе» в куполе. Иконописцы тогда написали Спаса с благословляющей рукой, но поутру будто бы нашли ее сжатой. По велению Луки написали снова, и опять оказалась она сжатой. Так тщетно писали три дня. Наконец на четвертый от образа Спаса раздался глас: «Писари, писари, о писари! Не пишите мя благословляющею рукою, напишите мя сжатую рукою, яз бо в сей руке моей сей великий Новград держу; а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание». Практичные новгородцы измерили и Спаса: в летописце значится: «носу длина – пол 4 пяди», «очи – пол 2 пяди», подпись «Иисус Христос» – по 14 пядей, «а рука сжатая вверх 6 пядей». В Суздале такого бы не допустили.

В простенках храма между окнами центрального барабана изображения восьми пророков, эпически спокойных среди шума и гама Новгорода. На стенах южного притвора – Константин и с осуждающим взглядом Елена. Много больших икон – апостолы Петр, Павел... А внизу пестрят надписи, нацарапанные на стенах, вроде: «Якиме стоя усне, а лба о камень не ростепе», да и другие по-хлестче. Каждый год затирают и епитимьей карают тех, кто вырезает их, но без успеха – грамотных теперь много.

.. Шли дни, и Александр постепенно присматривался к Новгороду. Со своим наставником он проходил по улицам боярской столицы как по страницам ее истории.

София – центр древнего Детинца – округлого городища, обнесенного греблей – земляным укреплением. Два конца широкого пятнадцатиметрового земляного вала пятиметровой высоты дугой упирались в реку. Толщина стен Детинца – 1/2 метра, а изнутри – глубокие арки. Название Детинца от слова «дети» – дружинники, но скоро уже сто лет, как бояре выжили их с князем ян Городище, а здесь господствует Владычный двор; он застроен церковными, парадными, жилыми и хозяйственными зданиями. «Где святая София, там и Новгород» – так повелось. И верховодят тут владычные слуги, да паробки посадничьи, и мостят Пискуплю (Епископскую) улицу владычные бедняки – изгои, и рядит новгородские полки тысяцкий. А отец на Городище, сбоку припека.

Вытеснив князей, владыки сильно укрепили Детинец стенами и башнями., Через одну – Пречистенскую – путь вел к реке на Большой мост; неподалеку высилась Борисоглебская башня по имени храма Бориса и Глеба, выстроенного богатым гостем – самим Садко Сытнычем в 1167 году.

Садко, как повествовала местная былина, поставив в заклад свою голову против богатых лавок шестерых купцов новгородских, вытащил из озера Ильмень златоперых рыб. Так он стал богатейшим купцом и даже однажды под залог в 30 тысяч гривен пытался скупить все товары новгородские, да только не смог и понял, что «побогатее» его «славный Новгород». С другого края от Пречистенской Водяные ворота вели к реке. Под Спасской башней проезжали из древней мощеной Пискупли в Людин конец. Дальше – Глухая башня и другие. Между ними тайники с колодцами, ведущими за предел Детинца.

В Новгороде, как и вообще принято на Руси, Детинец не отделен от города. Он – внутреннее укрепление, не больше, и даже главный вход в него вел через окольный город. Это не обособленный замок, а укрепленный центр – и административный, и церковный, и жилой.

...«А вы, братия, в посадниках и в князьях вольны». Это крылатые слова, произнесенные лет десять назад на вече не кем-нибудь, а суздальским другом посадником Твердиславом. Вот и правят Новгородом триста золотых поясов – богатейших бояр и купцов, но так ловко, что все делается именем веча, черных людей.

Александр знал, что Новгород не единственный вольный город и на Руси, и в Европе, и на Балтийском и Средиземноморском побережье. Но нет равного ему по обширности владений. Весь север Руси, от Финского залива до Уральских гор, – все это Господин Великий Новгород.

Новгородская земля граничила с Владимиро-Суздальским княжеством на юго-востоке, со Смоленским – на юге и Полоцким – на юго-западе. Обретя самостоятельность, новгородские бояре удержали за собой земли соседних народов. В этих землях стояли русские крепости, в которые свозили дань из сельской округи.

На Волхове такой крепостью была Ладога. Она защищала торговые пути от нападений с севера и служила опорным пунктом освоения Карелии, где возник город Олонец; на западе находился основанный еще Ярославом Мудрым Юрьев – центр новгородской власти в эстонских (чудских, как называли их на Руси) и латвийских землях. И вот немцы теперь переименовали его в Дерпт. Крупными городами Новгородской земли были Торжок, Великие Луки, Старая Руса, Городец.

По берегам Невы и Финского залива новгородские бояре собирали дань с ижорян и вожан, а на севере управляли Карелией. Ежегодная дань поступала с земли еми – финнов и севернее, с земли саамов, вплоть до границ Норвегии. Далеко на севере, по Терскому берегу – Кольскому полуострову Белого моря, Заволочью, Зауралью, тянулись новгородские владения. Отовсюду стекалась в Новгород дань – мед, воск, меха, связанные в «круглые бунты» на кольцах из прутьев, серебро, драгоценный моржовый клык, рыба.

Великий Новгород, один из древнейших русских городов, стоит в центре водных путей, связывавших Русь через моря Балтийское, Черное и Каспийское с другими странами. Волховом – Ладожским озером – Невой по Балтийскому морю новгородские купцы плыли в Швецию и мимо Вюсби (известной гавани на острове Готланд) в другие страны Европы –

Польское поморье, Германию, Данию, вплоть до Англии и Италии.

Вел из Новгорода на запад и торговый путь по суше – через Юрьев к Двине и далее к Неману и Висле – в Пруссию. По реке Ловать, пробираясь волоком на Днепр, направлялись новгородские суда в Черное море, заходили в киевское Олешье, в устье Днепра, Белгород и Галич – на Днестре, Малый Галич – на Дунае и шли морем далее, вдоль болгарских берегов в Константинополь, где до разорения крестоносцами был русский квартал – жили купцы, стояла церковь святого Георгия. По рекам Мета и Тверца плыли новгородские купцы к Волге, а по ней через Низ или Понизье – как называли они владения владимиристо-суздальских князей – в Каспийское море. На Каспийском побережье они торговали с купцами Средней Азии – Самарканда, Бухары, а также арабского Востока.

Таков Новгород. Ни Любек, ни Бремен не идут с ним в сравнение, ни даже Венеция и Генуя, владения которых велики, но лоскутны.

Не диво, что Новгород – вольный город и тирании не терпит. Править в нем нелегко, силой его не согнешь. Андрей Боголюбский пробовал и «добром и лихом», пришел было чуть ли не со всей Русью, но три дня воевал, а на четвертый был бит. День победы над ним новгородцы доныне отмечают как праздник. О Липицкой битве и вспоминать не хочется. Один срам. Отец оттуда едва голову унес.

...Княжичам сопутствовал равномерный ритм городской стены, с чередующимися башнями, воротами, кое-где с церквями над ними. Каменные декоративные кресты на стене, маковицы церквей – все это сурово, живописно, неприступно. За укреплениями жило более 40 тысяч горожан, да еще монастыри, да пригороды... В Новгороде и вокруг него был 21 мужской и женский монастырь – втрое больше, чем во Владимире, а в отчем Переяслав-ле – всего один. Есть среди них такие, что известны и в Суздальской земле, например Хутынский, из него вышло немало видных деятелей аристократического монашества, в том числе Добрыня Ядрейкович, автор «Повести о падении Константинополя».

Федор Данилович не уставал повторять своим княжичам: надо знать город, чтобы удержать его зыбкий стол. Стена-то вокруг одна, да не ею держится единство Господина Великого Новгорода.

Говорят, что на Великом мосту прежде сталкивались только жители противоположных сторон.

Теперь не так: расположенный на Софийской стороне Наревский конец с его аристократической Прусской улицей нередко поддерживает Торговую, и межи разделяют уже не стороны города, а проходят по частоколам усадеб одной и той же улицы. Новгород не так уж твердо спаян – есть в нем как бы изолированные поселки: на Софийской стороне между Людиным и Наревским концами лежит малонаселенное Загородье, лишь окаймленное Прусской и Чудинцевой улицами, между собой почти не соединенными; да и на Торговой стороне концы Словенский и Плотницкий тоже разделены.

Все эти внутренние швы должен различать княжич и уметь использовать. Конечно, если задумает здесь усидеть. Ведь не только стены города замкнуты для суздальских дружин, но тут даже календарь свой, не как у людей: в Суздальщине год считали и праздновали с 1 сентября, а в Новгороде с 1 марта. Здесь люди как будто и жили быстрее.

Все дома смотрели на Александра – богатые отсвечивали стеклом и слюдой, бедные – тускло мерцали окошками, затянутыми рыбьим пузырем. К богатым подается вода по отводным трубам из деревянных долбленых колод, длиной до восьми метров, бедные – тянутся к колодцам и реке. Богатые дворы мощены, скот – в открытых загонах, бедные – тонут в грязи. У богатых – сады и цветут ирисы. Дома новгородцев в большинстве деревянные, двухэтажные, украшенные резьбой. Улицы вымощены плотно скрепленными толстыми плахами. Самодовольные новгородцы говорят, что плах этих под землей не один слой, а больше десятка, что улицу Великую начали мостить еще при великой княгине Ольге в 953 году, когда ни Владимира, ни Ростова и в помине не было.

Вечевая площадь испокон веку мостилась коровьими челюстями с обрубленными выступами. Никто не знал почему, но обычай жил. Улицы полны шумного народа – кругом

ремесленный и торговый люд, озорной и деловой, город Садко Сытныча и Василия Буслаева. Смерды, как и на Суздальщине, в короткополых, выше колен, кафтанах и в матерчатых, закругленных шапках, со светлыми косыми отворотами; правда, здесь они не в лаптях, а в кожаных мягких поршнях, без каблуков. У многих в ухе серьга. На женщинах стеклянные бусы, витые и пластинчатые браслеты.

Княжич, осматривающий город под надзором дядьки-кормильца Федора Даниловича, для них не в диковину: князей тут и княжичей меняют как рукавицы. Это город кузнецов, плотников, ювелиров, сапожников. С кем они – тому править трудно, но воевать легко. На торгу полно стальных и железных товаров – от кос до панцирей, от сверл до кольчуг, от напильников до мечей... Тут продают и затейливые механизмы: воздуходувные мехи, ручные мельницы, весы, токарные и ткацкие станки, а также блоки, ролики, подшипники, оси, валы... В особом ряду торгуют смолой, дегтем, углем, золой, поташом, красками, серой, селитрой, железным купоросом... Лежат навалом глиняные горшки, и плошки, и рукомойки с причудливыми носиками... Пестреют тонкие резные поделки из кости – шахматы, шашки, печатки, игрушки... На пустырях сверстники Александра гоняют кожаный, туго набитый шерстью или мохом мяч.

...Посетили княжичи и главные монастыри.

Монастыри в Новгороде – немалая сила. Глава черного монастырского духовенства – новгородский архимандрит был членом боярского совета, господы, ежегодно переизбирался вечем, а жил в Юрьевском монастыре, окруженном маленькими, но увесистыми однокупольными церквушками, похожими на каменные избы. Они десятками разбросаны по всему городу – епископские, боярские, купеческие, уличанские, не говоря уже об обыденских – возведенных об одном дне, чтобы унять поветрие, прекратить засуху – ведь «хлеб не земля родит, а небо» – все от бога. Славны эти церквушки искусством живописи, но как все это далеко от привычных Александру торжественных суздальских храмов. Пять монастырей стояли во главе духовенства городских концов. С ними надо ладить: они воздействуют на мнение народное, от которого здесь многое зависит.

У всех монастырей и церквей свои почитаемые святые, свои росписи, о свои истории. Иногда эти предания весьма удивительны. К примеру, как возник Антониев монастырь. Если верить его клирикам, однажды новгородцы увидели на безлюдном берегу Волхова человека, молившегося на камне. Когда он был допущен к владыке новгородскому Никите, то поведал дивную историю, будто приплыл на этом камне из Рима. Никита радостно выслушал его и разрешил соорудить монастырь на том месте, где прибило камень. А тут подоспела и бочка с ценностями и церковной утварью, брошенная Антонием в море перед отплытием. Предприимчивый путешественник купил землю, и вскоре был готов огромный каменный собор, который расписали фресками. Антоний через четверть века после прибытия сделался игуменом.

Так чудом, а не скопидомным стяжанием и разорением «простцев» создавались, оказывается, монастыри.

...Ярославу Всеволодовичу было не до сыновей. Они то и дело провожали его в походы. Видели отцову дружину уходящей на литовцев, которые, скрыто пройдя сквозь полоцкие земли, пограбили Торопецкую и Новоторжскую волости. Потом он ушел в южную Финляндию, которой грозила Швеция, а вскоре уплыл на судах-насадах * в Карелию защищать Исады и Олонец.

Противоборствуя Швеции, Ярослав послал своих дружинников и попов, чтобы обратить в православную веру Карелию. Видимо, Ярослав знал, что папская курия защищала в Финляндии и Карелии интересы католических крестоносцев и что еще папа Иннокентий III направил сюда в качестве епископа английского доминиканца Томаса. Крестив Карелию, Ярослав лишил Швецию предлога для крестового похода.

Поначалу у Александра с братом было вдоволь времени, чтобы узнавать и учиться понимать жизнь Великого Новгорода.

Пока князь воевал, архиепископ Антоний вершил свои церковные дела. Александр мог

побывать и на торжествах освящения и закладки Двух новых церквей и осмотреть только что законченную роспись храма Сорока мучеников в Наревском конце на Щеркове улице. Мастер Вячеслав Прокшинич, внук Малышев, строил этот каменный храм долго, чуть не тридцать лет, и вот теперь наконец церковь была расписана. Стенопись Вячеслава одушевила библейскими образами немые стены, внесла мысль и единство в его архитектурный строй.

Церковь утверждала свою веру, искореняя инакомыслящих. По решению боярского совета на Ярославово дворище как-то вывели четырех волхвов и, объявив их вину в поговорах (колдовстве), привязали к столбам и сожгли на огромном костре при молчаливом внимании большой толпы. А доказана вина кудесников или нет – никому не известно, дело это темное, если сам владычный летописец записал – «а бог весть».

Неугодны церкви были и скоморохи, но народ стоял за них. Толпы людей собирались на их хитрые забавы, глядя, как «иной, привязав вервь ко кресту церковному, а другой конец отнесет далече к земным людям и с церкви по той сбегает вниз, единою рукою за конец верви той держась, а в другой руке держаще меч наг»; «а иный летает с церкви или с высоких палат, полотняные крылы имея»; «а ин обвився мокрым полотном борется с лютым зверем» – леопардом; «а ин нагим идет во огонь». Словом, было что посмотреть.

...Ярослав, используя свои военные успехи, старался попрочнее укорениться в Новгороде. И посадник, и тысяцкий были свои люди, но вот владыка мозолил ему глаза.

Антоний был человек известный. Новгородский дипломат в прошлом, боярин Добрыня Ядрейкович, он был очевидцем варварского разорения столицы Византийской империи. «Второй Рим» – Константинополь, патриарший 1 центр и оплот православной церкви – пал в 1204 году под мечами вероломных рыцарей. Это известие ошеломило Русь. Воротившись на Русь с куском «гроба господня» (этот прихваченный в суматохе кусок едва ли не единственная добыча Руси от крестовых походов), Добрыня написал повесть о происшедшем. Она привлекала широтой взгляда на события, хорошим знакомством с окрестными странами. Повесть эта не раз переписывалась, была читаема и в суздальской княжеской среде – здешним князьям была созвучна мысль о гибели Византии «от свады императоров». Разделяли они и осуждение неправых действий крестоносцев. Русь сохранила церковно-политические связи с уцелевшей частью империи и ее новой столицей Никеей.

Развалины Константинополя стали центром Латинской империи – недолговечного символа папского торжества.

Наконец Ярославу удалось устранить Антония и прибрать к рукам его влиятельную должность, да еще и с немалым доходом (в то время получение сана епископа, о чем знали, разумеется, лишь посвященные, стоило 1000 гривен, а архиепископа – и того более). За щедрый дар князю владыкой стал Арсений, а Антоний удалился в Хутынский монастырь святого Спаса, что в десяти километрах от города на реке Волхове.

...Знание, разумение и мудрость – разные дары, и даются они ни одновременно.

Александр проходил в Новгороде при отце обучение внутренней и внешней дипломатии, постигал искусство подчинять бояр и повелевать толпой, переменчивой и грозной. Этому он учился, присутствуя на вече, иногда на совете, слушая беседы отца.

Куда больше времени отнимало «мужское дело». Оно обязывало держать порядок – и в доме, и в церкви, и на охоте – «и в конюсех, и в соколах, и в ястребах» быть сведущим. Дело это было ему по душе и давалось легко. Александр учился вместе с приданной ему отцом такой же молодой дружиной.

Но особое место в обучении и воспитании княжича отводилось ратному делу. Пока его научили «вседше на коне, в бронях, за щиты, с копьём, якоже биться» – прошли годы. Владеть конем, защитным и наступательным оружием, быть и турнирным рыцарем и знать строй пеший и конный, тактику полевой битвы и осады крепости – это целый мир, своеобразное искусство. Как и во всяком искусстве: у одних к нему дар, другие – лишены его. Даниил Заточник даже считал, что люди мыслящие – в ратном деле нестойки: «умен муж не вел-ми бывает на рати храбр, но зато крепок в замыслех». Мечталось молодому

князю, вероятно, и о том и о другом.

Владеть конем – это значило управляться с седлом, уздой, псалиями, удилами, стременами, скребницей, путами, плетью, шпорами. Тогда входили в моду особые шпоры – с изогнутым шипом, который позволял более искусно сдерживать коня.

Древнерусский воин-профессионал умел все – бился и в конном строю и в пешем. Князь-воевода предстает как тяжеловооруженный всадник, владеющий рубящим, колющим, ударным оружием, он – копейщик, оружник, бранистарец: копье (или два), меч (сабля), сулица-дро-тик, лук со стрелами, кистень, булава, боевой топорик, шлем с пристегнутой к нему бармицей для защиты шеи и затылка, кольчуга, щит, – вот его вооружение. К тому же ножны, футляр для топора, колчан, рукавицы, ремни – и все это должно быть пригнано, подогнано. Опытный конный лучник делал 6 прицельных выстрелов в минуту при дальности до 200 метров; прицеливался мгновенно, натягивая тетиву. Наконечников копий и стрел существовали десятки видов, надо было приловчиться, выбрать полюбившиеся.

Мало было все это пудовое вооружение надеть и везти. Когда лучники, осыпав противника тучей стрел, произведут разведку боем, князю надлежало возглавить войско и, прижав к бедру копье, слиться в плотную массу с дружиной, а когда твоя рать с ходу сшибется с вражеской, опрокинуть ее и довершить битву мечами в рукопашной. Пешцы, лучники-стрельцы доделают остальное. Скорость, совершенное владение конем, сила и смелость – вот что нужно. При удачном начале можно было выиграть битву в первые минуты. Битвы, были ожесточенные, яростные, быстротечные. Они требовали от воинов личного мужества.

Только от знаний и сметки князя зависело, какое войско брать в дело: наспех поднятый легковооруженный конный отряд – вдогон за лихими в набеге литовцами; тщательно собранную тяжеловооруженную городскую пехоту и сельских пешцев – в большой поход с предстоящими осадами.

Князь должен знать, как делать подкопы для отвода воды, сооружать осадные метательные машины – пороки (от слова «прак» – праща), отынивать крепости, вскидывать лестницы, перемахивать валы и стены, а если надо – то и сидеть в обороне, со стен отстреливая вражеских пешцев и в вылазках сокрушать их. Наконец, совладать с обозами тоже ратное дело, а то останешься без оружия или упустишь добычу.

Князь должен заботиться об охране – дозоре, помнить и о засаде; знать, как раскинуть широкие, укрепленные на толстом столбе, яркие, разноцветные шатры – словом, удобно и безопасно расположить лагерь. Князь должен уметь искусно вооружаться и вовремя раздать оружие дружине и полкам, построить их для боя и самому стать так, чтобы все видели льва на высоко поднятом цветном княжеском стяге, его золотой шлем, меч с золотой рукоятью и блестящие шлемы и красные щиты его воевод. Пока блещут шлемы и реют стяги – будет непоколебимо войско.

Для всего этого надо воистину быть «под шоломом повиту, с конца копья вскормлену».

...Новгородцы привыкли к молодому, сдержанному, ладно сидевшему на коне князю. Александр всюду бывал, ценил искусство, посещал храмы, монастыри. А ведь и на Софийской стороне их было немало. Выходя из церкви Уверения Фомы, что на озере Мячине, Александр видел просторы новгородской равнины, зеркало озера и монументальную громаду Георгиевского собора Юрьева монастыря. Это роднило Новгород с Суздальщиной. Все – Русь.

На северной оконечности Софийской стороны раскинулся Зверинец – заповедный лес, здесь князь с дружинной молодежью не раз охотился.

В Переяславле Александра учили другому – книжной премудрости, княжому вежеству. Здесь он впервые понял: будущее грозно, придется с мечом защищать свои права на княжение и само княжение от Ливонского ордена и Дании, Швеции и Литвы.

Готовились события, втянувшие в свой круговорот и Александра. Они заставили его по-новому взглянуть на город. Не крепость, не святыни, а заботы и думы новгородцев открывались ему. Тяжелые это были думы.

Всему Новгороду было ясно, что впереди война с немцами, и потому особенно тревожила Ярослава неустойчивая политика Пскова. Желая повлиять на тамошних бояр, он поехал во Псков. Но тут его ждала неудача. Бояре распустили слух, будто Ярослав везет оковы, чтобы заковать в них знатных мужей. Псков затворил перед ним ворота. Воротившись с пути от верховьев реки Шелони, Ярослав собрал вече на владычном дворе и, внося жалобу на Псков, сказал: «Ничего не замышлял я против псковичей злого, а вез им в коробьях дары – дорогие ткани и плоды, а они меня обесчестили».

Ярослав был человеком быстрых решений. Его гонцы помчались в Суздальщину, и вскоре изумленные новгородцы увидели переяславские полки, которые раскинули шатры на Городище, поселились по дворам Торговой стороны. На запрос боярского совета Ярослав ответил кратко: «Хочу идти на Ригу». Этому мало кто поверил: считали, что поход будет на Псков. Постой полков вызвал дороговизну на хлеб, мясо, рыбу. Город жил привозом окрестных деревень, запасы зерна всегда были ограничены. Чтобы исправить дело, Ярослав распорядился ввести натуральный сбор, а когда сельская округа стала противиться побору, он послал своих судей по волостям.

Эти действия нарушали местный закон – новгородскую «Правду», и были чреватые острым столкновением с Новгородской республикой. Бояре тяготились слишком энергичным князем.

Повод избавиться от Ярослава вскоре нашелся. Опасаясь Ярослава, псковичи поспешили заключить в 1228 году отдельный договор с Ригой. По условиям договора Псков порвал союз с Новгородом, обязался не вмешиваться в немецко-новгородские войны и даже признавал крестоносцев своими союзниками в случае нападения на него новгородцев. В знак прочности договора в Ригу были посланы 40 мужей в заложники, а в Псков призван союзный отряд немцев и вассальных им эстонцев, латышей и ливов.

«Тобе, княже, кланяемся и братьям-новгородцам, – внятно и холодно читал на вече посланец-грек псковскую грамоту, – в поход не идем и братья своей не выдаем; а с рижанами мы мир взяли. Вы к Ревелю ходивши, серебро взяли, а сами ушли в Новгород, а города не взяли и договора не было; и у Вендена – также и у Оденпе – также; а за это немцы нашу братью перебили ва озере, а других увели в полон, а вы учините раздор – да прочь; а если на нас замыслили, то мы против вас со святой богородицей; уж вы лучше нас иссеките, а жен и детей заберите себе, словно поганые; то вам кланяемся».

Чем дальше читал поп-гонец эту сухую, по-северному скупую на слова грамоту, тем яснее становилась Александру пагубность боярского самовластия. Распри бояр с отцом подрывали мощь Руси, ослабляли ее устои в Прибалтийских землях.

Выслушав псковскую грамоту с отказом выдать «братью свою», боярский совет заявил Ярославу: «Мы без своих братьев, без псковичей, не пойдем на Ригу, а тебе, княже, кланяемся».

Александр слушал, как князь долго спорил с боярами и «много понуждал» их, но тщетно. Тогда отец отдравил свои полки в Суздальщину, и сам, разгневанный, вместе с княгиней Феодосией покинул Новгород. Но сыновей Федора и Александра с их пестуном, дядькой Федором Даниловичем, и тиуном князь оставил, давая понять, что разрыв этот не окончательный. Тиун охранял хозяйство двора, следил за княжой долей пошлин в Новгороде, Торжке, Волоке от торгового дела и заменял князя в суде по торговым делам. Этот суд вершил новгородский тысяцкий при его участии. Юные князья-наместники по совету дядьки пользовались печатью отца при скреплении актов, выработанных совместно с посадником, а тиун имел собственную печать. Церковный суд был делом владыки, за ним надзирал киевский митрополит.

Ярослав хорошо знал Новгород, Александру еще предстояло его узнать.

До княжичей на Городище доходили вести одна другой горше.. С уходом князя настал черед его приспешника – владыки. Новгородские бояре ловко воспользовались

недовольством, поборами и дороговизной, которые усугубил неурожай. Осенью «с середины августа наиде большой дождь и лил день и ночь», до начала декабря «не видели светлого дня, не удалось людям ни сена добыть, ни нив возделать». Тогда-то бояре и пустили среди парода молву, будто и дождю и затажному теплу виной владыка Арсений, который незаконно, за взятку князю, выпроводил Антония. Подзадоренная суеверная толпа окружила дом архиепископа и «аки злодея» вытолкала его в шею с владычного двора. Едва избежав смерти, он заперся в Софийском соборе, а когда страсти поутихли, тайком скрылся в Хутынский монастырь. Поутру возбужденные горожане привезли оттуда не менее напуганного Антония и вновь возвели его в архиепископы, приставив к нему, двух соправителей.

Волнение ширилось. Вооруженные горожане прямо с вече бросились громить дворы тысяцкого, других сторонников князя, его владыки. Стихийно разрастаясь, движение обратилось против бояр, и «бысть мятеж в городе велик». Он охватил и села, откуда смерды, гонимые неурожаем и страхом голода, скрывались в соседние земли, а те, что оставались, наотрез отказывались платить господам положенную подать.

Нарушался весь порядок мира сего: князь не воевал, владыка не молился, пахарь отказывался пахать.

Стараясь сладить с горожанами, бояре поставили нового тысяцкого и направили послов в Переяславль. «Приходи к нам, – заявили послы, – поборы отмени, судей по волости тебе не слать; на всей воле пашей и на всех грамотах Ярославлих – ты наш князь; или – ты себе, а мы себе». Ярослав отказался принять эти условия. Тем самым была решена и судьба его сыновей.

Тайно, ночью 20 февраля 1229 года, дядька и тиун, забрав княжичей, бежали из Новгорода во Владимир, где находился тогда отец. Александр впервые стал жертвой своеволия бояр, которое так гневно осуждалось в придворных кругах его княжества. Поражала и ловкость, с которой враждебные бояре использовали недовольство городской бедноты – «черных» людей.

Утром бояре оповестили вече о бегстве княжичей и провели на нем такое решение: «Кто злое замыслил против святой Софии, тот и бежал, а мы их не гнали, а наказывали своих собратьев; а князю мы не причинили никакого зла; и пусть им будет бог и крест честной, а мы себе князя промыслим».

Бояре имели в виду черниговского князя Михаила Всеволодовича. В ту пору Чернигов, один из крупнейших городов, был главным соперником владими́ро-суздальских князей в борьбе и за новгородский и за киевский столы. Михаил поспешил в Новгород и принял власть «на всей воле новгородской». Народное недовольство было в разгаре, а крестьяне и беднота, спасаясь от поборов, целыми семьями бежали из пределов республики: «...и полны были чужие города и страны нашими братьями и сестрами», – читаем в летописи. Нужно было срочно что-то предпринять. Князь освободил на 5 лет от даней беглых крестьян, которые вернуться в родные места, и подтвердил прежние уставы об уплате дани теми, кто сёл не покидал.

Гнев недовольных был ловко обращен на суздальских приверженцев из бояр и купцов. С них, и особенно с жителей Городища, взыскали немало денег, пустив их на строительство моста через Волхов, который вскоре и заложили. Разумеется, был поставлен новый посадник.

Наконец восставшие сместили и владыку: у Антония от всего пережитого случился удар – он внезапно онемел и сидел «ничтоже глаголя». Его удалили в Хутынский монастырь уже навсегда. Мнения вече об его преемнике разошлись, и тогда по жребию избрали дьякона Юрьевского монастыря Спиридона, который после поездки в Киев на утверждение к митрополиту на целые двадцать лет стал «пастухом говорящих овец Новгорода и всей волости».

...Между тем великий князь Юрий на совете князей, собранном в 1229 году в Суздале, сумел укрепить их единство против Чернигова. Было решено от Новгорода не отступаться.

Вскоре князь Ярослав своими войсками занял Волок-Ламский. Как вассал Юрия Всеволодовича он имел большие силы и перерезал торговые пути Новгорода на Смоленск, Чернигов и Понизье. Блокада не замедлила сказаться на политической жизни республики. Сторонники Ярослава вновь оживились.

Угроза вооруженного выступления владими́ро-суздальского князя понудила Михаила уступить. В придворной летописи великого князя Юрия под 1230 годом записано, что «прибыл преосвященный митрополит всея Руси из Киева во Владимир» к великому князю Юрию и к брату его Ярославу, и другим князьям с посольством, «прося мира Михаилу с Ярославом: нарушил Михаил крестное целование (договор) Ярославу и собирался Ярослав итти на Михаила войной».

Переговоры привели к миру. Юрий и Ярослав поднесли дары именитым духовным послам и, конечно, устроили торжественную трапезу. На таких встречах обычно присутствовали и жены и дети князей. Находясь при дворе, Александр мог узнать, каким образом Михаил проиграл свою борьбу за Новгород.

В новгородской летописи, которую в те годы вел пономарь Тимофей, об этом известий нет. Зато в ней собраны все недобрые предзнаменования тяжелого будущего, а их было немало. Средневековые люди были во власти веры и суеверий, и часто возлагали на бога и на судьбу решения, которые надлежало принимать им самим. Решительность в ту пору была качеством редким. Даже на суде при разборе запутанных дел подозреваемых испытывали водой (всплывет или утонет?) и каленым железом (какова степень ожога?). Знаменья и приметы, сулившие радость и горе, победы и поражения, запоминались и заносились в летописи. Некоторые из недобрых примет записал и пономарь.

Весной 1230 года вдруг «трясется земля в обед, а иные уже и отобедали - то, братие, не на добро, на зло». Землетрясение было тогда и во Владимире, где люди сильно изумлялись, думая, что у них кружится голова – «мняхутся так, яко голова обишла коего их». Его очевидец Серапион рассуждал по этому поводу: «Земля от начала утверждена и неподвижна, повеленьем Божиим ныне движется, грехами нашими нашего носить не может».

Потом случилось другое чудо: > гром вдруг пищ^кло солнце и «стало словно месяц, и потом опять плп<>шилось, и рады были мы небоги», записал Тимофей. Затмение солнца пугало суеверных современников Александра: в Киеве «людем всем отчаявшимся своего житья, мпяше уж кончину сущю, целующе друг друга, прощенье имаху, плачюще, горько возопиша к богови со слезами».

Описав явления небесные, пономарь Тимофей перешел к делам земным. Заколебалась власть черниговских приспешников в Новгороде. Началось с пустяка. Давний суздальский сторонник Степан Твердиславич столкнулся с посадником и при поддержке веча разгромил его двор. Тот, в свой черед, поднял на ноги весь город против суз-дальцев. На вече посадник обвинил одного из них в поджоге. Зажигальнику по «Правде» положена смерть, и виновного тут же на вече и убили; другого посадник сам убил и сбросил с моста в Волхов. Много дворов тогда разграбили...

Тимофей думает, что эта смута, в которую втянулся город, стала причиной более суровых невзгод голодных лет. Но вернее обратное: дороговизна и надвигающийся голод усугубили «братоненавидение и непокорение друг другу». Голод стал реальностью, когда мороз уничтожил урожай. Для бедноты это означало смерть.

На Руси голод не в диковину – летописи упоминают о голоде раз в восемь лет. Наиболее затяжные голодные годы совпадали с общеевропейскими. Засухи, ливни, половодья, сырые зимы, ранние морозы, налеты саранчи, бабочки-поденки, набеги грызунов – против всех этих бед люди были бессильны. Но похуже засух и ливней – войны и распри, которые особенно сказывались на Новгородской земле. Запасы продовольствия были невелики, а их поступления извне зависели от боярской политики.

Голод 1228–1230 годов был особенно тяжелым: люди умирали сотнями, и некому было их погребать. Архиепископ Спиридон распорядился превратить в общую могилу

«скудельницу» – огромную яму близ церкви Двенадцати апостолов, что между Чудинцевой и Прусской улицами, и поручил смиренному мужу Станиле СВОЗИТР. туда тела мертвецов. Сумрачная повозка новгородского Харона целыми днями передвигалась по улицам, доверху нагруженная страшной поклажей. Так не могло долее продолжаться, надо было мириться с Низовской землей. И в Новгороде произошел переворот.

Стараниями того же Степана Твердиславича городской и сельский голодный люд был поднят на разгром дворов и имений теперь уже черниговских сторонников. Став посадником, Степан Твердиславич и новый тысяцкий поделили их имущество по сотням, городским и сельским. Противники бежали в Чернигов.

Вновь настало время Ярослава, время, которого он ждал. В Переяславль прибыли послы и попросили его занять новгородский стол. Это означало новый поворот и в судьбе Александра. Не мешкая, Ярослав вместе с сыновьями Федором и Александром приехал в Новгород и, собрав вече, принес присягу «на всех грамотах Яро-славлих». Псков тоже признал князя и принял его наместника. Только две недели пробыл среди новгородцев Ярослав, потом уехал в Переяславль, прихватив с собой некоторых именитых «молодых мужей».

Наместниками опять остались Федор и Александр, первому было одиннадцать, второму десять лет.

Эта новая встреча Александра с Новгородом была куда тяжелее прежних. Александр, еще ребенок, стал свидетелем страшного стихийного и социального бедствия, увидел нужду и гнев народа и то, как даже эта беспредельная нужда используется умелыми политиками, держащимися за кормило власти. Свиристествовал голод. Народ громил дома бояр и купцов, которые наживались на продаже зерна: «Бедный люд начал добрых людей дома зажигати, где могла быть рожь, и тако разграбливахуть именье их...» Голодные бедняки, доведенные до отчаяния, ели мертвечину и даже «резаху люди живыя и ядаху», хотя уличенные в этом кончали жизнь на костре, виселице и от меча.

Страшные стояли дни, когда «сусед суседу не улам-ляше хлеба», когда мерли дети бедняков и «бьяше горе и печаль на улице, скорбь друг с другом дома, зряще детей плачущих хлеба, а других умирающих». Люди съели всех коней, собак, кошек, ели мох, сосну, липовую кору и листья вяза и все, «кто что замысля». По улицам, на торговой площади, на Великом мосту лежали трупы новгородцев. Цена буханки хлеба возросла до одной гривны. Бедняки отдавали богатым купцам – гостям в рабство «ис хлеба» – за хлеб своих детей, чтобы хоть так спасти им жизнь. Поджоги вызвали общий пожар, который опустошил Славенский конец, пламя так бушевало, что казалось, горит сам Волхов. И вот в 1231 году немецкие купцы, чуя богатую наживу, подвезли сюда зерно и муку. И едва успели: «Уже бьяше при конци город сей».

...В сознании современников и потомков этот канун татаро-монгольского нашествия сольется в черное предзнаменование – лихолетье землетрясений, солнечного затмения, голода.

Однако и в голод духовная жизнь не замирала. Как раз в это время была завершена работа над одним евангелием, на 160-м листе которого есть запись: «...в голодное лето написах евангелие и апостол обое одном лете. Домка, поп святого Лазаря». Книги писались на очень дорогом материале, пергамене, изготовленном из тонко выделанной телячьей кожи. Русь производила его: восточные купцы продавали «телятин» в далеком Хорезме.

Александр с братом стали свидетелями еще одной крамолы, которая вспыхнула в связи с последней отчаянной попыткой черниговских князей посадить здесь и во Пскове своих союзников. Близкие им бояре со своими дружинами ворвались во Псков, захватили княжого наместника, избивали его и посадили в оковы. Александр и Федор, должно быть, натерпелись страху, когда и в Новгороде начался «мятеж велик».

Был срочно вызван из Переяславля отец. Он первым делом велел взять под стражу бывших в Новгороде псковских бояр и купцов; княжичи видели, как их доставили на Городище и заключили в покое для дружины. Восстановив порядок в Новгороде, Ярослав

направил гонца к псковичам. Княжеский гонец передал Пскову требование освободить наместника, но псковская господа поддержала черниговских смутьянов. Ярослав не привык отступать от задуманного и прибегнул к испытанному средству – торговой блокаде: он запретил купцам из Новгорода выезд во Псков. Там сразу подскочила цена на соль.

Соляных промыслов – «рассольных мест» – в Северной Руси было немало: в Старой Русе, Городце, Переяс-лавле, Юрьеве, Суздале, Соли Галицкой, Вологде, в По-двинье, на Белом море. Но Псков своей соли не имел и должен был смириться.

Зимой пришли псковские послы и, заявив: «Ты наш князь», попросили наместника. Крамольные бояре ушли за рубеж в Орден. Александру это был хороший урок дальновидной политики.

Летом 1233 года княжич Александр пережил новое испытание. Старший брат его Федор, лишь недавно достигший совершеннолетия и уже успевший принять участие в мордовском походе суздальских князей, внезапно умер накануне своей свадьбы. Это дало повод летописцу заметить: «>..И кто не пожалеет о сем, – свадьба при строена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны – и бысть в веселия место плач и сетование...» Смерть Федора расстроила с немалым трудом достигнутое сближение с Черниговом. Его невестой была Евфросинья, дочь Михаила Всеволодовича.

В эту пору церковная проповедь затворничества женщин еще не отгораживала их от мира сего, как позднее, в татарское время. Женщины играли видную роль в духовной жизни общества. Тому пример и черниговская княжна Евфросинья.

Ее образованность хорошо характеризует духовный уровень той среды, в которой росли Александр и Федор. Евфросинья была, как записано в ее «Житии», поклонницей античной культуры: «Она познала все книги Вир-глийскы и витийски, была сведуща в книгах Аскилопо-вых и Галиновых, Аристотелевых и Омировых и Платоновых». В этом перечне и поэты – Вергилий, Гомер, и философы – Аристотель, Платон, и медики – Гален. Аскилоп (Эскулап). Постригшись в монастырь после внезапной смерти жениха, Евфросинья стала игуменьей. Под впечатлением смерти своего суженого она впоследствии много занималась врачеванием недужных в монастырской больнице.

Федора погребли в новгородском Юрьевском монастыре. Вскоре удрученный смертью брата, Александр присутствовал при закладке во владычном дворе каменной церкви Федора. Так владыка выразил свое сочувствие князю.

Смерть старшего брата круто изменила жизнь Александра. Она побудила Ярослава ускорить подготовку сына к трудному делу на поприще политики. Дальновидный Ярослав п сам, и с помощью советников должен был помочь сыну уяснить политическую географию тогдашнего мира и главные направления владими́ро-суздальской политики. Александр знакомился с договорами, которые заключались на Руси с великими и вассальными князьями, с епископами и вольными городами. Ему следовало изучить и грамоты, определявшие отношения Руси с иноземными державами – Волжской Булгарией, Половецкой степью, со Швецией, Данией, Ригой, Орденом, городами польского и немецкого Поморья. Ученье требовало и времени и способностей. Юный князь, можно думать, знал латинский и немецкий языки, к которым судьба добавила и татарский.

С востока доходили тревожные вести о новом вторжении татаро-монголов в Закавказье, об их продвижении и к Волге.

После победы на Калке монгольские ханы не оставили своих планов продвинуться в Европу. Чингисхан умер в 1227 году. Вместе с ним в могилу отправили сорок красивейших девушек. Сам он стал гением – хранителем всего монгольского рода, которому завещал покорить мир. Совещаясь на курултае в 1229 году в столице империи Каракоруме, монгольская знать обсуждала вопрос о походе. Завоевание Закавказья и перенесение ставки Батые, внука Чингисхана, в низовья Яика приближали день наступления на Европу. Никто на Руси не мог предугадать, где остановятся татары. Их посольства уже не раз приходили во Владимир, предлагая союз против половцев. Их послы через Владимир неоднократно проезжали в Венгрию, где короля Белу IV также склоняли к борьбе с половцами. Но с

половецкой степью Владимиро-Суздальская Русь уже сжилась, да и в памяти вставал страшный 1223 год, – тогда тоже все началось с разговоров о половцах, а кончилось Калкой... Тревога все больше охватывала княжеский двор во Владимире.

Поэтому Ярослав спешил с походом на Орден, считая, что нужно хоть на ближайшее смутное время обеспечить безопасность северо-западных границ. Видимо, и Юрий был того же мнения. Он отпустил с братом «полков множество», к ним присоединились новгородские рати со всей области.. Это не был поход в глубь орденских владений, сопряженный с большими потерями (полки надо было беречь!). Цель была другая – пригрозить Ордену. В этом походе должен был участвовать и Александр.

Ярослав направил в 1235 году свое войско к Дерпту; когда оно через неделю с лишним (около 300 километров по прямой) подошло к городу, князь пустил его воевать «в зажитие», забирая продовольствие, особенно зерно – жито, с наибольшим уроном для жителей. Немецкие засады выступили из Дерпта и из Оденпе, и вскоре столкнулись с русскими дозорами. Стычки продолжались до подхода главных русских сил.

Александр впервые увидел в деле ражих немецких рыцарей, закованных в латы, с латинскими шлемами на головах. Русские опрокинули немецкое войско, убили «лучыних немец» – рыцарей – «неколико», остальных загнали на лед реки Эмайыги, и «тут обломился лед, потонуло их много, а иные израненные укрылись», бежали в Дерпт, другие – в Оденпе. Битва была так удачна, что из новгородцев не погиб никто, а суздальцы потеряли лишь несколько воинов. Сильно тогда русские разорили владения дерптского епископа и нивы опустошили.

Вскоре по возвращении из похода Ярослав в присутствии Александра принимал немецких послов, которых принудил подписать мир «на всей Правде своей». Условий договора мы не знаем, но Новгород и Псков продолжали собирать дань в части Эстонии и Латвии – значит, можно было надеяться на более длительный мир.

Западная граница – это не только христиане-немцы, это еще и языческая Литва.

«И Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых» – так писал автор «Слова о полку Игореве».

«Поганые» – язычники – это литовцы. А еще недавно они считались данниками Киевской Руси. Об этом сказано и в «Повести временных лет». Да и в былинах пелось, что сам Илья Муромец собирал с «хороброй Литвы» дани – выходы для князя Владимира. А теперь из-за их набегов полноводная Западная Двина, по которой издревле плыли к морю жители Полоцкой земли, стала для русских непроходимой, словно болото.

Приходилось постоянно быть «доспешными» – в доспехах, наготове против вторжений литовских дружин, всегда внезапных, смелых и разорительных. Поле их набегов на «чертеже» – карте новгородско-псковских и смоленских земель обозначалось по городам и укреплениям: Псков – Шелонь – Селигер – Торжок – Торопец – Старая Руса, где стояла засада, охранявшая новгородские владения от литовских добытчиков. Не зря этот город называли оплечьем (оплотом) Новгорода.

Именно к Русе вскоре после окончания немецкого исхода и прорвался, проникнув сквозь полоцкие земли, литовский отряд.

Литовцы неожиданно влетели на посад, прямо на торговую площадь. Рушане – народ бывалый. Огнищане – горожане, гридьба – дворяне княжеские и кто был из купцов и гостей смело выбили их из посада и настигли в поле. Бой был невелик, и погибло всего четыре человека, считая вместе с попом Петрилой, но язычники успели разграбить монастырь святого Спаса: содрали все украшения со стен церкви, престола и икон; кроме того, убили четырех монахов. С добычей литовцы ушли в сторону Клина.

Уменьше перехватывать подобного рода набегии – непременно качество уважающего себя новгородского князя. И, надо думать, Александр учился здесь тактике отражения литовских набегов и был с Ярославом, когда тот в судах-насадах и на конях с двором своим и новгородской ратью пустился по реке Ловати наперерез литовцам. Правда, ладейщиков вскоре отпустили: у них не хватило хлеба, но конникам удалось настичь литовцев в 120

километрах от Старой Русы, у Дубровны; с боем отобрали у них 300 груженных добром коней. Литовцы поспешно скрылись, побросав щиты и короткие копья-сулицы. В схватке погибло десять русских воинов.

Ярослав Всеволодович пробыл в Новгороде до 1236 года, пока не пришло время ехать в Киев. Уходя, он собрал вече. Торжественно облобызав сына, вручил ему меч – символ наместника; так он «в Новегради посади сына своего Александра».

Шестнадцатилетний Александр стал князем-наместником Новгорода. Кончилась тревожная юность под отцовским присмотром. Отец окоротал руки новгородским и псковским боярам и провел семь походов в Прибалтику. Александр пробыл с отцом в Новгороде с перерывами немало лет. Теперь он знал, кем правит. Для Александра начиналась самостоятельная политическая жизнь.

На роковом рубеже

Александр занял новгородский стол в предгрозовое время.

В 1235 году монгольская знать приняла решение о походе на Европу. Было собрано огромное войско, в которое входили отряды от всех улусов. Во главе войска был поставлен Батый (Бату). В тот год, когда Александр стал княжить в Новгороде, татаро-монголы вышли на Каму. Вел их известный воевода Бурундай.

Нужно было думать о защите Руси. Но не было единства среди ее князей. Поэтому великий князь Юрий Всеволодович недолго был сюзереном столиц южной и северной Руси. В отличие от Новгорода в Киеве сила была на стороне черниговских, а не суздальских князей. Михаил Всеволодович вытеснил Ярослава и сам занял Киев в 1237 году, а сына своего Ростислава утвердил в Галиче. Это была вершина успехов черниговского князя.

Но и ему княжить в Киеве пришлось недолго. Татари уже разоряли Поволжье.

Все происходившее не оставляло у Александра сомнений, что даже в разгар татарского вторжения великие князья не столько готовились к обороне Руси, сколько продолжали соперничать из-за господства в ней.

Во Владимире надеялись, что татары пойдут на половцев и за Дунай, а вместо этого они вторглись в Волжскую Булгарию, которую полностью разорили.

Наступал черед Руси, а между тем в суздальской придворной летописи – потом не раз перечитывал ее Александр – писалось об обыденных делах: в Суздале вымощена красным мрамором церковь святой богородицы... В Юрьеве при князе Святославе Всеволодовиче завершена постройка и украшена церковь святого Георгия. Епископ Митрофан с поощрения Юрия ставит новый, убранный золотом и серебром кивот и велит расписать притвор в Успенском соборе святой богородицы... И вдруг...

На Городище к Александру примчался из Низу гонец-рязанец. «На зиму придоша от восточные страны на Рязанскую землю лесом безбожнии татары и почаша воевати Рязанскую землю», – начал он. Они стали станом на Онузе, расположились на Воронеже; их разъезды появились у стен Пронска. Отсюда они направили своих послов к рязанским князьям – какую-то женщину-«ча-родейку» и с ней двоих мужей. Послы потребовали у рязанцев десятую часть всего, чем те владели: «и в людях, и в князях, и в конях, – во всяком десятое». Они хотели подчинения и дани, а Федору, сыну Юрия, Батый даже велел выдать ему Евпраксию, которая была очень хороша собою – «лепотою-телом красна бе зело», – «дай мне, княже, видети жены твоей красоты».

Рязанские князья во главе с великим князем Юрием Игоревичем, муромские и пронские князья, посоветовавшись, решили не подпускать послов к городам и, встретив их на Воронеже, велели передать Бурундаю: «Аще нас всех не будет, то все ваше будет». Своих послов они отправили к Юрию Всеволодовичу во Владимир, прося помощи, и к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов. Но ни тот, ни другой не помогли рязанцам.

Татаро-монгольских войск пришло несчетное множество, и рязанцам нечего было и думать о полевом сражении: они – как издавна повелось – укрылись в своих крепостях.

Рязань пять дней выдерживала осаду, а на шестой (21 декабря 1237 года) город был взят. Жителей перебили или сожгли. Погибли все воины и воеводы во главе с князем Юрием: «Все равно умроша...»

Следом пали Пронск и другие города, а их немало – Ростиславль, Борисов-Глебов, Переяславль-Рязанский, Ожск, Белгород, Ижеславец, Исады, Зарайск. Княгиня же Евпраксия с сыном Иваном, чтобы не попасть в руки Батыя, бросилась, говорят, с высокого храма и разбилась.

Рязанскую землю совершенно опустошили: «...град и земля Рязанская изменися и отиде слава ея, и не было в ней ничто благо видети – токмо дым и пепел», – закончил свой рассказ очевидец.

Глубокая печаль охватила княжеский двор в Новгороде: мать Александра потеряла сразу почти всю родню. Александр был бессилён найти слова утешения. В сознании почему-то упрямо повторялась давно слышанная от матери поговорка:

У нас в Рязани Грибы с глазами. Их едят, А они глядят. Нет больше Рязани...

С этой поры Александр жил ожиданием – от гонца до гонца.

Не успели в Новгороде опомниться от страшных сообщений о разорении Булгарии и Рязанской земли, как новые посланцы привезли ещё более горькие вести.

Татаро-монголы, оказывается, не ушли в причерноморскую степь, а продвигались на север, в земли, где никогда не ступали кони кочевников. От разоренной Коломны в начале 1238 года они подступили к Москве. Александр знал московскую крепость Долгорукого.

По краю холма, обращенному к реке Неглинной, тянулся земляной вал, укрепленный по склону дубовыми бревнами. Но что значили эти укрепления, если, говорят, татар не счесть. Москвичи стойко оборонялись со своим воеводой Филиппом Нянка, но были побеждены и перебиты, «и мужи, и жены, и дети», – «от старца и до сущего младенца».

Следующий вестник был из Владимира и знал только, что когда конные полчища направились к Владимиру и татарские послы предложили великому князю Юрию лицемерный мир, он счел, что «брань славна лучше мира стыдна», и решил попытаться счастья в полевом сражении. Выйдя из города с дружиной, он направился к новгородскому пограничью и расположился станом на реке Сити, где поджидал своих братьев – Ярослава с переяславскими полками и юрьевского князя Святослава с дружиной.

Потом долго не было известий ни из Владимира, ни с Сити. Наконец из ситьского стана прибыл гонец. Он и поведал о гибели родного края.

Во Владимире затворились Всеволод и Мстислав, сыновья великого князя, его жена Агафья Всеволодовна, сестра черниговского Михаила, епископ Митрофан, боярство. Земляные валы и стены Владимира протянулись почти на семь километров, на треть больше, чем в самом Киеве. Эти стены и валы 20-метровой ширины и 7-метровой высоты служили защитой 40 тысячам горожан. Стена каменная и высокая, но слабовата – толщиной менее метра. Разве выдержит она удар камнемета? И что могли несколько тысяч воинов против стоявших бору подобно кочевников? 3 февраля татарские разъезды были уже у Золотых ворот. Они прокричали горожанам: Где князя рязанские? Где ваш князь? Все они нами смерти преданы!

В ответ посыпались стрелы...

Пока одни рати окружали город тыном и осадными машинами, подготавливая штурм, другие рассеялись по всему княжеству.

С боями, пожарами опустошили враги в течение – месяца и Боголюбово, и Суздаль, и Переяславль, и Ростов, и Ярославль, и Тверь... Пятнадцать лучших городов, не считая сел и весей. Немало жителей перебили, а остальных, и женщин, и детей «вели босых и беспокровных, издыхающих от мороза» в свои страны.

Владимир пал в отчаянной борьбе, продолжал свой рассказ гонец. По приметам из наваленных деревьев и хвороста враги ворвались в его западную, княжескую, часть у Золотых ворот, со стороны реки Лыбеди – к Ориным и Медяным воротам и от Клязьмы – к Волжским воротам. Так взяли они Новый город. Тогда защитники отступили за валы

старого Печерного города, у стен которого в последней схватке с врагами погибли сыновья Юрия, а их мать, бояре, духовенство и горожане укрылись в Успенском храме богородицы. Но храм был подожжен, «и тако огнем без милости запалены быша»; татары, «силою отвориша двери церковные», перебили ВСРХ еще уцелевших от огня, «оружием до конца смерти предаша». Столица Владимиро-Суздальской Руси с ее замечательными памятниками архитектуры и живописи, о ремесла и письменности подверглась разграблению.

Успенский собор... Александр хорошо помнил его. Он был воздвигнут Андреем Боголюбским, который велел украсить церковь «дивно многоразличными иконами и драгим камнем без числа, и сосуды церковными и верх ея позлати». Он высился над Владимиром и был виден на добрый десяток километров из-за Клязьмы. Соперничая с Киевом, Андрей соорудил храм выше киевской Софии. Это был самый высокий храм на Руси и тоже, как София, с двенадцатиоконной главой. Строители, резчики, керамисты, художники возвели архитектурное чудо. Собор убран парными скульптурными изваяниями львов. Лев – символ власти суздальских князей. И вот теперь главная святыня города и торжественная усыпальница русских князей и епископов разорена и разграблена.

...4 марта 1238 года на берегу реки Сити владимирские полки были окружены огромным вражеским войском и честно сложили головы свои, защищая Русь.

Страшная угроза надвигалась на Новгород. Одна из татарских ратей вдруг вторглась в Новгородскую волость и осадила небольшой Торжок. Долго, целых две недели, защищались горожане; против них были двинуты осадные машины и в конце концов «изнемогаша люди во граде». Александр не был в силах помочь Торжку: слухи о злодеяниях татаро-монголов, об их мощи вызывали ужас и панику. Люди были «в недоумении и страхе», – записал новгородский летописец.

С горечью убеждался князь, что тяжело, с поражений и вражеских осад, начинается его воинский путь. Новгородское вече приняло решение запереться, молиться и ждать, а уж если жребий выпадет – обороняться. Торжок пал 5 марта, а жителей его «исекоша вся от мужска полу и до женска», все «изъобнажено и поругано».

Новгород и его князь Александр пережили дни лихорадочной тревоги, когда татары от Торжка направились селигерским путем на север, походя «все люди секуще акы траву». Батый не пошел на Новгород более коротким путем, через Валдай – Крестцы – Бронницы, опасаясь при весеннем разливе переправ через Мету и Волхов. Он, видимо, избрал дорогу от Селигера по Березовскому плесу с выходом в бассейн Ильменя. Но весной и эта озерно-лесистая местность была труднопроходима.

Население укрывалось в лесах. Часть жителей северной Руси искала спасения даже в Норвегии, в Малан-ген-фьорде.

Однако татары и так зашли уж слишком далеко на север. К тому же начиналась весна – опасно было так отрываться от степных кормовых баз.

Наконец дозоры принесли Александру первую отрадную весть: дойдя до Игнача креста, что в ста с лишним километрах от Новгорода, татары вдруг повернули обратно. Новгород был спасен. Летописец отметил: «Новгород же заступи бог, и святая великая и соборная апостольская церковь, святая Софья...» Не исключено, что новгородские бояре применили дипломатию и свое сильнейшее оружие – деньги. Возможное предложение владыки об откупе могло быть охотно принято забредшими в селигерские болота завоевателями.

Александр в эти месяцы, дни и часы смертельной опасности еще ничего не знал о судьбах переяславских полков своего отца. Но вскоре пришли гонцы и поведали, что Ярослав жив, что татары его не настигли.

Легко понять, какие чувства испытывал Александр, когда в том же 1238 году через сожженный Торжок, опустошенные Тверь и Переяславль прибыл он в выжженный, разоренный и опоганенный Владимир, чтобы присутствовать на княжеском съезде по случаю вступления его отца Ярослава на великокняжеский стол!

Красой города были Золотые ворота. Торжественная высокая арка, крытые

позолоченной медью тяжелые дубовые створы, а сверху надвратный храм положения риз богородицы. Культ богородицы привился здесь с той поры, как Андрей перенес в город из киевского Вышгорода знаменитую византийскую икону высокого образца «Умиления». ...Теперь с Золотых ворот содрана золоченая медь, рядом зияет пролом в стене крепости, окна в домах вместо стекол затянута бычьим пузырем, забиты деревом, в храмах все кое-как залеплено, забито, замазано, подперто, подновлено и наспех после всех осквернений освящено, чтобы хоть было где отпевать павших.

На память, пришла заповедь митрополита Георгия: «Аще убьют или срежутся в церкви, да не поют в ней 40 дней, потом вскопают помост церковный и высыплют залитый кровью слой земли; аще и на стены будет кровь попала, да омывают водой и молитву створят и водой покропят святою» и уж потом «почнут пети». Думалось: кропи не кропи – руины они и есть руины. Родина лежала в развалинах.

Одна была надежда – они оставили Русь, как то бывало с печенегами. Оживет страна. Так думал не он один. Так думали тогда все на Руси.

Проехав через Золотые ворота в Новом городе на главную улицу, Александр увидел справа сожженные старые княжеские дворы Долгорукого с их храмами Спаса и Георгия – покровителя князей и дружины, а слева, в северо-западном углу, в отдалении, – покрытый копотью, без крыши женский Княгинин монастырь. Лишь как прежде с высоты двора Долгорукого над водной гладью Клязьмы открывались с детства близкие окрестные поймы и леса. Тем горше было в городе. Миновав сгоревшую деревянную церковь Пятницы, через Торговые ворота в стене Старого города попал Александр в аристократический центр. Перед ним за полуразрушенной невысокой зубчатой стеной Детинца стоял разоренный, почерневший, с ребрами ободранных куполов Успенский собор; следы пожара и опустошения несли на себе и епископский двор, и палаты дворца Всеволода, расположенные по сторонам Дмитровского собора.

В этих на скорую руку прибранных палатах и собрались князья. Их оказалось немного. Из обширной семьи наследников Всеволода Большое Гнездо уцелело лишь несколько – остальные пали в боях или погибли в разоренных городах... Предстояло важное дело – решить, кому стать великим князем Владимирским. Выбор пал на отца Александра. Энергичный князь Ярослав занялся восстановлением городов и правопорядка: «поча ряды рядити» – уцелевшие крестьяне и горожане снова взялись за труд. И постепенно Ярославу «утвердился в своем честном княжении»; братья-вассалы не ошиблись в выборе.

Александрю отец выделил сверх Новгорода – Дмитров и Тверь. Ростовский епископ Кирилл освятил в Кидекше первую из восстановленных белокаменную церковь Бориса и Глеба. Кидекша – княжеская крепость в четырех километрах от Суздаля, прежде прикрывала устье реки Нерль при впадении в нее Каменки. Теперь ей уже нечего и некого было прикрывать.

Жизнь, однако, продолжалась. Александр воротился в Новгород.

Испытание мужества

На северо-западных границах Руси тоже было тревожно. Положение Руси в тогдашнем мире менялось с быстротой, поражающей людей, которые привыкли к порядкам, освященным столетиями. Особенно беспокоили Александра действия Ордена и Литвы.

Александр не раз спрашивал себя: как случилось, что немецкие крестоносцы за такой короткий срок вытеснили русских из Латвии и Эстонии?

Полтора столетия прошло с тех пор, когда раздался призыв вестфальских дворян к крестовому походу на поморских славян.

«Долгое время угнетенные многообразным насилием и несправедливостью, призываем мы к вашему милосердию, чтобы вы вновь воздвигли разрушенное здание вашей матери-церкви. Против нас поднялись язычники с невиданной

жестокостью и почти повергли нас ниц; лишенные всякой цивилизации – люди без жалости, которые еще находят удовольствие в том, чтобы хвалиться своей злобой.

Поднимись же ты; невеста Христова, и приди!

Язычники, хотя и порочны, но их земля поразительно богата; молоко и мед текут там. Она приносит урожаи, которым нет сравнения. Так говорят всем известные.

Поэтому саксы, франки, лотарингцы – с богом, вы знаменитые покорители мира – поднимайтесь!

Здесь вы можете приобрести спасение вашей души и, если вам угодно, то и лучшую для заселения землю к тому же. Тот, кто вел французов силой своей десницы с крайнего запада, чтобы они (в первом крестовом походе) далеко на востоке победно торжествовали над врагами, тот, конечно, даст вам власть и силу покорить бесчеловечных язычников – соседей ваших и во всех начинаниях иметь успех».

Так зывали тогда немецкие дворяне.

Сперва этому призыву на Руси не придали большого значения: русские волынские князья участвовали вместе с князьями польскими в крестовом походе 1147 года на Пруссию, и они же помогали Польше отбивать приступы немецких рыцарей. Сам воинственный Фридрих I Барбаросса считал русских главной помехой в наступлении на Восток.

Но ведь и добрые русско-немецкие отношения тянутся тоже издавна – свыше трех с половиной столетий. Это устойчивые, крепко проросшие связи: в Новгороде стоит Готландский двор, есть тут и «немецкий вымол» (пристань). 30 немецких городов торгуют с Русью. Морские пути по Прибалтике давно освоены: из Руси в польское Поморье (до Волина) русские купцы плыли 14 дней; в Данию, при попутном ветре, месяц; даже в Англию, по словам Гервазия из Тильбери, из Руси морем «добираться легко, но долго».

Русь не имела общей границы с Германией, не было и прямых вооруженных столкновений между ними. Былинный муромский богатырь «Илиас из России» даже воспевался в немецком эпосе как соратник немецкого короля. Потому русские и не забились тревогой, узнав об участии Германии в новом крестовом походе на Восточную Европу. А ведь императоры давно стремились выйти к рекам Висле, Неману, Западной Двине, Нарове, а если повезет, то и дальше.

Битые войском Ярослава на Эмайыге, немецкие рыцари обратились против Литвы. Они подчинили часть прибрежной Латвии, давно и тесно связанной с Литвой. Но рыцари не строили воздушных замков – им было ясно, что пока литовцы независимы, крестоносцы не могут спать спокойно. Старались они и Русь столкнуть с Литвой, зная, как дожимали ее литовские набеги. Их послы, используя популярную в Европе идею борьбы христиан с язычниками, предлагали русским князьям действовать совместно.

И Александру, естественно, думалось: рыцари как-никак христиане; с Германией войны не было, торговля велась веками. Почему бы и не выступить вместе против Литвы? Предпочтительнее все-таки союз с христианами, к тому же издавна известными в роли выгодных торговых партнеров. Однако нет ли тут промаха, не хитрят ли епископ и магистр?

И при владычном дворе предпочитают Орден. С разрешения отца Александра и новгородской госпбды Псков оказал-таки поддержку не Литве, а Ордену. В поход на Литву войск Ордена, рижского епископа с их эстонскими и латышскими вассалами «и псковичи от себя послали помощь – 200 мужей».

Поход 1236 года закончился, однако, полным провалом. Из псковского отряда уцелели лишь два десятка воинов. От них Александру пришло известие, что в сражении под Шауляй, в Нижней Литве – Жемайтии, рыцари были разбиты наголову. Тут нашли свой конец уже битый отцом ливонский магистр Волквин, предводитель крестоносцев из Северной Германии Газельдорф и множество других знатных воинов. В решающий момент на сторону литовцев перешли латышские войска, приведенные рыцарями. Литва непреклонна в защите своей независимости, у нее есть и оружие, и войско, и полководцы. Прежде едва известный

Миндовг теперь выступает уже как великий князь Литвы. Битва при Шауляй возвестила об образовании нового восточноевропейского государства, Литовского.

Современники, однако, далеко не сразу поняли значение этого факта. Князь Александр – решительный противник Ордена – был еще далек от мысли видеть в Литве союзника. Так же смотрели тогда на это владычный летописец и сам владыка.

Не только по соседству, в Прибалтике, менялись судьбы земель, то же происходило и в Пруссии, в польском Поморье. Пруссию в Новгороде хорошо знали. На Прусской улице давно жили поморские купцы. Пруссия – это земля между Вислой и Неманом. Государства у пруссов еще не было. Были они подобны литовцам язычникам, но имели, говорят, верховного жреца по имени Криве.

Уже не первый год немецкие рыцари-тевтоны во главе с магистром Германом фон Зальца, прибывшие из Передней Азии, воевали на земле пруссов. Ливонские рыцари неистовствовали между Двиной и Нарвой, а их собратья-тевтоны, тесня славян и пруссов, возводили замки по Висле. Здесь возник немецкий Тевтонский орден рыцарей. Папская курия, как водится, объявила крестовый поход в помощь тевтонам. Она сумела привлечь к походу и польских князей и поморских. Распри среди польских князей, видно, помогают тевтонам не меньше, чем соперничество между русскими правителями ливонцам. Ливонцы теснят Русь из Эстонии и Латвии, лишают ее русских торговых доходов.

Даже на юг, где волынский князь Даниил Романович сохранял союз с Литвой и владел частью Пруссии, направился отряд рыцарей-меченосцев во главе с магистром Бруно. Он занял древний русский город Дороги-чин. Хорошо, хоть князь Даниил пресек эту попытку. Говорят, он заявил: «Не лепо есть держати наше отчины крижевником (крестоносцам)...» и «в силе тяжьце» разгромил рыцарей под Дорогичином, где захватил в плен самого Бруно. Это было в марте 1237 года.

Но впереди следовало ожидать худшего, потому что за Ливонским и Тевтонским орденами стояли Германская империя и папство.

Ко двору Александра от купцов и пилигримов поступали из-за рубежа вести одна тревожнее другой. После длительных переговоров весной 1237 года в папской резиденции Витербо, близ Рима, было достигнуто соглашение об объединении Ордена меченосцев Ливонии с Орденом тевтонов Пруссии. Магистр меченосцев стал ланд-мейстером Тевтонского ордена. Осенью в Ливонию прибыл провинциальный магистр Герман Балке с первым отрядом тевтонов.

...И датский король посягал на Русь.

В Витербо папа и Орден договорились о передаче датскому королю северной Эстонии и военном союзе с ним. Немецко-датские переговоры тянулись год. Наконец в королевском лагере Стенби, что на южном побережье острова Зееланд, 7 июня 1238 года был подписан договор. Его статьи не оставляли места сомнениям: готовилось нападение на Новгородскую землю. По этому договору северная Эстония отходила к Дании, но осевшие здесь немецкие рыцари не изгонялись. Договор был заключен за счет третьей стороны – это трижды упомянутые земли, «которые должны быть приобретены у язычников общими усилиями», и из них «король получит две части, а братья-рыцари – третью часть со всеми светскими правами и доходами». Под язычниками союзники понимали Русь и подвластные ей земли ижорян, води, карел.

...Угрожающе для Новгорода складывались дела и на севере. После финских походов Ярослава Новгород укрепил свое влияние и в Карелии, и в Финляндии. Александр твердой рукой продолжал ту же политику. Этим он вызвал ропот папы Григория IX, который писал, что финский народ «стараниями врагов креста, своих близких соседей, возвращен к заблуждению старой веры (православию) и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола совершенно уничтожает молодое насаждение католической церкви божьей» в Финляндии. Папа призывал немецких и шведских рыцарей с оружием в руках выступить против финнов. Он жаловал им отпущение грехов и другие льготы, которые получали франкские крестоносцы, сражавшиеся в Передней Азии с арабами. Тем самым папа ставил в

один ряд завоевание крестоносцами арабских, прибалтийских и славянских земель.

С Норвегией Новгород договоров еще не имел, хотя именно русские поморы освоили путь вдоль Кольского полуострова, где собирали дань с саамов. Впрочем, стараниями папства норвежские рыцари также оказались среди врагов Руси. Александр еще не знал, что папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь Швеции и Норвегии.

Александрю нужно было думать о противодействии врагу с севера. А в это же время трагические вести принесли гонцы с юга.

Под ударами татарских камнеметов со славой пал непокорный Козельск. Разорен Переяславль южный – людей избили, город пожгли, церковь святого Михаила разрушили, угнали большой полон. Пал Чернигов. Судьбу южной Руси отныне решали татары. Пользуясь бедственным положением Руси, к новго-родско-псковским пределам стягивались немецкие, шведские и датские крестоносцы. Литовское государство, отбив первый приступ Ордена и не имея договоров ни с Ярославом, ни с Александром, пыталось захватить уцелевшие от татаро-монгольского разорения земли Полоцко-Мурманской Руси и Смоленска.

Нужно было спешить с укреплением западных границ Руси и поскорее известить обо всем отца. Гонцы Александра прибыли в Переяславль.

Прежде всего предстояло отбить Смоленск, где засел литовский князь с дружиной. Ярослав Всеволодович вернул Смоленск, взял в плен литовского князя, а с горожанами заключил договор – ряд, по которому у них стал княжить суздальский ставленник.

...Пора было подумать и о защите Полоцка. По воле отца Александр поехал туда, сблизился с тамошним князем Брючеславом, опасавшимся и Ордена, и Литвы. Политическое сближение князей перешло в союз, когда Александр просватал его дочь Александру.

Жениху было девятнадцать лет. По тем временам очень много: его отца ребенком женили на половчанке, брата Федора собирались женить на черниговке в четырнадцать лет. Думать можно разное – и то, что увлеченный подготовкой к государственной деятельности, он медлил с браком, или, быть может, хотел жениться по любви, а не по воле политического случая, в надежде, что стерпит, слюбится... И Ярослав, переживший сильное чувство к Ростиславе Мстиславне и тяжелое потрясение разрыва с ней, мог посчитаться с волей сына и нарушить давно установившуюся библейскую традицию ранних браков. Бесспорно одно: Александр сделал этот важный житейский шаг сознательно, как взрослый человек.

Венчанье состоялось в Торопце, в храме святого Георгия. Венчал смоленский епископ. Тут молодые ели «брачную кашу» – давали праздничное угощение. Это была свадьба военных лет, к тому же в готовой к бою небольшой крепости. В Торопце присутствовали родня, соратники и, конечно, суздальские, смоленские, полоцкие князья. Надо было подчеркнуть политическое значение своего брака. Ведь Торопец – опорный пункт обороны смоленско-новгородского пограничья от Литвы. Гости ели каши, сыры, пили меды и рассматривали огромные пряники с изображением райских птиц... Все делалось по обычаю – молодых осыпали и хмелем, и деньгами, и житом. Но Александр понимал, что он получил в приданое за невестой не земли и жемчуга, а войну с Литвой Новгородским и псковским боярам был устроен другой пир на Ярославовом дворе.

Уже на пиру повел князь речь о новой крепости. Новгородские бояре прижимисты, но Александр заставил их понять, что нужно срочно соорудить укрепления на реке Шелони, вдоль которой лежит в Новгород путь с запада. Главным среди них должен был стать Го-родец (Старый Порхов), у впадения Дубенки в Шелонь.

Боярский совет согласился с князем. На тщательно выбранном месте закладки, где трудился сам главный строитель-городовик, Александр вручил ему установленную «Русской Правдой» подрядную куну (четверть гривны). Княжеский тиун распорядился обеспечить артель зодчего хлебом, мясом, рыбой, пшеном, солодом, брагой и овсом для коней. Князь велел и городовику, и всей его строительной артели возвести крепость быстро и укрепить ее, как это делали в южной Руси: что незащищено природой, с напольной стороны оградить валами.

Доныне судьба была снисходительна к Верхней Руси – враги на нее не нападали, а вся оборонная подготовка рубежа сосредоточивалась в крепостях по торговым путям. От отечественных недругов – князей, шедших с Низу из южной Руси, новгородцы отбивались не столько мечами, сколько языками да деньгами. Даже деды и прадеды Александра, суздальские князья, только грозились напоить своих коней Волховом, а если и поили, то с разрешения бояр. Но времена менялись. Городец должен был занять свое место наряду с Холмом и Моревой, между Старой Русой и Великими Луками. По всей линии укрепления его сочетались с болотами, лесными засеками.

Прошел положенный срок, и Александр, награждая городовика княжеским пожалованием, мог быть доволен. Он получил отличную крепость, окруженную земляным валом трехметровой высоты, с деревянной оградой и стрелковыми площадками поверх него и рвом трехметровой глубины вокруг.

Славная крепость, ей сужден долгий век. Да и другие срубленные здесь городки расположены так, что из них княжеские и новгородские засады могут быстро прийти на помощь и Великим Лукам, и Старой Русе. Словом, это оборона от Литвы. Она должна хотя бы отсрочить литовские вторжения.

Оборону Руси обеспечивают не одни крепости. В нее втянуто все население приграничных земель – сел и погостов. Как-то среди многих дел Александр разбирал жалобу, поданную крестьянами, населявшими Рожицкий остров, что у западного берега Псковского озера. Крестьяне обвиняли соседний богатый Спасо-Мирожский монастырь в захвате принадлежавшей им части приозерной земли. Князь разбирал это дело совместно с псковским посадником Твердилом.

Крестьянские ходоки Лочко и Иван предъявили князю «смердюю грамоту» на спорную землю. Основываясь на ней, Александр окончательно решил это дело в их пользу и в конце грамоты велел записать: «А боле тяжел (тяжбы) не надобе». Сделал он это, надо полагать, не потому, что чтил закон, тем более закон боярских республик (по опыту отца он знал, что еще не раз с ними столкнется), или же любил смердов больше, чем монахов. Дело обстояло проще. Псковское озеро – приграничное. На него уже не раз нападали соседи из-за рубежа, и надо здесь оберегать поселения лично свободных крестьян, не придавленных грабежом монастырской братии. Пригодится и добрая молва в народе о справедливости князя, который «бедняка и вдовицу по Правде судил».

Александр посвятил свою жизнь непрерывному и трудному служению отчизне. Он не соблазнится ни легкими решениями, ни доступными ему, но губительными для страны союзами. Кто знает, выпадет ли на его долю хоть один спокойный год жизни. И сейчас, едва отпраздновав свадьбу и оставив в Новгороде молодую жену на попечение своей матери, он должен думать о войне. И не ради наживы, грабежа, а ради сохранения самого русского имени там, где оно еще не было осквернено ни татарской кривой саблей, ни тяжелым рыцарским мечом.

Оберегать северо-западную границу – дело чести. Немецкие крестоносцы готовили решительное вторжение на Русскую землю. Опасность усугублялась тем, что на этот раз в походе участвовала и Швеция. Ее войско первым двинулось в наступление на Русь. Шведское королевское правительство решило направить флот не столько против финнов-эмян, сколько против Новгородской Руси. Слухи, дошедшие от беглецов из русского Поморья и от купцов, обнадеживали короля. Он мог рассчитывать на захват Невы и Ладоги, а в случае полной удачи – Новгорода и всей Новгородской земли. Да и вся внешняя торговля Руси на северо-западе оказывалась в руках шведов. Заманчиво!

У Александра не осталось сомнений в том, что выступление шведских крестоносцев согласовано с действиями ливонских рыцарей, когда в 1240 году они вопреки обыкновению не зимой, а летом предприняли наступление на Изборск и Псков.

Для похода на Русь шведский король Эрих Эрикссон послал войско под предводительством ярла (князя) Ульфа Фаси. Здесь же был и зять короля Биргер, позднее ставший ярлом Швеции. Шли в поход и епископы. Их присутствие должно было прикрыть

грабительский смысл похода разговорами о просвещении русских «истинным христианством» – католичеством.

К походу привлекли также вспомогательные финские отряды. Несколько неожиданными оказались в этой войне мурмане – норвежцы. Политическое положение Норвегии и ее отношения со Швецией исключали государственное участие норвежцев в походе, да и отношения с Русью не вызвали необходимости таких действий. Швеция включила в свое войско отдельных норвежских рыцарей. Вполне возможно, что норвежский король Хакон IV, который в 1237 году обязался идти с крестоносцами на арабов, вместо этого с разрешения папы пошел воевать против северных «язычников».

Князь Александр Ярославич позаботился об обороне не только западных, но и северных границ. Еще в 1239 году он установил тщательную охрану залива и Невы. Здесь были низменные, сырые, лесистые, труднопроходимые места, и пути шли только вдоль рек.

В районе Невы, к югу от нее, между Вотьской (с запада) и Лопской (с востока) новгородскими волостями находилась Ижорская земля. Обитал тут небольшой языческий народ – ижоряне. Их старейшина по имени Пелгуй (от финского Пелконен) крестился, приняв имя Филиппа. Ижорская земля находилась под надзором особого тиуна – судьи-наместника. Присылали его на охрану путей к Новгороду с моря. «Стражу морскую» поставили по обоим берегам залива.

«Житие Александра Невского» сохранило драгоценные сведения о событиях этих лет. Автор «Жития» называет себя «домочадцем» и «самовидцем возраста», свидетелем зрелых лет жизни Александра Ярославича; он был близок князю и лично от него и его дружинников слышал о подвигах русских воинов.

«Си вся слышахом от господина своего Олександра и от инех, иже в то время обретошася в той сечи».

Однажды на рассвете июльского дня 1240 года, когда Пелгуй был в дозоре на берегу Финского залива, охраняя пути и в Карелию и на Русь, он увидел шведские корабли. Шведский король «собрав силу велию и наполни корабли многы полков своих, подвижеся в силе тяжце, пыхая духом ратным».

Скандинавские исторические сказания упоминают в войске Биргера 5 тысяч воинов. Шведский корабль-шнека – одномачтовое судно, ходившее на веслах и под парусом, – вмещал до 50 корабельщиков. Если он привел все войско, то было с ним около ста судов.

Шведская флотилия прошла по Неве. Здесь было решено сделать временную остановку у Ижоры; некоторые суда вошли в ее устье, а большая часть причалила к берегу Невы, вдоль которого предстояло плыть. Пелгуй поступил как было велено: «уведав силу ратных», он спешно направился в Новгород и сообщил князю о высадке шведов, о том, где «станы их». Автор «Жития» сочетал этот вполне реальный факт с «явлением» Пел-гую святых Бориса и Глеба, будто бы плывших на помощь своему «сроднику» Александру.

...С причаливших судов были переброшены мостки. На берег сошла шведская знать, в том числе Биргер и Ульф Фаси в сопровождении епископов, среди которых был Томас. За ними высадились рыцари. Слуги Биргера раскинули для него большой шитый золотом шатер.

Биргер не сомневался в успехе. В самом деле, положение Новгорода было тяжелое: помощи ждать неоткуда, татаро-монголы разорили Северо-Восточную Русь. Шведский полководец, «кичась безумием своим», отправил послов в Новгород, передать князю: «Аще можешп противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою». Он не ждал сопротивления, считая, что без суздальских полков Новгород ему не страшен.

Однако Биргер просчитался. Сообщение Пелгуя, хотя и поразило Александра, но не застало врасплох. Наступает час, ради которого он годами изнурял себя дружинной службой, следил за походами отца, прилежно слушал бывалых оружников и воевод. Предстоит первая битва, где он сам пойдет во главе войска. И биться не со своими родичами из-за (Спорной

волости, где кто ни проиграет – все свои; а со шведами, с сильными и жестокими чужеземными завоевателями. Ныне речь идет о судьбе Руси. Поручая Александру отразить шведов, боярский совет знал, что делал: молодой князь вырос на глазах новгородцев и заслужил их доверие своим умом и мужеством.

...Стоя с одетой в доспехи дружиной на молитве в Софийском соборе и слушая благословения на поход владыки Спиридона, двадцатилетний Александр впервые не видел перед собой знакомой фигуры отца.

Шведы – противник известный. В прошлом их пиратские суда не раз вторгались через Ботнический залив в землю финнов. Они перехватывали новгородские корабли, проникали в Ладожское озеро и даже нападали на Ладогу. Наконец дошло и до ответного похода на столицу Швеции Сигтуну. То был большой город, в котором одновременно правили четыре бургомистра. Русские и карелы хорошо знали к ней путь, здесь стоял русский торговый двор с каменной церковью. Они проникли в озеро Мелар, взяли и разрушили этот город в 1187 году. Победители с большими трофеями, включавшими и знаменитые «Сигтунские врата», возвратились домой. Сигтуна утратила свое былое значение. С той поры врата и пристроены здесь, в храме Софии.

И вот теперь шведы впервые на Неве, и ему, Александру, судьбой назначено их отразить.

После церковной службы он собрал на Софийской площади свою дружину и «нача крепити» ее речью. Говорил он о том, что знали и без него, но хотели услышать вновь, и именно сейчас: что все кругом в развалинах, что на их рать надежда, что «не в силе бог, но в Правде»...

Противопоставление закона «Правды» беззаконию и силе должно привлечь к нему сердца новгородцев. Александр действовал без промедления. Не оказалось времени даже на то, чтобы известить отца и попросить его помощи и совета.

Войско выступило из Новгорода и двинулось к Ижоре. Шли вдоль Волхова до Ладоги. Здесь присоединился отряд ладожан. Потом примкнули ижоряне. К утру 15 июля все войско, преодолев около 150 километров пути, подошло к Ижоре.

Александр не зря спешил. Ему хотелось нанести удар по шведскому лагерю неожиданно и именно на Ижоре и Неве. Нужен был внезапный удар, потому что шведское войско многочисленнее русского – княжая дружина невелика.

Большая часть неприятельских судов стояла у высокого и крутого берега Невы. Немало шведов оставалось на судах (остановка была временная), а рыцарская, наиболее боеспособная часть войска была на берегу. Быстрый, но тщательный осмотр шведского лагеря подсказал молодому князю план предстоящей битвы.

Конная дружина самого Александра неожиданно ударит вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно «пешь» новгородец Миша со своей дружиной пусть наступают вдоль Невы и, тесня врагов, уничтожает мостки, соединявшие их корабли с сушей. Его дело – отрезать рыцарям, опрокинутым ударом княжой конницы, путь к отступлению и лишить их поддержки корабельщиков.

Если этот замысел удастся, то численное соотношение войск на суше должно серьезно измениться в пользу русских. Двойным ударом вдоль Невы и Ижоры важнейшая часть вражеского войска окажется зажатой в угол, образуемый берегами рек. В ходе боя пешая и конная рати, соединившись, должны сбросить врагов в воду. Смелый, хорошо рассчитанный план был поддержан советниками князя.

Скрыто подойдя к Ижоре, русская конная дружина в тесно сомкнутом строю внезапно появилась из-за леса. Шведские воины, выскакивая из шатров, спешили: кто смелее – к коням, кто духом слабее – к судам. Биргер с дружиной прикрывал отход.

Князь Александр вел конную рать. С ходу врезавшись в центр расположения шведских войск, он ударом копья сразил шведского полководца: «...возложи Биргеру печать на лице острым своим копием». Сраженный рыцарь пал на руки оруженосцев.

Такое начало предрешило исход битвы. Следом его молодой дружинник Савва «наехав

на шатер великий, златоверхий и посече столи шатерный...». Русские воины, увидев «падение шатерное, возрадовашася». Клич «За землю Русскую! За «Правду» Новгородскую!» – разнесся над Невой. Шведы, сомкнув кое-как ряды, с боем отходили к судам.

...Александр мельком заметил, как наперерез противнику вдоль Невы ринулись новгородские пешцы Миши. Продвигаясь по берегу, они рубили мостки, отбиваясь от шведов и с суши и с реки. Навстречу шведским стрелам и копьям они по мосткам вторгались на суда. Вот русский стяг взвился на одной шнеке. На другой. На третьей. Рыцарей в тяжелых доспехах сбрасывают в воду. Одни гибнут, других подбирают соседние суда, которые спешат принять на борт Биргера, его свиту и поскорее отчалить. Но и это не всем удается. Увлеченные боем, русские дружинники врываются на суда. Три шнеки отправлены на дно.

Дружинник Таврило Олексич, настигая шведского епископа и королевича, которые «втекоша пред ним в корабль», следом за ними влетел на коне по сходням. Он поразил видавших виды воинов и потому отмечен ими: «возеха по доске, по ней же шведы восхожаху, и до самого корабля». «Свергоша» шведы Гаврилу Олексича «з доски с конем в Неву». Ловкий воин быстро выбрался на берег и здесь опять «наеха, и бися с самым воеводою посреде полку их». Им был убит шведский воевода, потом ходили слухи, будто погиб и епископ.

Вокруг князя шел жестокий бой. «И ту бысть велика сеча», и Александр уверенно направлял русские силы.

Рядом с князем новгородец Сбыслав Якунович «наиха многожды на полк их и бьяшется едином топором, не имея страха в сердца своем. И паде неколико от руки его», а другие бывалые воины «подивишася силе его и храброству».

Ловчий Александра, лишь недавно попавший в Новгород вместе с двором молодой княгини, – полоцкий уроженец Яков – «наехав на шведский полк с мечем, и му-жествова» так, что князь «похвали его».

Не отходивший от Александра его слуга Ратмир «бился пешь, и обступиша его мнози» шведы, и после яростного боя «от многих ран пад, скончася».

Мужественно сражались русские люди на рубеже родины, отстаивая еще уцелевшую от татарских полчищ Русь.

Стремительно проведенный бой принес блестящую победу русскому войску. Шведы, убравшись на суда, отошли от берега на полет стрелы и готовились к отплытию, терпя насмешки острых на язык новгородцев. У берега покачивались брошенные шнеки. Среди трофейных шатров русские разжигали костры и перевязывали раненых. С наступлением короткой июльской ночи шведы «посрам-лени отъидоша». Их пало «множество много», и немало было ранено. Александр, опираясь на меч, смотрел, как его воины, вобрав тела наиболее знатных рыцарей, «накладше корабля два», и «пустиша их к морю...», и «по-топиша в море». Прочих же, что навеки остались на русском берегу, «ископавше яму, вметаша ихвнубещисла».

Талант и храбрость молодого полководца, геройство русских воинов обеспечили быструю и славную победу с наименьшими потерями. Новгородцев и ладожан пало около 20 человек.

Дружина Александра – в большинстве молодые дворяне, выросшие вместе с ним, – со славой воротилась в Новгород. Приветствиями скупых на похвалы горожан, колокольным звоном и торжественным благодарственным молебном встретил их Новгород. Боевое крещение полководца состоялось. За мужество, проявленное в битве, народ прозвал Александра Ярославича «Невским».

Этой битвой началась борьба Руси за сохранение выхода к морю, столь важного для будущего русского народа.

Победа предотвратила утрату берегов Финского залива и не дала прервать торговый обмен Руси с другими странами и, тем облегчила русскому народу борьбу за свержение

татаро-монгольского ига.

Победа над Швецией была, однако, лишь частью великого дела обороны родины – блестящей ее страницей.

Прошло немногим больше месяца, как над Новгородом и Псковом нависла новая угроза. Александру сообщили, что немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии – из Биддене, Дерпта, Феллина и других, а также датские рыцари из Ревеля под руководством Кнута и Абея, сыновей короля Вальдемара II, затеяли большой поход на Русь. Как и прежний, он был подготовлен дипломатами папской курии. На него не жалели средств и сил. Привлекли и крамольных князей и бояр. Им давали хлебные должности в Риге, а они «жаловали» врагам русские земли. Так беглый псковский князек Ярослав Владимирович, что с матерью обрелся в Оденпе, «подарил» дерптскому епископу ни много ни мало все «Псковское королевство». Возглавил поход ливонский вице-магистр Андреас фон Вельвен, так как сам ланд-мейстер Дитрих фон Грюнинген был отвлечен войной против латышей и литовцев.

Неприятель встретил ожесточенное сопротивление русской крепости Изборска, но все же захватил ее. Когда об этом стало известно в Пскове, местное ополчение, в которое вошли «все до единого» боеспособные псковичи, выступило против рыцарей к Изборску. В ливонской рифмованной хронике записано:

Жители Пскова тогда
не возрадовались этому известию.
Так называется город,
который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...
Они не медлили,
они собрались в поход
и поскакали туда,
многие были в блестящей броне;
их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков...
Начался жестокий бой...

Однако и псковичи были разбиты многочисленными немцами; кто погиб, кто попал в плен. В неравном бою пал и Таврило Гориславич, псковский воевода князя Александра.

Ливонские войска подошли к Пскову, подожгли посад и целую неделю осаждали город, однако взять его не сумели. Александр мог надеяться, что устоит Псков. Даже немецкий хронист, сам человек военный, считал, что псковская крепость при единстве ее защитников неприступна. Но единства на этот раз не было.

Сторонники Ордена среди псковских бояр существовали давно. Еще во время размирья с отцом Александра бояре-изменники заключали союз с Ригой, но затем они держались в тени. Среди них был посадник Твердило Иванкович. После поражения псковских войск эти крамольники, что «перевет держаче с немци», сперва добились от веча выдачи крестоносцам в залог детей богатых бояр и купцов, а затем Твердило и другие «подвели» рыцарей во Псков.

Опираясь на немецкую «засаду», изменник Твердило «сам почва владети Пльсковомь с немци...». Власть его была только видимостью, а все управление прибрали к рукам рыцари: немецкие тиуны, как называли на Руси фогтов-судей, «посажены» были у псковичей, чтобы их судить. Бояре, не согласившиеся на измену, бежали с женами и детьми в Новгород. Вся Псковская земля попала в немецкие руки. Твердило и его сторонники помогали ливонским рыцарям «воевать села новгородские».

Положение сложилось опасное, и меры для обороны нужны были срочные и решительные. Рассчитывать на большую помощь из разоренной татаро-монголами

Владими́ро-Сузда́льской Руси не приходилось. Александр был человеком решительным, в отца. Он пошел на риск. На новгородское боярство опять пали крупные расходы для спешной подготовки к большой войне. Однако корыстные бояре упирались. После Невской победы Александр должен был показать им свою власть в республике. Уладить несогласие не удалось. Ну что же, Александр за долгие годы пребывания в Новгороде хорошо изучил повадки боярства. Он прибегнул к крайней мере: зимой 1240 года «роспревся с новгородци» и с семьей и двором уехал к отцу в Переяславль. Не зря Ярослав учил Александра новгородской политике.

Находясь в Переяславле, Александр узнал, что татары все еще воюют Русь. Они нахлынули в Крым, а в один из набегов рать Менгухана подошла к Киеву, чтобы с городка Песочного «соглядать града»; хан поразился «красоте его и величеству». Его послы, отправленные к Михаилу Всеволодовичу и горожанам с целью «прельстить» их – обмануть ложным соглашением, не добились успеха. Послов перебили – город решил обороняться. Но Михаил вместе с митрополитом, бывшим черниговским игуменом Петром Акеровичем, бежали из Киева в Венгрию. Тогда галицко-волынский князь Даниил Романович поручил оборону стольного города своему воеводе Дмитру Ейковичу, оставив ему вспомогательный отряд.

5 сентября 1240 года татарское войско хана Бату, намного превышающее 100 тысяч, подступило к Киеву: не было слышно голоса человеческого «от гласа скрипания телег его, множества ревеня верьблюд его, ржания от гласа стад конь его» – таково впечатление очевидца.

Осада продолжалась 10 недель. Горожане защищали Киев, сражаясь до конца. Лишь 19 ноября враг прорвался через рухнувшие стены. Киев пал. Как и в других городах, воины и жители почти поголовно истреблялись, тысячи людей были угнаны в рабство. Самому воеводе Дмитру, израненному и захваченному в плен, Бату сохранил жизнь «мужества ради его». Только две сотни уцелевших домов насчитал здесь потом папский посол Плано Карпини.

Разорив Киев, татаро-монголы устремились далее в юго-западную Русь, где с боями заняли местные столичные города Галич, Владимир-Волинский и «инии грады мнози, им же несть числа». Груды костей – целые костища оставили они на своем пути.

Наступил 1241 год. Истерзанная трехлетней войной, лежала Русь. Но и монгольское войско было уже не то, каким оно перешло Волгу. В Азии, на Кавказе, в Поволжье и особенно в трехлетней войне на Руси татаро-монголы понесли тяжелые потери и вышли на ее западные рубежи серьезно ослабленными. Народы Руси защитили Европу от татаро-монгольского порабощения. Вот что записал современник нашествия Фома, хронист города Сплита на Адриатике: «Татары из-за Руси, сильно им противостоявшей, не могли продвинуться дальше: имели неоднократно столкновения с русскими и много крови было пролито, долго, однако, они были сдерживаемы русскими. Вследствие чего, направившись от них в другую сторону, все северные области окружили войною».

...По Руси разнеслась радостная весть, что жестокие враги «сошли» с родной земли – ушли в Польшу, в Венгрию. Однако радость оказалась преждевременной.

...Между тем на севере опасность вторжения возрастала. Рыцари вместе с отрядами эстов захватили и обложили данью Водьскую землю, сманив на свою сторону часть вожанской знати.

С благословения папы крестоносцы помышляли захватить и берега Невы и Карелию. Рыцарские отряды чинили разбой в Новгородской земле. Их набеги охватили обширную территорию в районе Изборск - о Псков – Сабель – Тесов – Копорье. В город сбегались жители из окрестных сел, опасаясь грабителей. Возмущенные новгородцы, не желая в угоду корыстному боярству становиться рабами тевтонов, требовали призвать на помощь владими́ро-сузда́льских князей.

Шумное новгородское вече отправило посла к Ярославу Всеволодовичу. Проницательный политик отпустил к ним княжить своего младшего сына Андрея. Но

Андрей явно не подходил для столь ответственного дела. Ярослав знал, что новгородцы попросят у него Александра, и этим ловким ходом старался облегчить старшему сыну споры с боярством. Действительно, новгородцы, собравшись на вече и как следует «сдумавше», вновь послали к Ярославу Всеволодовичу уже самого архиепископа Спиридона «с мужами» просить к себе Александра Ярославича. Они с горечью сообщали, что «немцы поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати (пахать) по селам и нечимь...».

...Приезду мужественного князя «ради быша новгородци». Тяжелая рука Александра вновь легла на боярскую господу. В свои далекие расчеты он бояр не посвящал, а требовал денег и оружия. Но выбора не было – ведь Александр был отменным знатоком воинского наряда. Смелость, решительность – вот с чем считается противник.

Одно удивляло Александра: татарский поход в глубь Европы не только не ослабил натиска Ордена, но, казалось, напротив, оживил его.

Александр знал, что монгольский аркан навис над Европой, но где и как воевал Батый, ему не было известно.

А Батый с главным войском шел обычным путем кочевников на Венгрию. Отряды других воевод он направил так, чтобы обезопасить себя от ударов со стороны Польши, Чехии и Болгарии.

Европа не была готова к отпору полчищам Батыя, хотя вести об их приближении поступали давно. Первой его жертвой стала Польша. Пал Краков. Польское войско, несмотря на отвагу, потерпело поражение. Венгерское войско Бела IV встретилось с неприятелем и тоже было разбито.

Монгольские рати разорили Словакию, а затем и Моравию. Большие потери вынудили Батыя отказаться от столкновения с 40-тысячным войском чешского короля Вацлава, который принимал энергичные меры к укреплению своей страны.

Зимой 1241 года Батый перевел через Дунай монгольские рати и занял всю Венгрию. Но если он предполагал превратить венгерскую равнину в кормовую базу своей конницы для войны в Европе, то просчитался. Ослабленное на Руси, монгольское войско утратило боевой пыл, встретив пусть недостаточно организованное, но мужественное сопротивление. Из монголов, двинувшихся в глубь Европы, «многие были убиты в Польше и Венгрии», – писал папский посол Плано Карпини.

Наступление, начатое на широком просторе Поволжья, подобно стреле на излете, утратило силу и замерло на Адриатике. У Батыя не было сил удержать все разоренные земли. Известие о смерти императора, великого хана Угэдэя (11 декабря 1241 года) стало удобным предлогом поспешного отступления. Он увел свою рать через Боснию, Сербию, Болгарию, Русь – за Волгу.

Народы, что отстаивали в суровую пору нашествия свои очаги, и прежде всего – народы Руси, спасли Вену и Париж, Лондон и Рим, города и культуру многих стран от разорения. В этом их великая заслуга перед историей человечества.

...Император Фридрих II толковал об отпоре татарам, упоминал и о разорении Киева – «самого значительного из городов» «преславного королевства» Руси. И при императорском дворе, и в папской канцелярии призывали к походу, говорили о нем и в Вормсе, и в Майнце, и в Мерзе-бурге, предполагали собрать войска в Нюрнберге, но дальше разговоров дело не пошло. Когда же выяснилось, что непосредственная угроза Германии миновала, в июне 1241 года войска императора Фридриха II начали поход, но не на Батыя, а... против папы, на Рим.

Тогда-то хорошо вооруженный немецкий Орден в союзе с Данией, при поддержке папства и Германии развернул наступление на Псков и Новгород.

...Придирчиво собрав войско из новгородцев, ладожан, а также карел и ижорян, князь Александр выступил против крестоносцев. Прежде всего было необходимо вернуть Копорье, а для этого – мимо немецких дозоров подобраться к Водьской крепости. Это удалось. Неожиданным ударом врага выбили. Освободили Водьскую землю. Захваченных изменников из води и эстов, перешедших на службу к немецкому Ордену, князь приказал повесить, а пленных немцев – одних отправить в Новгород, других ради будущих

дипломатических намерений отпустить на все четыре стороны.

...Копорье – первый шаг в большом замысле князя. Но и этот первый успех русских и союзных им полков отразился в стане врага: пришла весть, что восстали героические жители эстонского острова Сааремаа. Они перебили рыцарей и католическое духовенство. Андреас фон Вельвен поспешил подписать с сааремаасцами новый договор, в котором прямо отметил, что сподвигнут к тому «настоятельной необходимостью» – успешным ударом русских.

Александр задумал контрнаступление на врага. Своих сил мало – нужна помощь из Владимира. Гонцы помчались к отцу. Ярослав одобрил его намерение и отправил ему с братом Андреем свои вновь сформированные после татаро-монгольского погрома суздальские «низовские» полки. Набралось до 20 тысяч суздальско-новгородских воинов. С таким войском побеждал немцев отец. Постарается и сын.

Со всеми объединенными силами, которыми располагала Русь, вступил Александр в Эстонию. От действий его войска зависела судьба Русской земли.

Второй его шаг, вторая цель – Псков. Начав наступление на землю эстов, Александр сперва перерезал дозорами все пути, ведущие на Псков. Что творится в отрезанном Пскове, он хорошо знал, помнил он и посадника Твердилу. Недавно вместе судили и рядили. Но теперь боярину несдобровать. Сомневаться в доверии и поддержке псковичей не приходилось. Надо рискнуть захватом крепости врасплох.

Полки Александра повернули на Псков.

...Неожиданно, «изгоном», ворвались они в крепость и освободили от захватчиков и предателей-бояр этот древний город. Псковичи с радостью встретили своих освободителей. Пленных рыцарей и эстов князь, «сковав», отправил в Новгород; псковские предатели-бояре разделили судьбу копорских. В немецкой «Рифмованной хронике» это событие описано так:

Туда он прибыл с большой силой;
он привел много русских,
чтобы освободить псковичей.
Этому они от всего сердца обрадовались.
Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,
он изгнал обоих братьев-рыцарей,
положив конец их фогтству,
и все их слуги были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
русским оставили они землю.

И далее хронист-завоеватель морализирует:

...если бы Псков был тогда убережен,
это приносило бы ныне пользу христианству
до самого конца света.
Это – неудача.
Кто покорил хорошие земли
и плохо занял их военной силой,
тот заплачет, когда понесет убыток...

Мешкать во Пскове было нечего. Врага изгнали, но этого мало. Руси нужна прочная граница, к ней путь один – разгром рыцарского войска. Разгром такой, чтобы впредь за Нарову не совались.

Как это сделать? Прежде всего нужно знать силу врага, а потому Александр повел все войска вместе с псковской ратью в землю эстов, на Дерпт. Он знал эту дорогу по отцовскому

походу к Эмайгыге. На западном берегу Чудского озера войско занялось «зажитием» – фуражировкой и сбором продовольствия, а дозоры разведывали, сколько немцев и где они.

Пришли вести дозорных. Вести тревожные. В районе селения Моосте конный отряд во главе с Домашем Твердиславичем и тверским воеводой Кербетом близ расположения немецких войск завязал бой, но был разбит; враги убили «мужа честна» Домаша «и инех с нимь... а инех руками изоимаша», остальные же «к князю прибегоша в полк». Пускай с потерями, но численность наступающего врага все же выяснить удалось. Приближалась решительная битва, которой искал Александр. О ней с тревогой и надеждой думал народ и в Новгороде, и в Пскове, и в Ладоге, и в Москве, и в Твери, и во Владимире.

Как и где лучше встретить рыцарей? Глубокие снега и лесисто-болотистые окрестности не позволяли развернуть боевой порядок на суше. Тяжелые раздумья охватили Александра. Рыцари ему достаточно известны. Ядро войск по всей Европе состояло из рыцарей, которые сражались каждый в одиночку и нередко, из страха или в погоне за добычей, покидали поле боя. Крестовые походы обнаружили их слабость. Тогда и были созданы рыцарские ордена.

Орден – стройная упорядоченная организация. Вступая в Орден, каждый рыцарь дает обет беспрекословного послушания. Устав жёстко определяет поведение в походе и бою своих рыцарей, которые мало чем отличались от разбойников.

Спору нет – у Ливонского ордена послушное, отлично вооруженное войско. Применяет оно особый конный строй – клин или трапецию, в виде тупорылой свиньи, так называли его на Руси. Александр видел этот строй и знал его по опыту походов отца.

Пешими в бой шли слуги. Это вспомогательное войско – горожане-колониисты, отряды из покоренных народов. Первыми в бой вступали рыцари, а пехота стояла под отдельным знаменем. Если в бой введут и пехоту, то ее строй, вероятно, замкнут рядом рыцарей: их в большинстве подневольные пешцы не очень-то надежны.

Лучшее боевое построение русских войск – это сильный центр – большой полк («чело») и два менее сильных фланга («крылы»). Так учили Александра воеводы.

Но что будет, если своим клином рыцари раздробят центральную, наиболее сильную, часть русского войска, как не раз дробили они отряды ливов, латышей, эстов? Надо было одолеть закованную в панцири «свинью». Привычное построение не годилось. Нужно изменить тактику русских войск и сосредоточить основные силы на крылах. И лучше всего это сделать на льду.

Надо всему войску отступить на лед Чудского озера. Здесь он одолеет Орден. «...Князь же воспятися на озеро...»

Русские двинулись к Чудскому озеру, а следом, как и предполагал Александр, «немци же и чудь поидоша по них».

Следуя с войском, Александр продолжал размышлять.

Чтобы ударить с крыл, нужно заманить и задержать клин, иначе он пройдет сквозь русскую рать, как нож, и, повернув, ударит с тыла. На Эмайгыге рыцарей подвел хрупкий лед. Надеяться, что они вторично попадут впросак – значило бы идти на безрассудный риск.

Целый день спешно обследовал Александр Чудское озеро, его берега, протоки. Восточный берег Чудского озера был покрыт городищами-убежищами, к ним недавно добавились укрепления на острове Городец (тогда он вместе с островом Вороньим составлял одно целое). По рекам Желча, Плюсса, Луга население сидело густо, приросло к древней дороге на Юрьев.

Наконец он нашел самое подходящее место для боя. Узмень – ныне Теплое озеро. Сравнительно узкий проток, по берегам поросший лесом – дубом, ольхой, сосной, елью, соединявший Псковское и Чудское озера.

Узмень – место давних споров и стычек с Орденом, чьи владения на другом берегу были хорошо видны Александру с Вороньего Камня – темно-бурой глыбы, возвышающейся метров на пятнадцать.

Осмотрев озеро, Александр и избрал ледяную поверхность Узмени в 1–2 километрах от Вороньего Камня, что поднимался над окрестными лесами. Князь Александр поставил свое

войско на мелководном, промерзшем до дна прибрежном участке Узмени. Его боевой порядок почти примыкал к лесистому восточному берегу.

Правое крыло защищала покрытая слабым льдом Си-говица. Перед левым был далекий ледяной обзор. Наступающее по открытому льду немецкое войско было как на ладони, полностью обнаруживая свои силы, построение и направление удара.

Под ногами у русских прочно. Нужно было пропустить немцев, когда они двинутся с той стороны, чтобы уперлись в берег, а потом с двух сторон навалиться и опрокинуть на хрупкую и пористую Сиговицу.

На рассвете 5 апреля 1242 года Александр увидел, как вся масса немецких войск устремила на русских. Устрашающе размеренно двигался безликий железный клин, сверкающий доспехами, причудливыми шлемами рыцарей в белых плащах с изображением красного меча и креста.

...Александр с возвышенного места смотрел и ждал. Он уклонился от обычно принятого встречного удара, показной дружинной доблести, он предпочел мудрость. Выставив ночью впереди заслон, он велел, ему стоять как вкопанному, пока весь рыцарский клин не втянется в русские ряды. Заслон волю его выполнил: осыпал голову «свиньи» стрелами, а затем принял ее в копьё. Александр подал знак, на солнце сверкнул суздальский лев на княжеском стяге, и на рыцарей устремились главные силы русских, (ной стороны новгородцы, псковичи, карелы, ижорян главе с тысяцким и посадником, с другой – суздальская рать Александра, и «бысть сеча ту велика немцемь и чюди»).

Со слов воротившихся из плена рыцарей описание битвы попало в орденскую хронику. Немцы начали с ними бой.

Русские имели много стрелков, которые мужественно приняли первый натиск, (находясь) перед дружиной князя. Видно было, как отряд братьев-рыцарей одолел стрелков; там был слышен звон мечей, и видно было, как рассекались шлемы.

С обеих сторон убитые падали на землю. Те, которые находились в войске братьев-рыцарей, были окружены...

Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись, но их там одолели...

И Александр, и каждый его соратник сердцем чувствовали победный исход этой жаркой схватки. В тяжелые удары своих мечей они вкладывали все горе свое, всю боль за пережитое Русью.

Русские сражались за правое дело, за родину. Они «исполнишася духом ратным: бяху бо сердца их, аky сердца лвом». Русские лучники внесли полное расстройство в ряды окруженных рыцарей.

Это была дотоле невиданная битва, и казалось, что «трус от копий ломления и звук от сечения мечного» был такой, будто «озеру померзшю двигнутися; и не бе видети леду, покры бо ся кровию».

Замысел Александра удался вполне. Русские люди «кровь свою прольяха» не напрасно, цват рыцарства был разгромлен. «Немци ту падоша, а чудь (эсты) даша плеща» – показали плечи, бежали.

Русские яростно преследовали обратившегося в бегство врага по льду до Суболичьского берега. Было убито одних только рыцарей 400 (из них 200 меченосцев), а 50 попали в плен; немало пало и эстов; некоторые рыцари, спасаясь бегством, сбрасывали тяжелые доспехи и обувь. Посрамленных пленных крестоносцев подводили к Александру.

«Возвратися князь Олександр с победою славною». Рыцарей «ведяхут босы подле коний». Войско шло как было принято: «полк по полце, бьюще в бубны и трубяще во трубы и в сопели». Позади обоз с оружием: возницы телег по давнему обычаю – сидят верхом на упряжных лошадях. Когда войско приблизилось к Пскову, игумены и попы «в ризах со кресты» и «весь народ сретоша его перед градом» «поюще песнь: «Пособивый, господи, кроткому Давыду победити иноплемьники и верному князю нашему оружием крестным, и свободити град Плесков от иноязычников рукою Олександровою». Песнопением народ величал – славил русское войско и князя Александра. Все понимали, что с Вороньего Камня

он не только увидел поле будущей битвы, но и предвидел ее победоносный исход.

...Через семьсот лет, трудным летом 1942 года художник Павел Корин написал для выставки «Великая Отечественная война» картину-триптих с изображением в центре ее Александра Невского.

Берег Волхова. За ним русские дали, видна святая София, ее главы и золотые купола. На этом берегу, поодаль, в плотных рядах пешие воины при копьях и красных-червленых щитах. Впереди высокий, плечистый, мужественный князь. На благородной голове воина шлем с образом святого Александра, высокая шея прикрыта сзади бармицей. Глаза задумчиво и тревожно устремлены вдаль. Суровость лица подчеркивают усы и борода, оттеняющие не по годам скорбный рот с опущенными углами губ. Поверх рыцарских доспехов переброшен красный на черной подкладке плащ-корзно. Александр опирается на тяжелый меч, вложенный в оправленные золотом ножны, сильные руки крепко сжимают его рукоять. Рядом мрачный лик Спаса на боевом стяге. Стяг укреплен на новгородской, навечно русской земле.

По поводу этой картины сам П. Д. Корин писал: «Когда в сентябре 1942 года я стал писать Александра Невского, мне хотелось воплотить идеи стойкости, мужества, отваги, хотелось раскрыть характер непокоренного народа в том, что делает его великим».

...Победа на Чудском озере – Ледовое побоище – имела огромное значение для всей Руси и связанных с нею народов; она спасла их от жестокого иноземного ига. Впервые был положен предел грабительскому «натиску на Восток» немецких правителей, который продолжался уже не одно столетие.

...Позади славная победа. Но Александр понимал – это война не последняя. Жизнь показала, что крепостных стен и княжеских засад недостаточно. С двухлетним хозяйничаньем немецких фогтов во Пскове было покончено. Самое удобное время упрочить тут княжью власть, чтобы свои люди и в господе и в суде могли предотвратить повторение боярских измен. Лучший к тому повод – упорядочить в виде «Правды» местное, дотоле разрозненное судопроизводство, разумеется не упустив своего. В «Житии» Александра содержатся горькие укоры «невегласом» – невеждам псковичам, которые по воле бояр попали в немецкое ярмо; их призывают помнить о дне освобождения «и до правнучат Олександровых». Псковичи действительно запомнили Александра и защитника и законодателя.

Александр, используя нормы «Русской Правды», определил в Псковской земле объем и доход княжеского суда с разбора всех уголовных дел от мелкого хищения сена с верхушки стога до вооруженного разбоя.

Создавая свой закон, Александр заседал с псковским боярским советом близ княжого двора на сених в местном Детинце, по-псковски кроме (кремле, укреплении). После этого приезда Александра псковичи тут стали собирать вечеревые сходки. Кром стоял на высоком крутом холме у слияния рек Псковы и Великой.

...Псков был Александру дорог. За долгие годы князь привык к нему.

Псков – город необычный. В сравнении с Суздальским краем это, конечно, захолустье. Тысяч десять горожан живут на военную ногу. Простой люд ютится в бревенчатых срубках. Погода здесь не балует – и крыши для тепла засыпаны землей. Свет проникает через окна-щели с деревянными задвижками, а дым очага уходит через дыру в крыше. Усадьбы знати – зимние и летние (гридницы), двухэтажные терема – соединены крытыми переходами. Всё отделано замысловатой резьбой – растения, птицы, звери, люди – затейливо раскрашены, словно для того, чтобы скрасить суровую природу и жесткий пограничный быт крепости, окруженной стихией языческих народов и стоящей лицом к лицу с опасным врагом.

Церквей здесь каменных, вместе с Троицким собором, четыре. Они словно вывезены из Новгорода. Храмы смотрят на реку Великую, близ которой и знать живет, и духовенство. А посад – в Среднем городе у дороги между кромом и Торговищем. Он насквозь мирской, полуязыческий. В глубине Детинца, где происходит посажение князей, сгрудились клетки, амбары, житницы – весь припас горожан, купцов и воинов. Неподалеку от собора, на

крепостной стене, висит колокол, которым созванивали вече. Тут же стоят сани – предмет гордости псковичей. Они принадлежали киевской великой княгине Ольге. Она ввела здесь первые законы, а он, Александр, лишь продолжал дело прабабки.

Он дорожил поддержкой городов. Что можно сделать без их оружия, без стали, железа, брони, копий и стрел? Немецкие фогты по своему обычаю лишили псковских купцов и ремесленников всяких прав. Александр же, напротив, восстановил «старину» и включил в свою грамоту статью о судебных правах их объединений – братщин. «А объединение (купцов, ремесленников) совместно пирующих может судить, как судьи».

Псковичи настаивали на ограничении княжеской торговли вином. Трезвость богоугодна, а потому «княжеские люди пусть по дворам корчем (кабаков) не держат ни в самом Пскове, ни в пригороде, и хмельной напиток не продают ни ведром, ни ковшом, ни бочкою». Решение понятное: человек «пьянством прибытки теряет, князем землю пусту творит» и сам гибнет, ибо пьянство «смысл отъемлет, смысл погашает, смыслу пагуба».

Возникали тут и курьезные вопросы. Например: «Если кто-либо с кем обменяется чем-нибудь или купит что-нибудь спьяна, а когда проспятся, один из участников сделки будет недоволен?» Александр решил: «Ино им разменится, а в том целования нет, ни присужати» – иными словами, «им следует размениться тем, «чем ранее обменялиось, а к присяге их по суду не следует приводить». Решение князя на стороне собственника.

Городской быт знал и другие происшествия: «Если кто-либо вырвет у другого клочок бороды ц это подтвердит свидетель» – как судить? Александр решил: «Пусть свидетель принесет присягу и идет на поединок с оскорбителем; если свидетель одолеет своего противника на поединке, то за повреждение бороды и за избиение следует присудить вознаграждение»; «свидетель в таких делах должен быть только один». Должно быть, не один свидетель чесал в затылке, прежде чем свидетельствовать в таком деле.

От грамоты Александра псковичи потом вели свою «добрую старину», воплощенную в их основном законе – «Псковской судной грамоте», принятой «всем Псковом на вече» в 1462 году. Они придавали ей такое же большое значение, как новгородцы «Грамотам Ярослава». Не зря в заголовке «Псковской судной грамоты» на первом месте стоит имя Александра и сказано, что она «выписана из великого князя Александра грамоты». Словом, как того и хотел автор «Жития», Александр и при правнуках своих не был забыт псковичами.

Теперь Псков неприступен, с княжеским наместником, войском, судом да с двумя, как и в Новгороде, линиями обороны. На 300 километров вдоль Великой и Наровы с юга на север и на 100 километров в ширину протянулась Псковская земля с ее крепостями Изборском, Островом, Опочкой, Воронаем. Земля отныне приграничная на столетия. Немцы под боком...

...Пока Александр судил и рядил во Пскове, восточную Прибалтику эхом чудской победы потряс взрыв освободительных восстаний. Выступили курши Латвии, откуда рыцари грозили Нижней Литве – Жемайтии. Курши призвали на помощь Литву: великий князь Миндовг, который, по словам немецкого хрониста, «очень ненавидел крестоносцев», привел 30-тысячное войско. Положение Ордена надолго осложнилось.

Князь польского Поморья Святополк вторгся во владения прусских крестоносцев и возглавил первое восстание пруссов; Миндовг оказал помощь и Святополку. Прусско-поморские войска Святополка разбили тевтонских рыцарей у Рейзенского озера. Немецкий тевтонский хронист Петр Дюсбург именует Святополка «сыном греха и гибели» и говорит, что в то время «почти вся Пруссия была окрашена христианской кровью» рыцарей.

Западные державы и тут поддержали Орден. Папа Иннокентий IV пожаловал великому магистру Герхарду в знак покровительства перстень. Папский доверенный посол – легат Вильгельм Моденский – подтвердил, что земля куршей есть «часть Пруссии и должна управляться по ее законам». По просьбе другого великого магистра Генриха фон Гогенлоэ император Фридрих II «утвердил» за Орденом права на обладание землями Латвии и Литвы. Только вмешательство папства и империи, а также отсутствие единства среди славянских и

литовских князей, действующих хотя и одновременно, но врозь, помешали сбросить рыцарей в море.

Что касается ливонских рыцарей, то еще в 1242 году они, узнав о возвращении Александра в Новгород, «при-слова (послов) с поклоном». Послы заявили князю: «Что есмы зашли Водь, Лугу, Плесков, Лотыголу (Латга-лия – часть Латвии) мечем, того ся всего отступаем, а что есмы изоймали мужий ваших, а теми ся розменим: мы ваши пустим, а вы наши пустите». Псковские заложники также были отпущены на родину. На этих условиях Александр пошел на мир с Ливонским орденом.

Древний автор «Жития» понял значение победы войск Александра для современного мира. С этой поры, писал он, «нача слыти имя его по всемь странам и до моря Египетского, и до гор Араратских, и об ону страну моря Варяжского (Балтийского), и до великого Рима». Александр исполнил свой долг, а о славе думать было некогда.

Подписав мирный договор, князь вскоре уехал во Владимиро-Суздальскую Русь ко двору отца, которого в ту пору неожиданно вызвали в ставку хана Батыея. Отношения Руси с ханом становились государственным делом первостепенной важности.

Гибель отца

Когда во Владимире Александру сказали, что татарские гонцы привезли Ярославу проезжую грамоту в какой-то Сарай и что отец направил юного сына Константина с дарами ко двору монгольского царя, в доселе неведомый даже вездесущим новгородским купцам Каракорум, князь понял, что на этот раз кочевники не обошли Русь, а засели в ней клином, и никто не знает, какова сила этих «кибитных» политиков, и как с ними ужиться, а не то что совладать.

Он знал, что отец не действовал наобум. Когда хан Батый, возвращаясь из европейского похода в 1243 году, велел остановить свою повозку на Нижней Волге и вокруг нее образовался огромный кочевой стан – новый город Сарай, Ярослав уже располагал некоторыми сведениями о размерах и могуществе Монгольской державы. Похоже, что ставленники Батыея не только в Южной Руси, но и в Приволжье еще во время европейского похода стали подготавливать свои порядки.

И Ярослав решил не ждать, пока его позовут, а сам со своими боярами двинулся в Сарай. Он ничем не рисковал: ведь даже в битве на Сити не участвовал. Немногословная владимирская летопись скупко сообщает: «Великий князь Ярослав поеха в татары к Батыеви, а сына своего Константина посла к Канови», в Каракорум. Так что ехал он, полагаясь не на одного святого Николу – покровителя путников.

...Внук Чингисхана не случайно закрепился на Волге. Он не только хотел оседлать главный торговый путь Восточной Европы. Владения, выделенные ему великим ханом, простирались от Дуная (охватывая Болгарию) до Иртыша, включали Поволжье и Приуралье, Крым и Северный Кавказ до Дербента. Он удержал за собой и Хорезм. Эти земли составили то, что современники называли Золотой Ордой. Но если расположение к востоку от Волги было, на взгляд хана, основательно разорено и крепко приторочено, то все на запад от нее еще предстояло придавить и освоить. Это тем более непросто, что попытка занять Европу не удалась. И надеяться надо было только на себя – другие улусы были далеко и заняты своими делами: Средней Азией владел Чагатай, сын Чингисхана; улус его внука Хулагу еще формировался, чтобы потом включить Туркменистан (до Амударьи), Закавказье, Персию и арабские земли до Евфрата. Все три улуса находились в зависимости от императора, великого хана, которому принадлежали Китай и Центральная Азия, юго-восточная Сибирь и Дальний Восток. Но престол в Каракоруме пустовал уже второй год, и дела там вершила старшая из вдов Угэдэя – лукавая ханша Туракина. Выборы нового великого хана все откладывались потому, что старший по роду – умный, проницательный и осторожный Батый – был в плохих отношениях с Гуюком, сыном и преемником Угэдэя, и уклонялся от участия в курултае, ссылаясь на свое нездоровье.

Батый, которому тогда было около сорока лет, занимал выжидательную позицию не только относительно Каракорума; он осмотрительно прокладывал пути к господству и в Восточной Европе. Хан не забыл неудачи европейского похода и потому по достоинству оценил дипломатический шаг Ярослава Всеволодовича. Владимиро-Суздальская Русь была сильно разорена, притом находилась по соседству и уже потому, полагал он, должна была подчиниться. С другими землями – иное дело. Например, Галицко-Волынская земля и пострадала меньше, да и города свои сумела возродить довольно быстро, и находилась она в отдалении, гранича с Литвой, Польшей, Венгрией, которые не попали под Батыев улус. Наконец, северо-западная Русь – Новгород, Псков, Полоцк, Минск, Витебск, Смоленск – остались в стороне от нашествия и не собирались считаться с замыслами ни Батыея, ни тем более какой-то далекой Туракины. Они под рукой Александра Ярославича жестко противостояли Швеции, Дании, Германии, Литве, но ведь могли найти и путь к союзу с ними!

Батый старался использовать отсутствие политического единства на Руси и прежде всего единомыслия среди ее великих князей – владимиристо-суздальского, черниговского и галицко-волынского. Заложничество, угрозы, подкуп, обман, убийство – все пустил в ход жестокий хан.

...Сколько времени пробыл Ярослав в Сарае – неизвестно, но в том же году он вернулся. Батый, читаем в летописи, оказал Ярославу «великую честь», почтил и бывших с ним «мужей» – бояр и утвердил его ни много ни мало великим князем всей Руси – «и отпусти и рече ему: «Ярославе, буди ты старей всем князем в русском языке». Был ему отдан и Киев, где сел теперь в качестве суздальского воеводы славный ратоборец Дмитр Ейкович.

о Пусть древняя столица была разорена, а неподалеку п поисках добычи рыскали литовские отряды – все равно в Киеве уже селилась знать, сюда устремлялись купцы из всех стран Европы. Что-то их привлекало: ведь не пеплом же с татарских пожарищ собирались они торговать. Киев продолжал быть центром пусть пока пустыющей митрополии. Потому и оставался он яблоком раздора между великими князьями Руси.

Батый решил в своей политике, и на севере и на юге, опереться на суздальских князей; да сарайский властитель и не мог изменить политический строй, сложившийся на Руси, а лишь старался поставить его себе на службу. Но и Ярославу, ныне великому князю, Батый не доверял вполне и на всякий случай взял в заложники его сына Святослава. Тем не менее Ярослав приобрел больший вес в Сарае, а укоренившаяся структура великокняжеского вассалитета во Владимиро-Суздальской земле пережила татарское лихолетье. Ярослав добился ее признания, Александру предстояло ее укрепить.

По возвращении Ярослава во Владимир к нему приехали и жена и Александр, жившие в Новгороде. Из рассказов отца Александр мог представить себе облик кочевой столицы и нравы ее двора. Внимательно, с печальным недоумением рассматривали выданный князю чуждый по названию «ярлык» – ханскую грамоту, «силою вечного неба» подтверждающую его права на Русь, а также пропуск на родину – золотую дощечку с выцарапанным на ней столь же непонятным текстом – «пайцзу», которую все на русский манер называли «байсой». Ярослав открыл путь в Сарай и другим суздальским князьям (угличскому, ростовскому, ярославскому), которые тоже были отпущены Батыем «с честью достойною» и утверждены на занимаемых отчих столах. Даров это стоило им немалых, ибо в Орде их требовали все – от гонца и до самого хана.

Но главное было не в дарах, а в дани. Она огорошила князей своей непомерностью – это была дань и воинами, и жителями, и мехами. В требованиях своих Каракорум и Сарай были едины. Русские воины должны были выполнять распоряжения хана, из жителей он мог забрать в рабство каждого десятого, а бывало и хуже.

...Через два года отсутствия из Монголии вернулся Константин Ярославич. Русского не удивишь степными просторами, но то, что повидал он, поражало. Один путь туда и обратно отнимал чуть ли не год! Однако князьям было не до путевых рассказов. Тяжкую вестъ привез Константин – ханша Туракина потребовала приезда великого князя на утверждение в

Каракорум. Делать нечего. В 1245 году Ярослав вместе с братьями вновь уехал в Сарай.

Провожая отца, Александр не мог и предположить, что в последний раз видит его живым и что ему самому придется в бурном водовороте международной политики решать по собственному разумению судьбы Руси. В Сарай на этот раз были вызваны все три великих князя – владими́ро-суздальский, черниговский и галицко-волинский. Здесь и разыгрался последний, трагический эпизод их давней междоусобной борьбы, борьбы, за которой настороженно следили не только в Риге, Кракове и Буде, но и в Риме.

...Когда генуэзец Синибальдо Фиески занял в 1243 году папское кресло под именем папы Иннокентия IV, Европа еще не оправилась от татарского потрясения. Татары угрожали Польше, Венгрии, Латинской империи, Ордену. Из этих стран текли немалые средства в папскую казну. Понятно, что папа хотел установить более тесные отношения с Ордой.

24 июня 1245 года в Лионе открылся созванный Иннокентием церковный собор. На нем надлежало обсудить и пути продолжения крестовых походов после того, как арабы отобрали у франков Иерусалим, немецкие рыцари были остановлены у границ Руси, а Латинская империя оказалась под угрозой православной империи Никейской. В этих условиях папство и решило попытаться сблизить христианский мир с варварским или, как выразился папа, «спарить голубя со змеей» и поискать союзников в Сарае и Каракоруме.

К изумлению собравшихся в Лионе прелатов, речь о татарах держал схизматик Петр, «архиепископ Руси», который, как передавали, был изгнан татарами из своей столицы и земли и прибыл во Францию в надежде найти помощь против грозных степняков. Это был митрополит Петр. Черниговский князь Михаил поручил ему узнать, можно ли рассчитывать на помощь западных держав – вполне естественное желание для князя, долгое время связанного союзом с Венгрией.

Петр сообщал собору, что татары собираются в поход на Сирию и соседние страны, что они готовятся к тяжелым боям с католиками. Папа понял, что ханы замышляют подчинить и арабскую Переднюю Азию, и католическую Европу. Возникла соблазнительная идея: а нельзя ли предложить Орде союз против арабов и их соседей (например, Никейской империи) и зато столкнуться о сближении в Восточной Европе. Ведь говорит же Петр, этот «веродостойный» русский, что «послов они принимают и отпускают ласково». Конечно, трудное дело, но почему же не попробовать?

Думал так папа, нет ли, но уже вскоре его посол Иоанн де Плано Карпини покинул Лион с заданием посетить Сарай и Каракорум. О своей поездке он написал отчет под названием «История монголов, именуемых нами татарами». Монах-францисканец Карпини, двадцатипятилетний сверстник князя Александра, по словам знавших его, «умный, образованный, очень красноречивый, приятный во многих отношениях человек», составил свое повествование с таким искусством, что о целях посольства приходится читать между строк. Если бы не его дипломатические переговоры с русскими князьями, то можно было бы подумать, что, кроме христианского просвещения, у него ничего другого и в мыслях не было. Ясно одно – задуманный союз латинян с татарами, папства с ханами таил в себе огромную угрозу Руси.

Случилось так, что пути Плано Карпини и всех трех великих князей Руси скрестились. С отцом Александра он познакомился в полудне пути от Каракорума, в ханской ставке Сыр-Орде, куда посол прибыл 22 июля. Ярослав приехал сюда из Сарая позднее.

...Князья Ярослав, Михаил и Даниил с разными чувствами ехали в Сарай.

Ярослав уже был утвержден великим князем и ехал к Батью как вассал.

Другое дело Михаил – союзник враждебной Батью Венгрии, претендент на Киев, недавно отданный Ярославу. Михаил немало пережил, пока решился на этот шаг. Накануне нашествия он достиг вершин власти – владел столами Чернигова, Киева, Галича, влиял на Полоцк и Новгород.

Теперь в Киеве, с одобрения Батыя, появился суздальский воевода, а Михаил вновь скрылся за границу, на этот раз в Венгрию. Здесь его сын Ростислав стал зятем короля Белы IV, заклятого врага Батыя. При венгерском дворе Михаил не ужился, – ему не оказали

должной чести – и он решил, будь что будет, воротиться в родной Чернигов, а архиепископа Петра направил в Лион. В Сарае этому князю при его независимом вспыльчивом характере было не на что рассчитывать.

Наконец Даниил... Его воевода Дмитр с галицкой засадой защищал от татар Киев. Вероятно, от Батыя не укрылось, что Даниил воевал по татарским тылам во время европейского похода, но ведь недавно – в 1245 году – он же победил, несомненно, враждебные Орде венгеро-польско-черниговские полки.

Даниил был выдающимся государственным деятелем, полководцем, широко мыслящим политиком. После победы над Венгрией и Польшей он поддерживал экономические и политические связи и с Орденом и с Литвой. Располагая по крайней мере 60-тысячным войском, он рассчитывал устоять перед Золотой Ордой – от Галича до Сарая было по прямой 1750 километров, а выдвинутая Батыем за Волгу Орда воеводы Куремсы не пугала Даниила: ведь там и прежде сотни лет кочевали торки и половцы. Договаривались с половецкими ханами, найдем общий язык и с татарскими, важно выиграть время, полагал князь.

Все дело было в том – на кого работало тогда время... Понять это было далеко не всем князьям под силу. Тут нужны были не только смелость, но и мудрость.

Итак, князь Даниил с большой свитой – «со всеми воинами и людьми» – отправился в ставку Батыя.

Татары – идолопоклонники – остерегали каждого, кто входил в шатер хана, под страхом смерти не наступать на порог. Кроме того, все посещавшие Батыя проходили очищение между двух огней. «Они веруют, – сообщает Плано Карпини, – что огнем все очищается, а потому, когда к ним приходят послы, или вельможи, или какие бы то ни было лица, то и им самим и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла». С огнем вообще следовало обходиться почтительно, поддерживать его, а лить в пламя только то, что горит: вино, масло, жир; через него нельзя шагать, плевать в него, заносить над ним нож.

Полагалось еще отвесить поклон на юг – тени покойного Чингисхана. Надобно было знать, что очистительный огонь родился при отделении неба от земли; от луча солнца родился и сам Чингисхан. По преданию, он и зачат был от солнечного луча, упавшего на лоно его матери. Этот «лев людей, небожитель» явился между монголами «по воле голубого и вечного неба» и ныне его чтят. Он «онгон» – предок, тень, символ бессмертной души всего народа. Наконец, полагалось преклонить колена перед Батыем.

Многого требовала черная вера монголов, но князь Даниил был готов ко всему. Между тем люди Ярослава Всеволодовича в Сарае надеялись, что он споткнется именно на этикетке. К нему, сообщает летопись, специально приходил «Ярославль человек», крещеный половчанин Сонгур. Это мог быть слуга Святослава Ярославича, оставленного в Сарае заложником у Батыя. Когда Даниил собирался идти на прием к Батыю, Сонгур пришел и заявил: «Брат твой Ярослав кланялся кусту и тебе кланяться», но Даниил отказался от вероисповедных споров, подозревая умышленное подстрекательство суздальцев. При решении крупных государственных вопросов он имел достаточно широкий взгляд на вещи. Общение то с языческой Литвой, то с католиками приучило его к известной веротерпимости.

Даниил сделал все как надо, и ему были оказаны знаки высшего внимания: хан угощал князя кумысом, а от французского посла Рубруквиса, вскоре посетившего Батыя, мы узнаем, что пить кумыс у хана – великая честь. Правда, он же добавляет, что русские и греки избегали этого, считая, что, выпив кумыс, потеряют свою веру. Даниил так не думал.

Когда князь, «измолвя слова своя», высказал хану приветствия, Батый спросил его: «Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумуз».

Даниил вежливо ответил: «Доселе есмь не пил, ныне же ты велишь – пью».

На это Батый сказал: «Ты уже наш, татарин, пей наше питье». Князь Даниил, «испив», поклонился.

И все-таки это было невиданное унижение. «О, злее зла честь татарская!» Даниил

Романович, князь – в прошлом великий, обладавший Русской землей, Киевом, и Владимиром, и Галичем, и иными странами, «ныне сидеть на колену и холопом называется и дани хотять, живота на чаеть и грозы приходить», писал летописец.

Князь был признан ордынским «мирником», за что ему пришлось порядочно уплатить. Это было лишь началом зависимости от Орды: «поручена бысть земля его ему». Даниил сумел обойти хана: нет, он не стал татарин, как думал Батый, он лишь выиграл время. А вернувшись на родину, князь начал готовиться к войне за Киев, к борьбе с Ордой.

Михаил Всеволодович совсем иначе был принят Батыем. Князю претило все в кочевой ставке, включая и Батыя, который с покрытым красными пятнами лицом сидел в просторном шатре, захваченном в битве при Шайо у венгерского короля. Михаил скрепя сердце прошел между двух огней, но кланяться «на полдень Чингисхану» решительно отказался, заявив, что «охотно поклонится Батыю, но не подобает христианину кланяться изображению мертвого человека». И здесь не обошлось без «сына Ярослава»; именно он передал Михаилу, что тот будет лишен жизни, если не выполнит воли хана. Князь отказался, и тогда один из телохранителей Батыя стал бить его пяткой в живот «против сердца», пока тот не скончался. Стоявший подле воевода Федор ободрял князя, призывая к стойкости во имя веры. Потом им отрезали головы ножом. Это было загодя задуманное убийство. Позднее православная церковь причислила Михаила к лику святых, а пока что суздальский князь убрал с пути одного из главных своих соперников. Чернигов надолго утратил свое значение.

Но и участь самого Ярослава Всеволодовича была решена. На этот раз не в Сарае, а в Каракоруме, куда он был направлен Батыем на утверждение как великий князь Руси. По словам Плано Карпини, Ярослав Всеволодович – «знатный муж», «великий князь России» – отправился ко двору Туракины с большой СВИТОЙ, НО В трудном пути его люди «в большом числе умерли», а по прибытии ко двору Ярослав не получил «никакого должного почета».

В то время выбирали нового великого хана Гуюка, и отец Александра вместе с Плано Карпини находился среди тех четырех тысяч послов, что съехались из покоренных земель. Неподдалеку от ставки стояли повозки, нагруженные дорогими подарками.

Деятельный Плано Карпини побывал и внутри ограды, окружавшей великоханский шатер из дорогой белой ткани. Повидал он и трон Гуюка, «изумительно вырезанный» из слоновой кости, украшенный золотом, дорогими камнями. Это была работа пленного русского умельца Косьмы, «бывшего золотых дел мастером у императора».

...Враждебная Батыю ханша Туракина не допустила утверждения Ярослава, как сарайского ставленника, главой Руси. Мать императора Гуюка пригласила Ярослава в свой шатер и, «как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки». Несмотря на всю грязь татарского двора, отказаться было нельзя.

Вернувшись от ханши в свой шатер, Ярослав тотчас занедужил и, спустя семь дней, умер. Лишь на десять дней пережил он своего соперника черниговского Михаила. «Все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею». Между тем на Руси и при золотоордынском дворе опасались такого исхода, и Феодосия Игоревна, посоветовавшись с Батыем, послала вдогон Ярославу гонца Угнея, чтобы предупредить мужа об опасности. Но гонец опоздал...

О последних днях князя мы узнаем все от того же Плано Карпини, который не случайно много пишет об отце Александра. Ярослав, ознакомленный Карпини с папскими посланиями и предложениями, очевидно, как и Даниил, не видя другого выхода из ордынской неволи, дал согласие на переговоры с курией. Может быть, и гибель Ярослава была ускорена тем, что переводчик, толмач – свидетель бесед князя с францисканцем, оговорил князя перед ханшей.

В Лицевом своде XVI века миниатюрист представил исполненное горести изображение «смерти при дороге»: кони, остановившиеся у дороги, пустые телеги, опечаленные люди и тело князя на смертном ложе. Известие о гибели князя отозвалось на Руси: в вольнской летописи прямо сказано, что татары князя «зельем уморили»; в суздальской осторожно

замечено, что он умер «нужною» – насильственной смертью. Тело Ярослава доставили во Владимир и похоронили в Успенском соборе.

«Слышав Александр смерть отца своего, приеха из Новгорода в Володимер и плакася по отце своемь». Ушел из жизни не просто отец, а наставник и друг.

Великим князем по русскому обычаю стал брат погибшего Святослав Всеволодович. К нему и явился во Владимир одетый в черный траурный плащ и шапку князь Александр. Святослав утвердил сыновей Ярослава на тех же столах, которыми они владели при отце. Беря за клинок свой меч из рук Святослава в знак пожалования отцовских владений, Александр принимал на себя тяжелое бремя – Новгород. Получил он и города – Переяславль, Зубцов, Нерехту, земли в Торжке и Волоке Дамском. Но Тверь он утратил. Там сел Ярослав Ярославич, держа под своей рукой и бывшие переяславские города – Кашин, Коснятин. Отошел от Александра и Дмитров к новому Галичско-Дмитровскому княжеству.

По отцовскому распоряжению Александр сохранил Переяславль. Остаться здесь он мог только с одобрения переяславских горожан. Это был порядок, общий для всех вольных городов.

Воротившись в свою отчину, Александр созвал «всех переяславцев» к собору святого Спаса и произнес издревле принятое в подобных случаях обращение: «Братья переяславцы, бог позвал отца моего, а вас передал мне, а меня поручил вам, так скажите мне, братья, хотите ли вы меня иметь князем вместо отца моего, и готовы ли сложить свои головы за меня?» Князь был им угоден, и они ответили: «Велми, господине, тако буди, ты наш господин, ты Ярослав» – и целовали крест. Александр занял престол в городе, где родился. На северо-восточном берегу Плещеева озера, в 3–4 километрах от города, Александр велел возвести себе теремок на Ярилиной горе, где и жил с женой в короткие наезды, пока отстраивался разоренный татаро-монголами город и княжий двор. Дольше гора эта называется Александровой. Александр воротился в Новгород.

...Есть близ Городища в Спасо-Нередицком монастыре одна церковь, построенная в конце XII века. По облику она маленькая, новгородская – стены ее непомерно толсты, неровны линии и формы, грубовата кладка, но сколь дорога она сердцу русского, какие замечательные фрески покрывают ее.

Вскоре после возвращения князя из Орды в Спасо-Нередицком храме появилась новая фреска, посвященная Ярославу Всеволодовичу. На синем фоне и зеленой полосе земли изображен пожилой князь с длинной темной бородой; на нем красная с орнаментом верхняя одежда и соболья шапка с матерчатым верхом; в правой руке он держит церковь, которую подносит сидящему перед ним Христу. Вручение храма – символ сопричастности богу и покойного, отца и его здравствующего сына. Между фигурами Христа и Ярослава в мемориальной надписи есть слова: «О боголюбивый князь, второй Всеволод. Злых обличал, добрых любил, живых кормил. О милостивец, кто может воспеть твои добродетели».

Украшая церковь фреской, посвященной памяти отца, Александр еще не знал о новой, надвигавшейся опасности: о зловещих замыслах Туракины. Без ведома самого Гююка она поспешно отправила гонца на Русь, к Александру.

С удивлением взирали новгородцы на дотоле невиданного татарского посла, прибывшего к князю на Городище. Вскоре разнесся слух, что Александра требуют в Каракорум, где ханша собирается «жаловать ему землю отца». Александру был ясен коварный план ханши: покончить с ним, чтобы запугать Русь.

В то же время Александр потерял и мать: Феодосия умерла при нем в Новгороде и погребена была подле своего сына Федора в Юрьевом монастыре. Мать всегда остерегала Александра, советуя опасаться и Рима, и Каракорума.

Александр оказался перед выбором – с кем идти: с Сараем или с Каракорумом. Он выбрал правильно. Александр не поехал ко двору ханши, хотя гонцы ее приходили с новыми грамотами, сулили земли и милости.

«Брань славна лучше есть мира стыдна», – эти слова от века были мерилем государственной доблести князей. Однако, правя в Новгороде, Александр лучше других

видел, что одно дело война со своей братией на Руси, где при любом исходе столы остаются русскими и православными. Теперь же война надвигалась на Русь со всех сторон. Надо было выбирать: воевать против всех или попытаться быть в мире со всеми, чтобы возродить Русь.

Из всего пережитого в годы татаро-монгольского лихолетья, из борьбы с крестоносцами, из событий в Сарае и Каракоруме Александр Ярославич вынес твердое убеждение: надо как-то перемотаться с Ордой и отбивать приступы католических держав. Да если бы только католических...

В «глухом царстве»

Случилось так, что именно в это время в Новгороде на подворье оказались папские легаты – два хитрейших, сведущих епископа с грамотой от папы Иннокентия IV. Послы пришли из Лиона через Прагу и Краков. Их путь занял свыше трех месяцев, и письмо, датированное 22 января 1248 года (или по римскому календарю «десятого дня февральских Календ пятого года»), попало из Лиона в Новгород лишь летом.

Что же писал «благородному мужу Александру, герцогу Суздальскому» «раб рабов божьих» Иннокентий IV? Папская булла основана на сведениях, которые привез Карпини о предварительном согласии Ярослава Всеволодовича вступить с курией в переговоры об антитатарском союзе, папа истолковал это как признание своей власти.

«Отец грядущего века, князь мира, сеятель благочестивых помыслов, искупитель наш господь Иисус Христос окропил росой своего благословения дух родителя твоего, светлой памяти Ярослава, и, с дивной щедростью явив ему милость познать господя, уготовил ему дорогу в пустыне, которая привела его к яслям господним, подобно овце, долго блуждавшей в пустыне, ибо, как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена миноритов, прото-нотария нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию римской церкви, матери своей, через этого брата, с ведома одного военного советника, и вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и злосчастно не вырвала его из жизни».

Порассуждав о том, что отравленный ханшей Ярослав причислен к «сонму праведников» и «покоится в вечном блаженстве там, где сияет немеркнущий свет, разливается благоухание», и где он «постоянно пребывает в объятиях любви, в которых несть пресыщения», папа переходит к своему деловому предложению: «Итак, желая, чтобы ты, будучи законным наследником отца своего, обрел блаженство, как и он, мы наподобие той женщины из Евангелия, которая зажгла светильник, дабы разыскать утерянную драхму, разведываем путь, прилагая усердие и тщание, чтобы мудро привести тебя к тому же, чтобы ты смог последовать спасительной стезей, по стопам своего отца», и, «оставив бездорожье, обрекающее на вечную смерть, смиренно възъединился с тою церковью, которая тех, кто ее чтит, бесспорно, ведет к спасению прямой стезей своих наставлений».

Папа строил свой дипломатический расчет, зная о враждебности Александра к великоханскому двору: «За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей, мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе господней». Он прельщал князя выгодами союза с римской церковью: «Да не будет тобою разом отвергнута просьба наша», которая «служит твоей же пользе, но, конечно, не останется сокрытым, что ты смысла здравого лишен, коль скоро откажешь в своем повиновении нам, мало того – богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновении же этом никто, каким бы могущественным он ни был, не поступится своею честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножатся, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить может, но и величию божью служить стремится».

Этот туманный намек на «умножение мощи» с принятием католичества, возможно, и

имел бы цену в глазах Александра, не знай он кровавых дел тевтонов. Все это были словесные сети для отчаявшихся, как его отец, который, терпя унижения в далеком и ненавистном Каракоруме, жизнью заплатил за минутную слабость духа.

...А грамота продолжала свои посулы: «Вот о чем светлость твою просим, напоминаем и в чем ревностно увещеваем, дабы ты мать римскую церковь признал и папе повиновался, а также со рвением поощрял своих подданных к повиновению апостольскому престолу, чтобы вкусить тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства».

Кто-кто, а Александр знал, что сближение с апостольским престолом приведет его к утрате княжеского стола, ибо в глазах его подданных папа – покровитель врагов Руси. А что до «вкушения вечного блаженства», то еще неизвестно, чей, православный или католический, рай праведнее, но что Батый его туда отправит, едва узнает о согласии с курией, это ясно.

«Да будет тебе ведомо, что коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того – богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем».

Что может значить слава, если погибла семья и гибнет Русь? Где искать эту славу – в Риге, в Вендене, может быть, в Лионе, мыкаясь при дворах чужих королей? Уж лучше принять унижение в войлочной юрте, перед властителем в засаленном халате, но зато Русь уберечь. Будет Русь – будет и слава. Другого выбора нет.

А папа в проповеди своей не забыл и о земном: «Ведомо, что опасностей легче бежать, прикрывшись щитом мудрости, и мы просим тебя об особой услуге: как только проведешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтобы ты не преминул немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это известие через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью божьей, сим татарам мужественно сопротивление оказать».

На миг представив себе Русь под опекой святого престола, было нетрудно предвидеть ее судьбу. Пока будут извещены рыцари, да пока папа поразмыслит... от Новгорода, Смоленска и Полоцка останутся одни тлеющие головни. А потом придут и рыцари, но не помогать Руси, а довоевывать ее.

Решение было принято тут же, на месте, где читалась грамота Иннокентия IV и где развивали и разрисовывали ее словесными узорами дошлые папские легаты. Они передали князю слова папы: «Наслышаны мы о тебе как князе честном и славном и земля твоя велика» – и его предложение – принять католическую веру.

Александр, терпеливо выслушав послов, посовещался с приближенными боярами-советниками («с хитрецами своими») и составил папе письменный ответ, а на словах, напомнив кратко православное толкование ветхозаветной и новозаветной истории, решительно отклонил папские домогательства, закончив словами: «Сии вся добре съведаем, а от вас учения не приемлем». Легатов отпустили, по русскому обычаю одарив и снабдив всем нужным в дорогу.

Александр отверг союз с папством. Это было дальновидное, смелое решение.

Вскоре умер Гуюк, а новая великая ханша Огул-Гашиш тоже была недружественна Батыю. Не признав поставленного им в великие князья Святослава Всеволодовича, она потребовала у Батыя приезда в ее ставку братьев Александра и Андрея Ярославичей.

Вот уже и суздальские послы привезли Александру от Батыя охранную грамоту для проезда в Сарай. Далее пренебрегать вызовами было нельзя, и Александр вместе с братом Андреем решил ехать в Каракорум.

Расстояние от Владимира до Сарая равнялось 1250 километров, от Сарая до Каракорума – 4500 километров, а всего – 5750! Это по прямой, а по дорогам тех времен много больше – Неудивительно, что уезжавших в Каракорум друзья провожали как на тот свет. Когда Плано Карпини и его спутники после пятнадцатимесячного отсутствия воротились в Киев из ставки Гуюка, их встречали так: «...узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, именно они поздравляли нас, как будто мы восстали из

мертвых; так принимали нас по всей Руси, Польше и Богемии». А ведь, в сущности, монахам ничего не угрожало – веротерпимость татар была общеизвестна. Другое дело – князь Александр.

Путь князей из Владимира в Сарай лежал вдоль Волги. С собой надлежало взять, помимо зимней и летней одежды, мыла, флаконов с благовониями, посуды, запасы продовольствия, корчаги с медом и вином, соленья, варенья, окорока, ветчину, масло, мороженую рыбу, хлеба, ковриги, пряники, от цынгы – лук, чеснок, укроп. А главное – достаточно денег, драгоценностей, мехов на раздачу ханам, их женам и ханским приспешникам и в ставках, и в пути. «Следует иметь великие дары для раздачи им, так как они требовали их с большой надоедливостью, и если их не давали», то «посол не мог соответственно исполнить своих дел; мало того, он, так сказать, не ценился ни во что», – предупреждал Плано Карпини.

То посол, а тут ехал князь, рассчитывая на вассаль-ый стол, притом не совсем обычный. Ведь новгородский престол Александр занимал не по воле хана – Новгород Орду не признавал. В сани были впряжены не русские кони, а купленные у татар лошади, которые «умеют добывать копытами траву под снегом», когда в пути найти им «для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у татар нет ни соломы, ни сена, ни корму».

С князьями, как полагалось, ехали воеводы, бояре-советники, тиуны-управляющие и толмачи-переводчики с татарского, арабского, латинского, греческого.

Ехали и духовники – отмечать в пути, если доведется, пасху, рождество и другие праздники; хлебом с | солью и хлебом в святой воде, как положено, заменяя при этом пост чтением псалтыри. Будет с кем побеседовать о спасении души, будет кому и грехи отпустить. Известно, «идеже власть – там и греха много». А здесь, кроме того, еще и чужая власть – и идолам кланяться, и меж огней проходить придется. Впрочем, с грехами несложно: духовник выслушает твое покаяние, прочитает молитвы, поднимет с колен, положит твою правую руку на свою шею и скажет привычно: «На моей выи согрешения твоя, чадо, и да не истяжет тебе о сих Христос бог, егда приидет во славе своей на суд страшный». И греха как не было. Предстателем перед богом может быть духовник, а могут помочь и родня и бояре. Наложит духовник тяжкую, долгую епитимью – станет она короче и легче, если поделить с ними. Будут они поститься и бить поклоны... И все это будто бы без греха...

Да что значат грехи и огни черного адского пламени волхвов! Можно ведь научиться, как говорят закоренелые в язычестве литовцы, и богу молиться, и черта за хвост держать. И без того весь путь по Волге лежал между двух огней: слева сильная Орда хана Мауцы; справа шестидесятитысячная Орда хана Куремсы. Он, Куремса, как писал Плано Карпини, «господин всех, которые поставлены на заставе против народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на татар неожиданно и врасплох».

...Поговаривали, что с Куремсой не очень-то ладит галицко-волинский князь Даниил Романович... Легаты в беседах с Александром не распространялись о своей встрече с галицким князем, но и без того становилось очевидно, что Даниил нашупывает какой-то другой путь. Он под боком у Куремсы возродил союз с Венгрией, же нив сына Льва на дочери короля Белы IV. Король писал папе, что пошел на это, опасаясь сближения Даниила с Ордой. Больше того, неожиданно Даниил произвел своего печатника Кирилла в русские митрополиты и, минуя Киев, отправил его в Никею на утверждение к патриарху. Получалось, что галицкий князь и церковь поднимал на Орду. Не признавал он и утвержденных Батыем общерусских прав суздальского князя на Киев.

Даниил опытнее и старше Александра. Александру едва были постриги, когда тот восемнадцатилетним уже доблестно дрался на Калке. Как относился Даниил к политике папства, Александр не знал. А между тем после встречи с Плано Карпини между Днепром и Доном князь Даниил завязал переговоры с папой. Быть может, речь шла о языческой Литве. К войне с литовским великим князем Миндовгом Даниил собирался привлечь и Польшу и Орден. Опытный и сдержанный, он остерегался допустить просчет, который бы сделал его

орудием папской политики. Вот почему, когда папа предложил галицко-волынскому князю королевскую корону («венец королевства», сказано в летописи), он отказался, заявив: «Рать татарская не престаесть зле живуци с нами, то како могут прияти венчать без помощи твоей».

...До первой татарской заставы приволжская равнина была пуста и безжизненна. Уже к югу от Рязани открывалась горестная картина, и таковой ей суждено оставаться еще многие десятилетия: кругом «печално и унын-ливо», и не видно «тамо ничтоже: ни града, ни села, точно пустыни велиа, и зверей множество...». В бывших половецких станах белели едва заметные снегом черепа и кости погибших, да время от времени попадались печальные памятники половецким прародичам – каменные истуканы не то в шляпах, не то в шлемах, сидящие и стоящие, сутулые, с отвисшими грудями, с руками, соединенными под толстым животом.

Он не сидел на одном месте, а перемещался по Заволжью в зависимости от времени года и состояния кормов – с января по август поднимаясь к северу, а потом откочевывая обратно.

Ставка Батыя оказалась вытянутым в длину городом, но не обычным, а из жилищ, поставленных на колеса. Это были круглые кибитки из прутьев и тонких палок, с дырой в середине для дыма. Размер кибитки зависел от достатка. Стены и двери из войлока, колеса из плетеных прутьев. Верх дома тоже покрыт белым войлоком, или пропитан известкой, или порошком из костей. Неподалеку большие дома – повозки 26 жен Батыя, окруженные маленькими домиками служанок и десятками грузовых плетеных коробов на колесах.

Странными казались обитатели этого кибиточного города. Особенно причудливо выглядели женщины. На голове они носили нечто круглое, сделанное из прутьев или аз коры, высотой в один локоть и вверху четырехугольное, украшенное длинным прутиком из золота, серебра ми дерева, либо пером. Все это нашивалось на шапочку, пускавшуюся до плеч. На шапочке и уборе – белое покрывало. «Без этого убора они никогда не появлялись на глаза людям», и по нему узнавали замужних женщин. Девушек же и незамужних лишь с трудом удавалось отличить от мужчин, так как «одеяние как у мужчин, так и у женщин было сшито одинаковым образом» – кафтаны, спереди разрезанные сверху донизу и запахнутые на груди. А на Руси ведь учили: «Мужем не достоинь в женских портех ходити, ни женам в мужних».

Этот странный город был окружен удаленными от него на 3–4 километра стоянками-поселениями половцев, болгар, русских и других подвластных Батыю народов, а также иноземцев. Купцы, ремесленники, рабы, духовенство – все смешивалось тут в одну общую пеструю толпу, которая заполняла огромный базар, сопровождавший орду Батыя.

Орда – это, в сущности, центр поселения, Батыев двор. Все иноземцы точно знали, в какой стороне от ханского двора должны они снимать с повозок свои шатры. Самое видное место в этом поселении занимали русские, среди которых расположилось и прибывшее из Руси посольство. С этого момента ему полагалось от двора довольствие кочевника – кумыс, вино, вареное мясо без соли и просо. Хочешь – ешь, не хочешь – голодай.

Второй человек империи старался окружить себя подобающим великолепием. Привратники охраняли двор, в котором стояли большие, красивые шатры из льняной ткани. Перед сидевшим на возвышенном, подобно трону, месте скуластым, хитрым человеком и должны были преклонять колена русские послы. Вместе с Батыем находилась одна из жен; братья, сыновья и прочая родня сидели на скамьях. Кроме членов семьи, никто без его вызова не смел приближаться к палатке хана.

На середине поляны, перед входом в ставку, стоял стол, а на нем в золотых и серебряных чашах, украшенных драгоценными камнями (каждому ясно – все награбленное), напитки: кумысы, меды, вина. Когда хан брал чашу – певцы, стоявшие неподалеку, пели под гитару.

Управляющий двора допускал к хану не ранее чем осведомившись о цели прибытия и тех дарах, которыми послы хотят почтить Батыя. И сами князья и их дары должны были миновать разложенные огни, куда татарские волхвы бросали часть привезенных сокровищ.

Упаси боже было прикоснуться к веревочному пологу шатра. Лишь к коленапреклоненным послам обращался хан, повелевая встать; в зависимости от их ранга и значения удостоивал он их вниманием, беседой и угощением.

Роскошь двора только подчеркивала царящую грязь. Русским это не внове – насмотрелись на половцев, которые тоже были горазды и «кровь проливати», и «ядуще мартвечину и всю нечистоту, хомека и сусолы (сусликов)». Русские не были особенно брезгливы, веря в очищающую силу креста: если пес «налокочет» (полакает) пищу, или сверчок в нее «впадет», или «стонога», или жаба, или мышь – они творили молитву, и делу конец. Но тут и молитвы, казалось, мало. От всей этой несуразицы, нелепости корбило привыкших к европейскому быту русских князей.

...Батый должным образом «почтил» Александра Ярославича и его спутников и, закончив беседу, отправил князей в Каракорум. От собственного дипломатического искусства послов зависело теперь их будущее.

Из ставки Батые путь князя пролегал через разоренные монголами земли народов, живших севернее Каспийского и Аральского морей. Свыше недели ехали русские по земле половцев, то пять-семь раз в день получая свежих лошадей, то не меняя их по два-три дня. Для питья топили снег на кострах, пищу расходовали бережно. Вокруг расстилалась снежная пустыня – ни городов, ни селений. Одни редкие татарские ямы. Чужие земли, чужие нравы.

Месяц тянулся путь по земле кангитов (родом печенегов). Проводники говорили, что питались они скотом, жили в шатрах. Немногие уцелевшие – в рабстве у татар.

Чем дальше длился путь, тем горше представляла перед Александром судьба Руси. Именно в этой пустыне умерли многие слуги и дружинники отца, ехавшие с ним в Каракорум.

Сидя на саях в теплом козьем полушубке, меховой татарской шапке – обычные дары хана послам в дорогу – Александр не раз вспоминал о горькой участи отца и о славе своего далекого прародителя Владимира Мономаха. Тот, говорят, от самой Византии получил символ величия – шапку и бармы, а ныне потомок его красуется на бескрайней дороге в шутовском колпаке.

Прошло немногим больше ста лет, а как все изменилось. Мономах «пил золотым шелоном Дон», его именем степняки «детей своих пугали в колыбели».

В расцвете величия оставил Русь сыновьям Мономах. По старинному обряду обернутое плащом тело умершего великого князя положили на сани и отвезли в киевскую Софию, чтобы после отпевания предать земле. Оружие, броню, меч, славные стяги укрепили на стенах храма.

...Духовные люди учили почаще «со испытаньем» заглядывать в свою душу, проверяя, «что лукаво в ней есть». И сам Владимир Мономах, уже «сидя на санях», накануне кончины, тоже размышлял о жизни и «в печали разгнул» псалтырь, которая лишь углубила его желание разобраться в своих думах. Мономах писал в «Поучении» своим сыновьям, значит, и прадеду Александра Юрию Долгорукому: «Малое у праведника – лучше богатства многих нечестивых... я был молод и состарился, и не видел праведника оставленного и потомков его просящими хлеба... Уклоняйся от зла и делай добро и будешь жить вовек». Неужто недавнее лихолетье сгубило сплошь грешников, а в голоде изнывают их несправедные потомки?

Возвеличенные летописцами призраки прошлых веков обступали Александра, но не было среди них ни одного, кто мог дать совет – все они «ушли во славе».

Разорена София, расхищены священные реликвии, а потомок Мономаха и взаправду сидит на саях и, кажется, впрямь едет на тот свет, чтобы безвестно затеряться в разноязычной толпе послов... Что оставит он тогда сыну Василию, семье? Прогонят их новгородцы с Городища, уйдут они в Полоцк, а рядом Литва... Горькая судьба для победителя немцев, шведов, литовцев.

Дни сменялись днями, одна тяжелая дума сменяла другую, и не было видно ничего, кроме неба и земли. Это была земля огузов, живших на Сырдарье, – месяц целый чередовались опустошенные города, разрушенные крепости и селения, а ведь отсюда

приходили купцы в Новгород и Владимир, а в Орнасе (Ургенче) на Аму-дарье была даже Русская торговая улица.

...Свернули к северу, в неведомый край черных ки-таев – между отрогами Тянь-Шаня и озером Балхаш, которым управлял Сыбан, брат Батыев, и где татары соорудили лишь один город Омыл (Эмиль) на озере Кызыл-Баш. Здесь можно было передохнуть. Миновали небольшое море Ала-Куль; близ него, как говорили, из ущелья выходят бури, которые валят людей с ног. Дальше, южнее озера Балхаш, лежала гористая и холодная земля найманов – язычников и кочевников, уничтоженных монголами. Тут еще и в июне выпадали глубокие снега. Много дней ехали через нее, не встречая людей.

Позади было уже три месяца пути. Наконец на яме возвестили, что началась земля монголов. Еще три недели дороги на северо-восток, и посольство оказалось при дворе Огул-Гамиш.

Каракорум... В нем два квартала – один мусульманский, где живет много купцов и находится базар; другой – китаев, там собраны ремесленники. Двенадцать языческих кумирен разных народов, две мусульманские мечети, одна католическая церковь, поодаль дворцы знати. Город не укреплен; его ров неглубок, вал невысок, а на нем плетневый палисад, обмазанный глиной – да и то сказать, кто придет сюда воевать? У восточных ворот торгуют пшеном и зерном, но зерна мало – монголы едят без хлеба, у западных – продают баранов и коз, у южных – быков и повозки. Коней можно купить у северных ворот. Внутри города от протекающей в пяти километрах реки Орхон проложены каналы, они наполняют пруды.

Рядом с городскими стенами за кирпичной, вроде монастырской, стеной – большой двор, а внутри его – дворец.

Дворец размером невелик, его поддерживают 72 столба, напоминает церковь. Крыша покрыта красной, зеленой и синей черепицей, украшена драконами; пол вымощен крупным квадратным кирпичом. Говорят, что великий хан, посещая дворец, при перекочевках устраивает здесь трижды в году пиршества, на которые собирается вся знать. И тогда ей раздают дары, свозимые сюда с покоренных земель, – украшения, вина, меха.

Изнутри дворец покрыт золотым сукном, а на маленьком жертвеннике горит огонь из терновника, корней полыни, бычьего и конского навоза.

Двор обликотом похож на Батыев, только богаче.

Неподалеку от дворца, на холме, возвышается священная черепаха, серая, гранитная, мордой на запад.

Посольству выделили шатер и довольствие, сказали, что через неделю допустят ко двору.

Великоханский шатер стоял во дворе и вмещал несколько сот людей. Он был изготовлен из дорогой белой ткани. Окружавшая его ограда была разрисована и украшена.

Ворота в ограде, предназначенные для великого хана, не охранялись, но к ним никто не смел приближаться под страхом бичевания. Другие ворота – для послов, их охраняла стража с мечами, луками, стрелами. Первый ханский секретарь записывал имена послов и потом громко возвещал о них ханше и всей ее знати. Послы слезали с коней, не доезжая до ограды на полет стрелы. Порядок приема был тот же, что и в Сарае. За оградой стояли оруженосцы. Вокруг нее, на расстоянии двух полетов стрелы, паслись кони.

Послы разных народов, приглашенные в шатер, подносили шелка, бархаты, шитые золотом шелковые пояса, меха, балдахины, что всегда носят слуги над головою ханов и знатных лиц. Вели верблюдов, коней, мулов, украшенных дорогой сбруей, а в отдалении брошенного камня теснились телеги, груженные золотом и серебром.

С восточной стороны от города тянулись искусственно орошаемые поля. А вокруг города – бесчисленные стада верблюдов, быков, овец, коз, лошадей. Рев, ржание, гомон чужих наречий.

Перед дворцом красовалось серебряное дерево, искусно изготовленное захваченным в плен парижским мастером Вильгельмом и увенчанное ангелом с трубой; дерево обвили

четыре свисающие змеи; у подножия, ощерившись, стояли четыре серебряных льва. От дерева к подвалам проведены трубы – по одним нагнетали воздух, по другим – напитки. Когда хану требовалось питье, то по знаку виночерпия ангел трубил, зевы львов исторгали белый кумыс, а из пасти змей лилось рисовое пиво, вино, мед в сосуды, которые виночерпий разносил присутствующим.

Вот он, предел мечтаний темного кочевника, ставшего повелителем полумира.

Между деревом и лестницами, ведущими с двух сторон к трюму, было отведено место, где собирались послы перед вручением даров. На помосте высился трон, сделанный из слоновой кости русским мастером Косьмой.

Вообще своих, русских, в Каракоруме было немало, иные жили тут свыше 10 лет, говорили по-татарски, по-арабски, по-французски, и, соблюдая осторожность, от них можно было узнать много полезного о замыслах двора. После преклонения колен и вручения даров послы садились на скамью перед великой ханшей.

Трудно было вести дела в такой столице, хотя русские имели и опыт и мужество. Результат переговоров оказался неожиданным и вполне отвечал характеру недоверчивой ханши: она поопасилась признать Александра правителем всей Руси, как этого желал Батый.

По ее воле власть над Киевом и всей Русью была отделена от великокняжеского титула Владимиро-Суздальской Руси: «И приказаша Олександрови Кыев и всю Руськую землю, а Андрей седе в Володимери на столе» Решение ханши лишало владимирского стола Святослава Всеволодовича, уже признанного Батыем. Она утвердила Александра князем всея Руси, а его младшего брата Андрея – великим князем владими́ро-суздальским.

Возвращаясь домой после свыше годового отсутствия, братья, вероятно, ломали голову над этим коварным решением: в руках Александра власть над Русью – Новгородом и Киевом, не считая наследственно удержанных Переяславля и Дмитрова, и, следовательно, Андрей ему подчинен. Но Новгород фактически зависит от Владимиро-Суздальской земли, а потому и Александр – вассал Андрея. Решение ханши должно не только рассорить братьев, но и вызвать против них гнев Батыя. Завязался заколдованный узел, который предстояло разрубить, – весь вопрос чем: татарской саблей, русским мечом или, может быть, мечом святого Петра?

Решающий шаг

Возвращаясь из Орды, Александр должен был навестить и в пожалованный ему Киев, где по-прежнему наместничал воевода Дмитр Ейкович.

В разоренном Киеве не было митрополита Кирилла. Ставленник Даниила Романовича еще не вернулся из Никеи. Александр надеялся, что тамошний патриарх Мануил II не направит его обратно в Галич: Никея готовилась отвоевывать у латинян Константинополь. Она искала союзника в антипапской Германии, нащупывала пути сотрудничества с Ордой, и заигрывания Даниила Романовича с Римом едва ли ей по нутру. Политика Александра ей ближе. Отвергая папские предложения, Александр мог рассчитывать на укрепление своих позиций и в Сарае и в Каракоруме, где внимательно следили за внешней политикой русских князей. Был он уверен и в поддержке его шага русской церковью, которая имела все основания опасаться посягательства папства на свои права и доходы.

В 1250 году князья вернулись во Владимир. Андрей тотчас отобрал бразды правления у безропотного Святослава Всеволодовича. Но Александр не торопился покинуть стольный город. Он чего-то выжидал.

И вот в летописи под тем же годом появляется запись: «Поеха митрополит Кирилл на Суздальскую землю». Итак, печатник-канцлер галицко-волынского князя, побывав в Никее, вернулся митрополитом не в Галич, не в Киев, а во Владимир. Не зря ждал его Александр. Это был первый успех далеко рассчитанной политики князя. На следующий год митрополит вместе с ним и ростовским епископом Кириллом II отправились в Новгород. После трехлетнего отсутствия Александр окунулся в привычную, хлопотливую жизнь

новгородского князя. Они с Кириллом торжественно ставят в местные архиепископы Далмата. Началось сотрудничество Александра с церковью; ради этого он заметно смягчил к ней отношение княжеской власти.

Отец его, Ярослав, открыто посягал на церковные земли. Не зря Даниил Заточник, славословя князя, обличал тех церковников, что «обидят села и дома славных мира сего, яко псы ласкосердные... святительский имея на себе сан, а обычаем похабен».

Александр был осторожнее. Во всяком случае, в «Житие» Александра митрополит Кирилл внес слова о том, что он «митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа».

Словом, Александр не просто верующий князь, он знал церкви цену и поддерживал ее и вкладами и политически. Приехав как-то в Ростов, он, что особо отмечено в летописи, не только «целова крест честный и кланяся епископу» Кириллу II, но и сказал: «Отче святой, твоею молитвою и тамо в Новгороде ехал есмь здоров и семо приехал есмь твоею молитвою здоров».

Епископ Кирилл II был человеком незаурядным. Выдающийся проповедник, он собирал немало слушателей: одни слушали «слово божье», другие любовались убранством храма – «ово послушающе ученья еже от святых книг, ови же хотяща видети украшенья церкви».

После страшного разорения Владимира и гибели епископа Митрофана владимирская епископия на время захирела (ее восстановили только в 1274 году). Поэтому Александр искал поддержки ростовского епископа. Удалось Александру угасить и последствия столкновения отца и дружины с ростовскими князьями. В Ростове его приняли «с великой любовью».

Противилась Византийская патриархия. Ведь возвеличение князя Владимира, отвоевавшего право на крещение у империи, умаляло ее роль. После падения Константинополя Положение изменилось – Никее было не до святости Владимира. И когда Александр одержал победу на Неве в – день смерти Владимира, то и князь и церковь могли использовать это совпадение для установления хотя бы местного, в Новгороде или во Владимире, его почитания и празднования.

Поддержка церковных иерархов еще не раз понадобится Александру и при решении вопросов внутренней политики: церковь со всей моральной силой проповеди и грозой отлучения будет на его стороне в столкновениях с другими князьями и с боярами Новгорода и Пскова. Неслучайно даже в новгородской владычной летописи, писанной для местного правящего боярства, нет враждебных Александру высказываний, хотя в новгородских юридических актах их немало. Возникло взаимопонимание между властителем Новгорода и Киева и никейским двором. Церковь поддержала – стремление Александра найти пути к сосуществованию с Золотой Ордой, раз нет сил сбросить ее власть. В свою очередь, и Орда должна была по достоинству оценить эту позицию и князя Александра, и духовенства.

На избранном пути Александр столкнулся с противодействием других, наиболее крупных князей, притом родных братьев.

Не было единства в суздальской княжеской семье. Ханша Огул-Гамиш могла быть довольна: запутанное вассальное соперничество Андрея с Александром осложнялось давней борьбой между суздальскими и галицко-волынскими князьями и боярами из-за Киева. К этому Добавились и решительные расхождения во внешней политике.

Противниками согласия с Ордой, а значит, сторонниками борьбы против нее были братья Александра – владимирский великий князь Андрей (он правил и в Суздале) – и тверской князь Ярослав, вступившие в союз с галицко-волынским Даниилом Романовичем. Между дворами Владимира, Твери и Галича завязались деятельные переговоры. Доказательством союза и было бракосочетание князя Андрея с дочерью Даниила, пышно отпразднованное во Владимире. Венчал их сам митрополит, «и много веселья бысть».

Вероятно, Даниил побывал на свадьбе дочери, и тут могли встретиться, разговаривать и спорить о будущем Руси великие современники – Александр и Даниил...

Вскоре от всего пережитого Александр заболел – «бысть болезнь тяжка князю Олександру».

Болезнь в ту пору не диво. Средняя продолжительность жизни была коротка, не достигала и 30 лет из-за детской смертности, опустошительных войн, голодных лет и эпидемий. Князья жили дольше простых смертных, но походы и рати, лишения и раны сокращали их век.

В популярном назидательном собрании афоризмов «Изборнике Святослава» говорилось, что «смерти наводиться роком жизненным». Однако князья лечились. Во врачах у них недостатка не было. Богатый больной, тяжело занедужив, лечился у кого угодно – и у православных, и у язычников, и у иноземцев, лишь бы вылечили.

Судя по «Изборнику», хорошие врачи знали свое дело: при «опытании» – распознавании болезни – они обращали внимание и на образ жизни, и поведение больного. «Смотри жития его, хождения, седания, едения и всего обычая его пытай». Потому, что «и деяние мужа, и смеяние зуб (улыбка), и ступание человека воизвестит» о нем.

Церковь учила, что «недуг весь рождается в телесп человеци в кручине, кручина же происходит от излишнего пития и ядения и спания и женоложья, иже без времени и без меры». Слишком было бы просто избавиться от такой кручины. Муки душевной так легко не избыть. Предстояло принять решение – идти вместе с родными братьями или силой убрать их с пути. Это всегда осуждала церковь со времен вероломно убитых в XI веке князей Бориса и Глеба, и этим всегда пренебрегали те, кто вершил политику – и отец Ярослав, и Андрей Боголюбский... Но теперь в распрю вмешается и Орда...

В новгородской Софии и у Николы шли во здравие, молебствия обоих Кириллов и Далмата.

В конце концов, еще молодой (ему был 31 год) князь выздоровел или, как верил летописец, «бог помиловал его».

Когда Батый добился преобладающего влияния при каракорумском дворе, Огул-Гамиш была свергнута с императорского престола, а великим ханом сделался его ставленник – хан Мункэ, Александр понял, что настал нужный момент. Тогда он решил: «Иде Олександр, князь новгородский Ярославич в Татары и отпустиша его Батый с честью великою, давшие ему старейшинство во всей братии его».

Александр Ярославич стал великим князем всей Руси. Он в дружбе с митрополией, ему доверяют Сарай и Каракорум и, вероятно, Никею. В Новгороде его наместник сын Василий.

И вот теперь-то, когда им сделан решающий шаг к новой политике, разыгрались трагические события. Еще не возвратился Александр во Владимир, а Батый уже двинул на Русь две рати – воеводу Неврюя во Владимиро-Суздальскую Русь и воеводу Куремсу – в Галицко-Волынскую. Батый знал, что князья-союзники откажутся признать верховную власть Александра. С приближением Неврюя князь Андрей, как туманно писал дружественный Александру владимирский летописец, «решил со своими боярами, что лучше бежать, чем служить монгольским властителям». Некоторые владимирские бояре, опасаясь единоподдержавной политики Александра, скрылись вместе с Андреем. Андрей бежал в Тверь не только с боярами, но и с княгиней Даниловной и дружиной. Татары погнались за ним следом и настигли его у Переяславля, захваченного дружиной тверского князя Ярослава Ярославича. Тверские дворяне поддержали Андрея, и ему удалось спастись. Но татары перебили переяславскую дружину, убили воеводу Жидослава, захватили и убили тверскую княгиню, а детей ее «изоимаша» и «в полон послаша».

Неврюева рать всей тяжестью обрушилась на простой народ: татары «рассунушася по земли» и «людей бещисла поведоша, да конь и скота и, много зла створише, отидоша». Массовыми кровопролитиями Орда старалась ещё более обессилить завоеванную Русь. Через Новгород – Псков – Ревель Андрею удалось бежать в Швецию к ярлу Биргеру.

Итак, Андрей оказался при дворе врага Александра; вскоре он вместе с Биргером участвовал в войне против Норвегии.

Ярослав Ярославич тоже успел спастись – он укрылся в Ладогу, а оттуда попал во

Псков, где был принят в князья.

В эту трудную пору «прибыл от татар великий князь Александр в город Владимир, и встретили его с крестами у Зотолых ворот митрополит, и все игумены, и горожане и посадили его княжить на столе отца его Ярослава, и была велика радость в городе Владимире и во всей Суздальской земле». Спору нет, стол крупнейшего княжества занял достойный и опытный государственный деятель.

«Князь бо не туне меч носит», он глава княжества. Теперь в его руках управление, суд, законодательство, войско. Свои права и обязанности он знает. Но ему и шагу не ступить без думы – совета, его дружинной знати – бояр, богатых горожан и духовенства. Управляли они землю – городами, слободами, погостами через своих дворцово-вотчинных слуг. В столичном Владимире и Переяславле стояли княжеские терема, «дворы», дома бояр. Здесь заседала и княжеская дума. При дворе жили мужи, занятые делами княжеского хозяйства и управлением земли – дворские (дворецкие), печатники (канцлеры), стольники, ключники, конюшие, седельничьи. Из их среды и назначал сейчас Александр наместников земель – посадников, воевод и тысяцких, ведавших войском, тиунов – управлявших судом, казной, имуществом, которые «кормились» на этих должностях. Княжеские доходы складывались из прямых налогов и повинностей и из косвенных – пошлин.

Прямым налогом была дань с каждого погоста селения русских и подвластных иноязычных земель. Погосты на севере были центрами податных и судебных, а также церковных округов. В них определялись повинности в пользу государства с окрестных сел и слобод. Единицей обложения был «дым» – крестьянская семья. Князь собирал натуральный оброк во время регулярных объездов.

Прямой доход приносила и внешняя торговля – продажа за рубеж мехов, воска, льна.

Косвенные налоги шли в виде разного рода пошлин: судебных – от всех уголовных и гражданских дел, торговых, брачных. Пошлины эти поступали многочисленным слугам управления и суда. Все они служили одному делу – выжимали дани и налоги, штрафы и поборы из крестьян и городского люда.

Александр со вниманием отнесся к горожанам столицы. Он признал их особые права по местной «Правде». С ними приходилось ладить: ремесленники и купцы кровно заинтересованы в мире и единстве земли, а князь – в городских полках и военном снаряжении.

Во Владимиро-Суздальской Руси свыше 30 городов. Крупнейшие города, такие, как Владимир, Ростов, Рязань, как и Новгород, и Смоленск, и Полоцк, имели до нашествия не менее 40 тысяч жителей каждый.

Город – центр ремесла, торговли, культуры, населен главным образом ремесленниками. Гончары и литейщики, ювелиры и «городовики»-архитекторы, иконописцы и кровельщики – свыше 60 ремесел знали на Руси. Недаром старший современник Александра Даниил Заточник нередко использовал образы ремесленного труда: «Как олово гибнет, часто разливаемо, тако и человек от многия беды худеет», «Железо уваришь, а злы жены не научишь».

Купцы, гости тоже жители города; они повсюду желанны. Прежде во Владимир-на-Клязьме «гость приходил из Царьгорода (Константинополя) и от иных стран». После татарского нашествия размах торговли был уже не тот. Но пути на Север и к Балтике все же открыты. Князя, защитника этих путей, купцы всегда поддержат.

Как и в Псковской земле, Александр твердо и умело правил в Суздальщине: «По пленении же Невруеве князь великий Олександр церкви воздвигну; грады исполни, люди распужены собра в дома своя». Разбежавшихся крестьян и горожан он привлекал хотя бы временными податными льготами, а строительство храмов – признак внимания князя к городу и занятие для бедноты. Чем больше храмов, тем известней и богаче город. Тем праведнее и признаннее князь.

...Слухи, доходившие с юга, заставляли Александра задуматься. Шестидесятитысячному войску Куремсы, которое двинулось на Русь одновременно с

Неврюевой ратью, Батый поручил не только удержать Киевскую землю, но и разорить и запугать Галичину и Волынь. С Куремсой заодно действовала смоленская рать, а Смоленск уже давно был связан с суздальцами. Александр пони мал, что Даниил не простит ему сделанного. Но ведь не Александр, а Батый вершил дела!

Татары ворвались в галицкое Полесье. Смоленская рать пробилась в Галич. Но в отличие от братьев Александра, князь Даниил отбил татарский приступ. Освободив Галич, он вступил в Киевскую землю. По соглашению с Миндовгом Даниил даже получил литовскую рать для киевского похода. Но языческая Литва – плохой союзник, полагал Александр. Ему было трудно думать иначе – его родной брат Михаил пал от рук литовцев. И верно, галичане рассорились с союзниками из-за добычи, и поход на Киев сорвался.

Волынский летописец тогда не без гордости писал, что князь Даниил воевал с Куремсой «и николи же не бояся» его, что он укреплял противотатарскую оборону п «грады зиждай противу» татар. Но ведь Куремса был «самый младший среди других вождей татарских», и дело притом в недалеком будущем должна решить не храбрость.

...Столкновение Александра с братьями не миновало Новгорода и Пскова. Это стало ясно, когда тверской князь Ярослав Ярославич предпринял отчаянную попытку поднять против власти Александра обе боярские республики. Это ему удалось без труда. Боярство и прежде скрепя сердце ладило с Александром и не ожидало лучшего теперь, когда он явится в Новгород в качестве великого князя.

Сперва Новгород пытался официально пересмотреть условия своего договора с Александром. Князь был в трауре в связи со смертью еще одного, уже третьего, брата Константина, когда к нему направили посольство с владыкой Далматом «с грамотами, словно о мире». Но князь не спешил их признавать: «он же помедлил».

Тогда сидевший в Пскове Ярослав был приглашен и новгородцами, которые его княжить «посадиша», а князя Василия, сына Александра, «выгнаша». Что боярам братоубийственная война? Но у него, Александра, из шести братьев осталось трое, из которых один при дворе Биргера, другой – заодно с боярскими крамольниками.

На миниатюре Лицевого свода при описании этих событий изображена опустевшая подушка княжеского сиденья и сам княжич Василий, упавший на пол, поднимая руки. Ниже – он же выезжает верхом из новгородских ворот. Один из горожан замахивается на него палкой. Тут же и отец его Александр. Скупой рисунок позволяет догадываться, что великому князю пришлось в Новгороде нелегко.

Александр не оставалось ничего другого, как с оружием в руках принудить новгородских и псковских бояр следовать за собой по новому пути к сотрудничеству с Ордой. Это означало и шаг к установлению боярскими республиками определенных отношений с ханом.

Александр Ярославич, как всегда делали в таких случаях его отец и дед, занял Торжок. В сопровождении бояр «со многими полкы», двинулся он на Новгород. Ярослав Ярославич хорошо знал своего брата и потому сразу бежал. Но дело было уже не в нем: распря князей, как это не раз бывало, привела к взрыву народного недовольства. Отстаивая городские вольности, поднялась беднота: «меньшие» решили, говорит летописец, «стати всем либо живот, либо смерть за Правду новгородскую, за свою отчину». Они и выступали обособленно от бояр и собирали свое вече на Торговой стороне, у церкви Николы, на Ярославовом дворе. «Меньшие» – это мелкий феодальный люд, рядовое купечество, горожане и шедшие за ними черные люди. По требованию восставших были смещены и посадник, участник Невской битвы, ставленник Александра, – Сбыслав Якунович, и тысяцкий.

Оставалось одно: действовать как учил отец. Решительно и с запросом. Краткое, но выразительное требование Александра в первой, переданной Новгороду грамоте: «Выдайте мои ворогы», вызывало бурю гнева. Кому-кому, а Александру было известно, что новгородская «Правда» подобную выдачу всегда отвергала. Здесь, как и в других вольных городах Руси, судить человека могли только местные власти. С согласия веча посадником

стал Ананий; сменили и тысяцкого. Столкновение знатных бояр с «меньшими» грозило вылиться в кровопролитие: вооруженные силы «вятших» во главе с сыном посадника Михалком Степановичем готовили нападение на Торговую сторону от Юрьева монастыря; «меньшие» поставили свой полк у церкви рождества на поле и у церкви Ильи против Городища.

Александр решил выждать. Он знал, что бояре духом слабее. И верно, городская знать – «вятские» люди – напуганная движением бедноты, заколебалась. Она устроила «совет зол, како победити меншии, а князя ввести на своей воли». На передний план вновь выступили бояре – сторонники Александра, они и стали готовить его возвращение в город. Это были люди, дружба которых проверена временем: старые купеческие семьи, что добрую сотню лет торговали в Суздальщине заморскими товарами; те сильные бояре, чьи усадьбы горели уже не раз, подпаленные врагами суздальских князей. Из их предков ни один был сброшен с Великого моста в Волхов. И среди «меньших» немало таких, что облагодетельствованы князем за счет земель и имуществ владыки и Новгорода.

Княжеские войска подступали к Новгороду. Его посол передал вече вторую грамоту. Александр требовал в ней выдачи нового посадника. «Выдайте ми Онанию посадника; или не выдадите, яз вам не князь, иду на город ратью», – писал Александр.

Бояре решили поторговаться – не хотелось им расплачиваться за тех своих собратьев, которые изгнали Василия Александровича. От имени владыки они послали ответ вече: «Приходи, княже, на свой стол, а злодеев (так именовали они восставших) не слушай, Анания помилуй и всех мужей новгородских». Но «не послуша князь» ни владыки, ни вече, надеясь на своих сторонников. Так что грех на душу взял митрополит Кирилл, когда писал, что Александр чтит епископов как самого Христа. Когда было надобно, чтит, а когда и нет.

Враждебные бояре пытались поднять вече на Александра. И три дня весь полк новгородский стоял, ожидая битвы. Но и князь не спешил. Ведь вече осудило его сторонников, но не его самого, решив: «Им судьи бог и святая Софья, а князь без греха».

Когда речь шла о разорении своей земли, Александр предпочитал переговоры мечу. Ему важно, чтобы Новгородско-Псковская Русь избежала опустошительных набегов татарских ратей. Когда на четвертый день княжеский посол передал третью грамоту с его новыми условиями: «Если Ананий лишится посадничества, то я вас помилую», – стало ясно, что найден способ урегулировать отношения. Боярство устранило Анания и «поиде князь в город». Восстание было усмирено. Посадником стал: сын прежнего Михаил Степанович, а на княжеский стол: вскоре возвратился Василий Александрович.

Новгородцы с Александром «заключили мир на всей: воли новгородской» – так записано в новгородской летописи. Внешне это может быть и верно: Александр как князь и глава всех бояр и дворян признавал Новгородскую «Правду» и, чтобы не обострять междоусобной, борьбы, отказался от требования выдачи своих врагов. Впрочем, в княжеской летописи сказано иначе: он «поеха от них с честью великою, мир дав им». Но за видимой покладистостью князя скрывалось неуклонное стремление: в духе суздальского единодержавия обуздать всевластие? бояр.

Именно теперь осуществил Александр то, чего при иных условиях добивался его дед: личный и недолговечный суверенитет разных русских (суздальских, черниговских, смоленских и других) князей в Новгороде сменился отныне государственным суверенитетом владимирского князя. Тот из князей, кто всходил на владимирский престол и утверждался на нем Ордой, становился и князем в Новгороде. Политика Александра открывала путь к упрочению суздальской власти во всей Северной Руси. Это был прямой результат решающего шага Александра в ордынскую политику.

Новгородские бояре не зря опасались Александра и долго помнили его правление. Договоры Александра с Новгородом не сохранились, но зато его самого не раз упоминают дошедшие грамоты, заключенные его преемниками. В этих договорах он предстает как рьяный боярский притеснитель, нарушитель новгородской «Правды». Оказывается, он отнимал у бояр земли, захватил их покосы – «пожне». Чинил суд – «посуживал грамоты» –

выносил от своего имени судебные решения.

С помощью своих судей-тиунов в Торжке и Волоке-Ламском он в этих волостях принимал под свою опеку, подчинял своей власти людей, впавших в долговую кабалу – «закладников». Кроме того, князь прихватил у новгородских бояр богатую северную область Тре на юго-восточном побережье Кольского полуострова – «Герскую сторону», куда посылал за богатой меховой данью свои, княжеские «ватаги» данщиков, а на Новгород возложил унижительную обязанность по всему пути следования данщиков давать в погостах им «корму и подводь». Вопреки «Правде» его суздальская знать покупала новгородские села. У враждебных суздальской политике бояр Александр отнимал из их «держания» новгородские волости и сам раздавал их своим сторонникам.

И долго потом новгородские бояре, приглашая княжить преемников Александра, пытались восстановить свои права, требуя: «А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новгороде, а того ся, княже, отступи». Об этом они вспоминали и через 70 лет, требуя: «А што будеть дед твой сильно деял... того ти не деяти». Но князья в поисках земель и средств не отступали, а, напротив, все деятельнее вторгались в порядки республики.

Своими действиями относительно церкви, Орды и боярских республик Александр наметил единственно возможный тогда путь к возрождению Руси, по которому пошли Иван Калита и его преемники на московском княжении. Все они, трудясь над созданием Российского централизованного государства, возводили свою родословную к знаменитому предку – князю Александру Невскому.

«Мир стоит до рати, рать – до мира»

Северные и западные рубежи Руси и после побед на Неве и Чудском озере оставались под постоянной угрозой со стороны Швеции, Дании, Норвегии, Ордена и Литвы. Александру пришлось употребить все искусство полководца и дипломата, чтобы избежать их нового совместного наступления на Русь, или, что еще горше, их сговора с Ордой.

Он изыскивал пути к заключению прочных договоров со всеми соседями. Как ни дружи с митрополитом, а от мирских дел не уйдешь, и если уж приходится ладить с варварской Ордой, то не должно быть вероисповедных препон к соглашению с католическими державами.

Александр начал переговоры с Норвегией. Это было проще: с ней войн у Руси не было.

В древней саге исландца Стурла, сына Торда, посвященной норвежскому королю Хакону Старому, читаем: «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трондгейме, прибыли с востока из Гардарики – так именовали скандинавы Русь – послы Александра, конунга Хольмгарда – Новгорода... Жаловались они на то, что делали между собой сборщики дани Хакона конунга в Финмаркене, на окраине земли саамов и кирьялы – карелы, те, что платили дань конунгу Хольмгарда, потому что между ними постоянно было немирье – грабежи и убийства. Были тогда совещания, и было решено, как этому положить конец». Русским послам «было также поручено повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгардов велел им узнать», не отдаст ли Хакон конунг «госпожу ту замуж за сына Александра конунга».

«Хакон конунг, – повествует далее сага, – решил послать мужей», и «поехали они на восток вместе с послами Александра конунга... Прибыли они летом в Хольм-гард. И конунг принял их хорошо; и установили они тут же мир между своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны-саамы...

В то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгардов. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том». После того как норвежские послы исполнили порученное им дело, «поехали они с востока обратно с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с Хаконем конунгом в Вике».

Что же побудило Александра обменяться посольствами с Норвегией?

За сотни верст от Новгорода русские данники-карелы в заполярной тундре столкнулись с представителями чужеземного государства. А ведь северная граница, прикрывавшая подвластную Руси прионежскую и беломорскую Карелию и землю саамов, в первую очередь Кольский полуостров, еще не была определена, так как русско-норвежских договоров не существовало.

Трудно было в условиях становления русско-ордынских отношений защищать Северную Русь. Александр надеялся, что сватовство Василия к дочери норвежского короля позволит, быть может, не только упорядочить пограничье, но и установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому (лишь недавно дочь Биргера вышла замуж за сына Хакона). Правда, брак Василия не состоялся из-за Неврюевой рати. Однако норвежцев пышно приняли, и спорные вопросы были успешно решены: Русь и Норвегия установили мир так, «чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны (саамы)».

Сохранился и древний текст соглашения, выработанного с участием Александра при переговорах в Новгороде, и оформленного в виде так называемой «Разграничительной грамоты» 1254 года. Границы сбора дани с саамов норвежцами и карелами определяются в ней согласно «тому, что говорили старые люди и говорят теперь старые поселенцы и финны-саамы». Русь сохранила право по-прежнему собирать дань до Ивгей-реки и Люнген-фьорда, до западной границы страны саамов, а значит, почти до пределов собственно норвежской территории.

Александр добился своего. Отношения с Норвегией поставлены им на прочную основу государственных соглашений. Определены и нормы сбора саамских даней: «Брать в тех крайних границах не более пяти серых беличьих шкурок с каждого лука (охотника), или по старине, если они (жители) хотят, чтобы по старине было».

Это несомненный успех княжой политики в Северной Европе. Заключенное Александром соглашение легло позднее в основу окончательного русско-норвежского договора 1327 года.

Еще продолжались переговоры с Норвегией, когда в 1253 году Орден предпринял новый набег на Псков и рыцари пожгли его посад. Александр тотчас отправил новго-родско-псковско-карельские силы за реку Нарову. Рыцари были разбиты и отступили. Сообщая о поражении рыцарей, летописец добавляет – поделом им, «сами виноваты окаянные нарушители Правды». В том же году Александр принимал в Новгороде и Пскове немецких послов.

Здесь он встретился с магистром Ордена Андреем фон Стирландом. Магистр лишь недавно заключил выгодный мир с Литвой. Миндовг согласился отправить послов к папе Иннокентию IV, выражая готовность принять христианство и королевскую корону. Папа встретил это известие с радостью. Впрочем, Миндовг не оставил надежды на разрыв с Орденом, который из Подвинья и Поне-манья пытался завоевать Жемайтию.

Магистр пытался установить прямой контакт и с Русью, возможно все еще надеясь столкнуть ее с Ордой. Папа, со своей стороны, давно советовал «Александрю, славному королю Новгородскому», «забыв о прошлом», построить во Пскове католический храм для иноземного купечества, а для уточнения путей сотрудничества принять своего посла, «дабы то, что он предложит тебе – во спасение твое и твоих подданных, ты благосклонно обдумал». Словом, папа после катастрофы на Чудском льду стремился наладить более тесные связи между Русью и Орденом.

В Западной Европе не сомневались даже в возможности победы Ордена над Русью. Вильгельм Рубруквис, посол французского короля Людовика IX в Орду, писал, что братья-тевтоны, «разумеется, легко покорили бы Руссию, если бы приняли за это». Александр уже доказал, что действительность была иной ввиду несомненной военной силы Руси. Встреч он с католическими дипломатами не избегал, но хорошо видел, что ему ни Орда, ни Орден не помощники. Отстоять Прибалтику уже нельзя, значит, надо прочно укрепиться на Нарове. Орден с немецкими городами в разладе. Значит, Руси надо с ними

торговать.

После долгих, как всегда, переговоров русские подписали с немцами мир на своих условиях – «на всей воли новгородской и псковской». Купечеству немецкому Александр дозволил соорудить во Пскове храм. Пусть магистр думает, что хочет, но торговля сильнее войны. Александр уже сделал выбор: магистр отбыл не солоно хлебавши.

На Севере, где все еще не было мира со Швецией, дела складывались хуже.

После разгрома на Неве шведское правительство решило сосредоточить силы на завоевании земли финнов, тем более что епископ Томас покинул ее «из страха перед русскими и карелами», и отправился доживать свои дни в доминиканском монастыре на остров Готланд. Давний противник Александра ярл – правитель Швеции Биргер занялся подготовкой похода.

Для завоевания Финляндии он собрал большое рыцарское войско, которое высадилось на южном берегу Нью-ландии – одной из областей Финляндии. Она была завоевана в 1250 году и насильственно крещена. Биргер заложил в центре финской земли, на берегу озера Ваная, крепость Тавастгус и поселил здесь шведских феодалов-колонистов, раздав им финские земли. Коренное население было обложено тяжелыми поборами, в том числе и церковной десятиной. По этому поводу автор одной из северных хроник заметил: «Ту страну, которая была вся крещена, русский князь (то есть Александр), как я думаю, потерял».

Окрыленные захватом Финляндии, зная, что Новгороду грозит татарское иго, шведы рискнули еще не одним русским походом. На этот раз они заручились поддержкой Дании, королевского вассала, правившего в Ревеле; к походу привлекли и вспомогательную финскую рать.

Швеция и Дания задумали занять Водьскую, Ижорскую и Карельскую земли и закрыть Руси выход в Финский залив. Сосредоточив свой флот в устье Наровы, они начали строить крепость на ее восточном, русском, берегу. Папская курия поддержала союзников: был объявлен набор крестоносцев и вновь назначен епископ этих земель.

Александр обо всем происходящем узнал от новгородских послов, которые прибыли во Владимир за войском, а сами «разослаша по своей волости, также копяще полкы». Шведские и датские рыцари не ожидали таких действий и, узнав о них, поспешно отступили – «побегоша за море».

Александр еще не терял надежды сохранить южную Финляндию. Зимой 1256 года в Новгород с полками из Владимира пришел князь, а с ним и митрополит Кирилл. Церковь тревожило проникновение католических войск в вассальные земли Руси. Новгородское боярство, однако, либо уже примирившись с утратой земли финнов, либо не рассчитывая, что ее подчинение даст выгоды именно Новгороду, а не князю лично, как это было на Кольском полуострове, неохотно участвовало в деле. Александр хранил цель похода в тайне. Только у Копорья он объявил, что идет в Финляндию, и отпустил митрополита. Тогда и многие новгородцы решили воротиться домой, другие, однако, остались. К походу привлекли и карел.

...Перейдя по льду Финский залив, русские опустошили шведские владения. Поход в суровых зимних условиях был чрезвычайно трудным. Шли, конечно, на лыжах.

Князь понимал, что походы на Финляндию всегда были сопряжены для Новгорода с лишениями и потерями. И на этот раз «бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи; и многым шестником (тем, кто шел) бысть пагуба». Русские дошли чуть ли не до Полярного круга, где их окружала глухая ночь.

Хотя шведское завоевание обескровило землю финнов, вступление русских полков вызвало здесь восстание. В послании по этому поводу папа Александр IV писал, что русские и карелы напали на шведское население Финляндии и убили «многих из его (короля) верноподданных пролили много крови, множества усадеб и земель предали огню» и, что особенно примечательно, «многих, возрожденных благодатию священного источника, прискорбным образом привлекли на свою сторону...». Это Александр умел.

Насильственно крещенные и угнетаемые финны в большом числе присоединились к

русским. Но финны были ослаблены, и русскому войску негде было закрепиться. Александр понял, что Финляндия утрачена, и все же он мог считать поход оправданным: Швеция должна понять, что татаро-монгольское нашествие не угасило заинтересованности Руси в делах Северной Европы. Он смотрел в будущее.

Сыновья и внуки продолжили его политику. Русско-датские отношения были упорядочены при Андрее, сыне Александра, а Ореховецкий договор 1323 года, заключенный его внуком Юрием Даниловичем, надолго закрепил мирные отношения Руси со Швецией.

Военные и дипломатические усилия князя на Севере и Западе могли создать безопасные рубежи лишь при одном условии – мире с Ордой. А как раз он-то и оказался опять под угрозой.

Покидая Новгород, Александр оставил наместником сына Василия. С собой он взял двух послов новгородских – бояр Михаила Пинецинича и Елевферия Сбысла вича. К кому послы – не было сказано, но бояре догадывались, что их направили в Сарай. Татарское иго неумолимо надвигалось на Новгород.

Татарское «число»

На плечи Александра пало еще одно тяжелое предназначение, неизбежность которого он давно предвидел. Монгольская империя все более изощренно угнетала народы. Военное разорение, постой войск и истребление непокорных сменялись переписью населения и введением баскаческой организации. Угроза переписи надвигалась на Русь – уже были переписаны Китай, Иран. Тогда же, как сказано в китайской летописи, император Мункэ поручил чиновнику императорского двора Бецик-Берке сделать «исчисление народу в России».

В 1257 году Мункэ отправил на Русь своего родственника Китата, наделив его правом переписи населения, набора войск, устройства почтовой связи, сбора дани и доставки ее ко двору.

В связи с подготовкой переписи возросла дипломатическая активность русских князей в Золотой Орде. Между тем власть в ней перешла сперва к сыну Батыя хану Сартаку в 1256 году, а затем, по его ейорой смерти, распоряжением великого хана в Сарае около года правил несовершеннолетний Улагчи.

Его Двор сразу же посетили русские князья. Сперва ростовский Борис Васильевич отвез сюда дары от Александра, занятого финским походом. На следующий год в Сарай поехал сам Александр вместе с воротившимся из Швеции Андреем.

Вернуть Андрея, да и примириться с Ярославом было непростым делом. Церковь наставляла: «Не сей бо на браздах жита, ни мудрости на сердца безумных». Но ведь жизнь может и образумить сердца безумных. А время не такое, чтобы бросаться мужами, думающими и хоробрствующими, особенно когда они твои родные братья.

Во время этой поездки князья почтили богатыми дарами хана Улагчи, а потом узнали, что на них возложена обязанность содействовать переписи. Делать было нечего: ведь все они находились «в воле татарской». «Той же зимой, – сказано во владимирской летописи, – приехали численники и сочли всю землю Суждальскую и Рязанскую и Мюромьскую и ставили повсюду десятников, сотников, тысячников и десятитысячников и ушли обратно в Орду». Вот и весь текст. А за ним судьба России на целые двести лет.

Численники переписывали население по домам, перепись устанавливала поборы в виде дани. Были использованы исконные русские единицы обложения – «соха», «плуг», «рало», к которым добавлена ямская подводная повинность и обязанность русских князей, как вассалов, служить своими полками хану – сюзерену в походах.

Вводя иго на Руси, ханы постарались привлечь на свою сторону русскую церковь. Ее освободили от даней и поборов. Освобождалось все черное монастырское духовенство, все белое приходское духовенство, что группировалось вокруг церквей с их клирами и зависимыми от церкви людьми, населявшими дворы при храмах. Это был очень

дальновидный шаг. Он получил свое выражение в специальных ярлыках – ханских жалованных грамотах русским митрополитам. В них духовные отцы освобождались от даней, пошлин и повинностей. Объявлялись неприкосновенными все церковные имущества, а за оскорбление веры грозила смерть.

Отныне церковные иерархи были в ризе как в броне.

И Александр, отойдя от отцовского своеволия, жаловал церкви десятины в городах, расширял права церковного суда, давал средства на увеличение клира, заказывал переписчикам духовные книги и передавал их церкви.

В четырех километрах к северу от Переяславля он основал Александро-Борисоглебский монастырь. Впрочем, землей наделил его скупое. Тем не менее позднее владимирский епископ Иаков ставил Александра в пример одному из его сыновей: «Вижь, сыну князь, како ти были велиции кндзи, твои прадеды и деды, и отец твой великий князь Олександр – украсили церковь божию кли-рошаны и книгами, и богатели дома великими десятинами по всем градам и суды церковными».

Митрополия, как и суздальские князья, сумела наладить отношения с Ордой, и потому ханское решение освободить русскую церковь от дани едва ли явилось для нее неожиданностью. И дело, конечно, не только в шаманской веротерпимости ханов. Ханы отлично понимали, что найдут в церковниках, к тому же напуганных папскими поползновениями и военной угрозой католических держав, верных споспешников своей политики.

...Татаро-монгольские численники спешили ввести на Руси свою баскаческую военно-политическую организацию. Принудительно сформировали они особые военные отряды, частью из местного населения, поставив во главе их своих воевод – десятников, сотников, тысячников и темников. Александру эти отряды не были подвластны. Они поступали в распоряжение баскаков, которые в качестве наместников земель неотступно следили за выполнением повинностей и вообще за всей жизнью княжеств. Баскаческие отряды расположились в землях Суздальской, Муромской, Рязанской, Тверской, Курской, Смоленской. Во Владимире, где находился Александр, при нем состоял и главный, «великий», баскак, которому подчинялись другие. Его присутствие связывало князя по рукам и по ногам. Баскаки и их отряды, в сущности, заменяли монгольские войска. Их назначение – держать в повиновении Русь.

Вскоре новая беда надвинулась на Александра. В том же 1257 году золотоордынская власть потребовала подчинения Новгорода и Пскова. В Сарай вновь вызвали Александра, а с ним – Андрея, Бориса и еще тверского Ярослава; когда они почтили новыми дарами хана Улагчи и всех его воевод, им сообщили о судьбе боярских республик.

Не зря Александр взял с собой новгородских послов, он всегда ожидал от Орды худшего. Когда в Новгород пришла злая весть, что «татары требуют тамги – торговой пошлины (отсюда – таможня, где взимают пошлину) и десятины с других доходов на Новгороде», это вызвало взрыв всеобщего негодования. Все лето в Новгороде царило смятение. Княжеский посадник Михаил, пытавшийся успокоить горожан, был убит.

Среди зачинщиков выступления особенно выделялся некий новгородец Александр со своими сторонниками («дружиной»). Они привлекли на свою сторону и молодого князя Василия Александровича. С тяжелым сердцем ехал Александр в Новгород: едва сладив с братьями, он уже шел войной на сына.

В самый разгар волнений в город прибыли татарские послы, а с ними князь Александр. Узнав о приближении отца, Василий бежал в Псков. Когда, поднявшись по ступеням вечевой степени (помоста), татарские послы предъявили свои требования, их сразу же отклонили. Новгородцы отказались подчиниться великому хану: они только дали дары послам для великого хана и отпустили их «с миром».

Но это не был мир. Послы уехали, возложив на князя исполнение ханской воли. Тяжело пришлось Александру, но иного выхода не было. Иначе грозило нашествие и разорение. Уж лучше платить гривнами, чем жизнями.

Подтянув к городу войска, Александр произвел расправу с непокорными в Новгороде и Пскове. В Пскове был схвачен Василий и отправлен во Владимир.

Александр терял сына, первенца и преемника. Ему ли щадить других, виновных в измене. Так пусть будут в Новгороде преданы жестоким наказаниям и зачинщик Александр и его сторонники. По городу пронесся страшный слух, что князь «овому носа урезаша, а иному очи выи маша».

Но и эти жестокие меры не помогли. Продолжала волноваться беднота. Убивали княжеских людей. Пал другой герой Невской битвы – Миша. Меж тем татарские численники дожидались во Владимире своего часа. Александр использовал приезд из Суздальщшы новгородского посла Михаила Пинецинича «со лживым посольством». Он сообщил вече ложную весть: «Аще не имеется по число (не подчинитесь переписи), то уже татарские пол-кы на Низовской (Суздальской) земли». Под угрозой нашествия Орды новгородцы смирились «и яшася новгородцы по число», о чем и послали известить великого князя.

Вскоре в Новгород прибыли владимирский, суздальский и ростовский князья – Александр, Андрей и Борис. «Окаянные татарове», переписчики, сопровождали их. Это был уже известный нам Бецик-Берке, а с ним Каса-чик «с женами своими и инех много» – чуть не целый татарский стан расположился на княжеском Городище.

Но едва они приступили к переписи, как вновь и в городе, и по селам вспыхнуло восстание. Толпы вооруженных людей горожан и смердов стекались на Торговую сторону Новгорода: «И бысть мятеж велик в Новгороде и по волости...» Ночью кое-кого из переписчиков убили. Они «начата бояться смерти» и потребовали у Александра выделить охрану: «Дай нам сторожи, ать не избьють (чтобы не убили) нас». Князь приказал стеречь их по ночам сыну посадника и всем служилым боярам.

Но и дворянская стража не помогла. И тогда численники стали угрожать отъездом, который неминуемо повлек бы за собой приход ордынских войск и полное разорение земли. С вечаевого помоста прозвучало их требование вече: «Дайте нам число или бежим проче».

За это время новгородская знать успела столкнуться с численниками, но простые люди – чернь «не хотеша дати числа», с криком «Умрем честно за святую Софию!» бушевала на вече. Люди в Новгороде тогда «издвоишася» на враждебные лагеря. Люди «меньший», черные, собрались на Торговой стороне и готовили удар через Волхов, а «добрые» люди, бояре с Софийской стороны, в свою очередь, собирали ладьи. Распря разгоралась.

Александр, как всегда в подобных случаях, покинул Городище, и «окаянные татарове» двинулись следом. Тогда «вятший» решительно потребовали от «меньших» подчинения. «Чернь» сопротивлялась, и неудивительно: при определении норм обложения населения данью «творяху бо бояре себе легко, а меншим зло». «Меньшие», терпя боярское угнетение, неистово противились попытке надеть им на шею еще одно ярмо. Наконец, под угрозой княжеских и боярских войск и монгольского вторжения восставшие убоялись и решили все собраться у Софии. Здесь, на вече, они согласились на перепись и дань.

Татарских послов вернули в город. И тогда «почаша ездити окаянные (переписчики) по улицам, пишюче дома». Переписав население и собрав и нагрузив на по-возки положенную дань, численники с охраной уехали. Следом покинул Новгород и князь Александр. Предварительно он заключил с новгородцами новый договор, «дав им ряд» с учетом перемен, внесенных ордынским игом, и оставил им наместником другого своего сына – малолетнего Дмитрия. Ввиду измены Василия приходилось идти на эту, в общем, не сулящую добра замену. Третий сын. Андрей был еще ребенком.

...Новгородская боярская республика попала под власть Орды. Тяжелая доля, но Александр понимал: уж лучше сразу принять требование хана, чем допустить опустошение монгольскими полчищами процветающих новгородско-псковских земель, разорение городов, уничтожение крепостей. Это было трудное решение, но князю к таким решениям не привыкать.

Мир с Литвой

Вскоре после Неврюевой рати Александр узнал, что его соперники – литовский великий князь Миндовг и Даниил Романович приняли от папы Иннокентия IV королевские короны. Это сулило и Литве и Руси новые тяжелые испытания. Сарай Даниилу коронации не простит, да еще после войны с Куремсой и русско-литовского похода на Киев.

Александр понимал, что, порвав с папой, сам он утратил вместе с тем и виды на коронацию. Это не означало, однако, что он не притязал на равное с Даниилом и Миндовгом положение в международных делах.

На лицевой стороне печати князя Александра обыкновенно изображался его небесный покровитель святой Александр, пеший или на коне со щитом в одной руке и мечом в другой. На оборотной стороне – святой Федор в рост, с мечом в руке. Федор – христианское имя его отца – Ярослава.

Но отныне Александр велел изображать уже нечто иное: всадника в короне (или венце), с мечом в руке, а на обороте – все того же святого Федора, который, оборотясь влево, поражает копьем змея, извивающегося у его ног, а левой рукой держит за повод коня.

Александр рассудил, что его «благоверия» не убудет, если он распорядится вырезать на печати не своего святого покровителя в нимбе, а самого себя в короне – на рыцарский манер тогдашней Европы. Здесь Александр шел вслед за своим великим дедом: Всеволод Юрьевич впервые на Руси изобразил такого всадника на своей печати.

...Есть нечто символическое в том, что избранное Александром изображение вновь возродилось на печати Дмитрия Донского и стало знаменем борьбы за независимость России.

Коронованный властитель Даниил, решив не подчиняться переписи, спешно заключал договоры с Литвой, Польшей, Орденом, Венгрией.

Даниил уже сжег мосты – все равно быть войне с Ордой. Но ведь от нее, а не от католических союзников зависела судьба Галицко-Волынской Руси, и то, что произошло, подтвердило опасения Александра.

Если Даниил враждовал с Куремсой, то литовский король Миндовг продолжал посягать на северо-западную Русь.

Отношения с Литвой после татарского нашествия стали уже не местной полоцкой проблемой, а общерусской. Единой Руси больше не было, и князья разных земель вели свои дела с Литвой каждый к своей выгоде.

Как великий и новгородский князь, Александр ведал обороной всей северо-западной Руси, где главные столы Пскова – Смоленска – Полоцка – Витебска заняли суздальские ставленники. Но из Литвы в походы на Русь теперь направлялись не одиночные дружины, а целые группы воинственных литовских князей. По сговору с местным боярством, напуганным угрозой Орды или Ордена, они норовили осесть на русских столах. Эти набеги были Александру не внове.

Он не забыл, как в 1249 году неожиданно пришла весть, что литовцы прорвались к Торжку и Бежицам – небольшому укреплению в 12 километрах к западу от современного Бежецка. В Торжке наместником был Ярослав Владимирович, в прошлом псковский князь, прошедший службу у немцев. Он порвал с ними, чтобы служить Александру, который умел привлекать к себе нужных людей. От Торжка литовцев отогнали, но потеряли часть воинов и боевых коней. Соединенные рати из Торжка, Твери и Дмитрова пустились в погоню и настигли литовцев уже в Смоленской земле у Торопца. Потерпев поражение, литовские князья укрылись в Торопце.

Сюда и подоспел тогда со своими дворянами и новгородской ратью князь Александр. Грабителям не давали пощады, а в битве Александр, как всегда, был яр: восьмерых князей он зарубил в стычке. Освободили русских пленных, отобрали все награбленное добро. От Торопца новгородцы возвратились домой – дела других земель их не занимали. Но князь Александр должен был думать и о Полоцке, и о Смоленске. С конным отрядом своего двора он перехватил в Смоленской земле под Жижцем еще одну литовскую рать, она почти вся

полегла под русскими мечами.

Затем Александр заехал в Витебск: здесь в ту пору сидел в качестве символического наместника его первенец – сын Василий, которому еще не было и десяти лет. Александр взял сына из города, лежавшего в 5–6-дневных переходах от Вильнюса, а главное, сын нужен был ему для Новгорода на время отлучки в Орду.

Возвращаясь «в мале дружине» домой, князь встретил в Витебской земле под Усвятом еще одну литовскую рать и уничтожил ее, и в Новгород «сам приде сдрав (здоровый) и дружина его». Ни приветствия новгородцев, ни славословия господа не радовали. Угроза набегов оставалась.

...Занятый ордынскими делами, Александр, быть может, и не знал причины, вызвавшей этот литовский прорыв и всех последствий одержанных им тогда побед.

Наступление на Русь было предпринято литовским великим князем Миндовгом. Стараясь упрочить единство едва возникшей монархии, он действовал по способу, издавна известному правителям средневековой Европы: отнимал собственность – поля, дворы, крепости у других династов, в которых не был уверен, и раздавал ее мелкому служилому люду. Князей же изгоев спешил отправить «воевать на Русь», заранее жалую им в держание все, что они завоюют, и напутствуя словами: «Кто из вас что приемлеть – себе держит». Так полоцко-новгородско-смоленское пограничье Руси стало «землей ратной». Александр пресек попытку сдвинуть литовскую границу к востоку, но в душе понимал полочан. Они звали его на защиту от Литвы, а он того и гляди привезет им татарского баскака. Полочане стали ладить соглашение с Литвой. Ее князья и воинственны и дальновидны: местное право они чтут – принимают православие, «старины» не рушат, «новин» не вводят.

Вот и появился в Полоцке, отчине жены Александра, литовский князь Товтивил, вассал Миндовга. Литовское наступление нарастало. Из Новгорода Александру сообщили, что литовцы с полочанами подступили к Смолен-, ску и взяли «на щит» лежавший южнее городок Вой-щину. «На щит» – значит без пощады грабя все, «до чего рука дойдет». Это были рати Товтивила. Осенью пришли еще вести – о нападении литовцев на Торжок, где они одолели засаду – многих перебили и увели в плен, – словом, «много зла бысть в Торжку». В то время князь Александр, едва подавив первые выступления Новгорода и Пскова против предстоящей переписи, находился с монгольскими переписчиками во Владимире.

От ханов Орды не ускользнули эти набег литовцев, и вскоре зимой ее рати вторглись в Литву – «взяша та-тарови всю землю Литовьскую, а самех избиша».

В этом походе большого татарского войска старого воеводы Бурундая было велено участвовать и галицко-вольшским князьям. Орда решила расколоть союз Даниила и Миндовга. Бурундай прислал Даниилу очень короткую грамоту: «Оже еси мирен мне, поиде со мною» Даниил не имел сил противостоять новым полчищам монголов. Католические союзники во главе с папой, как и предвидел Александр, ничем ему не помогли. Волыньско-литовский противордынский союз рухнул.

Полочане имели возможность обдумать, что сулит им разрыв с Александром и союз с Литвой.

В следующем году Бурундай двинулся уже прямо через галицкие и волыньские земли, на этот раз против Польши. И вновь по его требованию с ним ходили русские войска Даниила. Тогда же по приказу Бурундая в самой юго-западной Руси были уничтожены оборонительные сооружения, стены, башни, валы важнейших городов – Данилова, Львова, Луцка, Владимира, лишь недавно отстроенных, укрепленных и, казалось, неприступных. Волыньско-польский противотатарский союз тоже рухнул.

Галицко-Волыньскую Русь включили в орбиту татаро-монгольского властвования. Это означало крушение всех политических надежд выдающегося государственного деятеля Даниила Романовича.

Все шло к тому, что теперь и Литва будет искать соглашения с Русью.

Когда немецкий Орден предпринял большое, решительное наступление с целью раздавить Нижнюю Литву – Жемайтию, Миндовг решил, что больше медлить нельзя.

Отвергнув и христианство, и корону, он готовился к встрече врага.

В Мемельбург, запиравший литовцам выход из Немана в море – в крепость, которую они называли «воронье гнездо», – стянулись ливонские рыцари магистра Бургарда фон Горнгузена, прусские тевтоны с орденским маршалом Генрихом Ботелем, пришел ревельский отряд датчан герцога Карла, отряды местных комтуров, вспомогательные силы из покоренных земель Латвии и Эстонии.

Это войско 13 июня 1260 года у озера Дурбе было совершенно разгромлено литовцами. Погибли все его начальники, 150 рыцарей и множество простых воинов.

Вскоре новое восстание охватило Латвию, Сааремаа, Пруссию. Повсюду народ истреблял рыцарей и их местных приспешников.

«Едва сдерживая слезы и с трудом поверив, что такое большое число рыцарей Ордена нашло смерть от рук неверных», папа срочно призывал на помощь князей и епископов Германии.

Вот в это трудное для Литвы время Миндовг и отправил свое посольство к Александру. Его послы увидели свежеебитую свинцом крышу храма Софии и наново укрепленные стены Новгорода – «срубиша новгородци город нов». Александр знал, как лучше встретить послов.

Между укреплением Новгорода и союзом с Литвой была внутренняя связь. Пусть видят, что, когда на юге Руси по распоряжению ордынских воевод разрушаются лучшие крепости, на севере благодаря осмотрительности Александра они укрепляются и возводятся именно теперь, когда князь Александр готовит большую войну в ходе переговоров Александра и Миндовга о мире подробно осветил такой заинтересованный автор, как немецкий хронист. Он знает, что литовские послы, отправленные «к королю в Русскую землю», встретили там хороший прием и, вернувшись, сообщили, что русские «рады перемене чувств» Миндовга. Потом пришли послы Александра из Руси. Был заключен мирный и союзный договор, направленный против Ливонского ордена. Русские обещали Миндовгу «большую помощь». Александр решил в корне изменить русско-литовские отношения.

Он понял, что Литва – ценный союзник Руси в борьбе за независимость против Ордена. Без этого союза не удержать ему и Полоцко-Минскую Русь. У тестя – князя Брячислава – было чуть не двадцать городов, но литовские отряды почти беспрепятственно проскакивали его волости. Граница неопределенная. Как ее прикрыть? Одно смущало: как отнесется к этому союзу Орда? Едва ли осудит, решил Александр. У нее счет один – по переписанным дворам.

По договору 1262 года Александр добился восстановления своих прав в Полоцкой земле, временно утраченных после смерти тестя. Под руку Невского перешел в Полоцке князь Товтивил, а сын его Константин, сидевший в Витебске, стал зятем Александра. Договор предусматривал совместный большой поход против Ливонского ордена, которому грозил полный разгром. Русские шли на Дерпт, литовцы – на Венден.

Уцелел лишь замок на Тоомеяги. Но совместный поход на ливонских рыцарей не удался. Литовские войска выступили в Ливонию преждевременно, и русские полки, хотя и «очень спешили», как записано в немецкой хронике, пришли под Дерпт уже после отхода союзников из-под Вендена. Заняв Дерпт, русские, узнав об уходе литовских войск, прекратили поход и возвратились в Новгород.

Пусть первый русско-литовский союз, предусмотрительно оформленный двумя великими князьями, мужественными и дальновидными современниками – Александром и Миндовгом, оказался кратковременным и задуманный ими совместный поход на Дерпт и Венден осуществить не удалось, тем не менее он впервые открыто выразил растущее тяготение русских и литовцев к взаимному сближению ради защиты своей независимости от Ордена и его союзников. Сам князь Александр не участвовал в походе: в это время Владимиро-Суздальская Русь была охвачена народными восстаниями против Орды.

Александр отправил в поход на Дерпт юного сына своего Дмитрия, и «вся полны с нима, и ближних своих домочадець». Он напутствовал их словами: «Служите сынови моему,

акы самому мне, всеъ животом своим». Новгородцы шли под Дерпт великим полком, их было много, «бещисла, только бог вестъ» сколько. Свою дружину в качестве фактического наместника великого князя вел тверской князь Ярослав, брат Александра. Шел с витеблянами и зять Александра князь Константин; полоцкую рать вел литовский князь Товтивил, а с ним еще 500 человек его литовской дружины.

Дерпт был «град тверд», обнесен тремя стенами и «множество людей в нем всяких». Но союзники взяли его «единым приступом» и «люди многы града того овы по-биша», «а други изоимаша живы» и «взяша товара».

«Бысть вechье»

Александр, признанный и Русью и Ордой великим князем, лучше других видел, как сильно изменилось само понятие его власти и какого огромного труда стоило ему поддерживать относительное политическое единство страны. Оно было насущно необходимо для обороны и для возрождения Руси. Если последствия нашествия, пусть медленно, преодолевались, то где напасть серебра, мехов, коней и прочего, что настойчиво требовал Каракорум, а сверх того тянул и свою долю Сарай. И без того уже сколько лет «всласть хлеба своего изъести не можем». Из житниц, клетей и амбаров уходит он купцам, а вырученное золото и серебро – в Орду.

Правда, Золотая Орда начинала как будто незаметно выходить из-под власти каракорумских императоров, «царей», среди которых не стихали распри из-за того, кто займет трон мастера Косьмы. Очередной золотоордынский хан Берке уже ввязывался в войны с другими ханами. К добру ли это для Руси или к худу?

Орда ловко размывала основы суздальского единодержавия, присвоив себе право назначать великого князя. Вместе с ханским ярлыком Александр великий князь мог теперь распоряжаться полками других князей, а также Владимиром, Костромой, Переяславлем, Нижним Новгородом и Городцом. Обрел он и право на новгородский и псковский столы. Но что это за власть, когда на шее сидит татарский баскак?

Киев стал отрезанным ломтем после похода Бурундая; Смоленск тоже обособился и был в «воле татарской» еще когда наступал Куремса; за Полоцк и Витебск приходилось вести трудную военно-дипломатическую борьбу с Миндовгом.

О более отдаленных землях и говорить нечего. Потеряно Причерноморье, Поволжье, оборваны пути на Кавказ, в Среднюю Азию, в Переднюю Азию, разрушен Константинополь. Отдалилась Галицко-Волынская Русь. В Прибалтике – немцы и датчане, в Финляндии – шведы, но все же суздальско-новгородские полки, хоть с трудом, удерживают Карелию, Неву, Нарову, Псков. Путь в море не закрыт.

И, однако, из его рук, год от года все заметнее, ускользало руководство внешними отношениями, сношениями с Ордой и обороной границ. Всплыли старые распри с местными боярскими гнездами. Сперва издавна крамольные рязанские князья и бояре, а потом и ростовские и другие потянулись в Сарай и Каракорум. Особенно угодничал ростовский Глеб Васильевич – «Сей от юности своей, от нахождения поганых татар и по пленении от них Русской земли, начал служить им». Подкупом и низкопоклонством, женясь и братаясь, обретали такие князья самостоятельное право «знать Орду».

Среди князей – современников Калки и Сити – царил разброд: распространилось «недоумение в людях»: одни, готовые было на отчаянный риск, теперь смирились, другие и вовсе не хотели рисковать – жили сегодняшним днем, грабили ближних, пировали, топя горе в чаре. Все – и князья, и бояре, и люди духовные – вдруг стали ссылаться на давно известное на Руси в переводах «Откровение», приписываемое епископу из Ликии Мефодию Патарскому (умер в 311 году), который-де предвидел «конец света», пророча гибель Византии под острием меча народа «семени Измайлова», некогда загнанного библейским Гедеоном в пустыню Ефривскую. Византия пала от меча других – латинских рыцарей, а вот Руси так было уготовано пасть под саблей татар – новых из-маилыян.

Мрачной рисовал Мефодий судьбу поверженных.

«И не потому отдаст бог всю землю измаильтянам, что любит их, но за беззаконие христиан. И никогда не было и не будет такой скорби, как во время их господства. И вознесется сердце губителем; будут под ярмом их люди, и скот, и птицы; спросят они дани себе и у мертвых, как у живых; не помилуют они нищего и убогого, обесчестят всякого старика и оскорбят, посмеются они сияющим в премудрости».

Все до странности похоже...

«И будет путь их от моря до моря, от востока до запада и от севера до пустыни Ефривской; и пойдут по тому пути в оковах старцы и старицы, богатые и убогие, алча и жажда, мертвых называя счастливыми. Запустеют тогда города, истребится красота гор, земля наполнится кровью и удержит свой плод».

Неужели нет надежды на конечную победу над Ордой? Ведь не могли христиане не одолеть варваров. Но как? На кого надеяться?

На князей? Число княжений все растет, после нашествия оно удвоилось – тверское, стародубское, суздальское, костромское, городецкое, галичское, ярославское, белозерское, московское. Уже восемнадцать. Сколько их будет еще? Какой оставит Александр Русь? Кто ее защитит?

Князья все перессорятся на другой день после его смерти. Отец упорно, словно ничего не изменилось, оставался в опустошенном Владимире. Он, его сын и преемник, делал то же, хотя уже нет ни сил, ни средств восстановить былой блеск столицы. Годы власти не принесли богатства. Жизнь у всех трудная – милостыни и на Руси и на выкуп из татарской неволи роздано немало. Чтобы утолить корысть ханского двора, всего золота мира не хватит... И где взять денег? Издавна считается: «Мужи злато добудут, а златом мужей не добыти». А чем? Им землю подавай, а земля у бояр.

А что будет с семьей? Сейчас в доме покой, он всегда гостеприимно открыт и для своих и иностранцев, одолевающих дальние пути, чтобы решить с ним дела политики и торговли. Семья – это прежде всего сыновья, они растут достойными людьми и уже получили уделы: новгородский наместник Дмитрий – Переяславль, Андрей – Городец. Последнему, годовалому Даниилу, скоро постриги, и перейдет Москва. Василий? Горько думать о старшем. Но ведь в большой семье не без уroda. Жена дала ему покой и счастье в семье. Родила пятерых детей... Пока жив, она в почете – княгиня, а умрет муж – место ей готово – Княгинин монастырь. Тут все просто: «Женам глава – мужи, а мужем князь, а князем – бог». Там и похоронят рядом с дочерью Евдокией.

Примерно так мог рассуждать Александр. Потому и в его «Житии» читаем отнюдь не обычные слова о том, что жил он, «не внимая богатства и не презря кров праведничю», был «милостилюбец, а не златолюбец, благ домочадцем своим и внешним от стран приходящим кормитель».

Есть еще церковь, митрополия. Но «главный поп», как называют митрополита в Орде, получил свой ярлык. Проповедники красноречиво повествуют о бедствиях страны от «батога божьего» – Орды и зовут к покаянию.

Странное дело – татарское разорение и иго не умерили, а, напротив, усилили «несытость именная» – жажду стяжания, и вскоре сама церковь устами епископа Серапиона признает: «Акы зверье жадают погубити плоти, тако и мы жадаем и не перестанем, абы всех погубити, а горькое то именье и кровавое к собе пограбити. Зверье, едше насыщаются, мы же насытися не можем, – того добывше, другого желаем».

И уже среди церковников объявились рьяные ханские богомольцы. А ростовский епископ Кирилл II, когда вылечил в Орде сына хана Берке, так получил от него в дар годовые obroki, которые были взысканы... с ярославских князей. Конечно, Кирилл был (он умер в

1261 году) ловкий политик. Он сумел даже обратить в православие племянника хана Берке. И теперь этот царевич Петр обретается на Руси. Надо иметь своих людей в Орде. Он, Александр, это понимал и потому с Ростовом в дружбе, и с Суздалем. На его средства достроили в Суздале женский монастырь, в котором погребли ростовскую княгиню Марию.

Сами церковники захватывают друг у друга земли, торгуют должностями; они «насилие деют» над церковными, нищими людьми, особенно «когда жатва или сено-сеча (сенокос)»; они же за мзду назначают наместников и сборщиков десятины; наконец, «скаредного деля прибытка» отлучают людей от церкви, вымогая деньги за возвращение в ее лоно. Усиленно «хитая (хватая) от чужих домов богатства», церковная знать становилась опасной и князю.

Конечно, все мы нагими предстанем на страшном суде, но пока... Грешные иереи отпускают наши грехи. С кого спросится?

...Ответ на эти роковые вопросы, мучившие Александра, дала жизнь. Ни разорение, ни иго, ни новые вторжения не смогли остановить развитие Руси. Крестьяне и ремесленники подняли из руин, укрепили Владимир, Москву, Тверь и десятки других городов; отстроены тысячи сел и слобод; расчищены и засеяны поля и выковано оружие для русских полков, отражающих натиск врагов на севере и западе. Исконные связи с Новгородско-Псковской и Полоцко-Минской землями, как они ни затруднены, помогают выносить тяготы ига, содействуют оживлению.

Трудовой люд на себе несет всю тяжесть ордынского ига, и господской кабалы, и княжеских усобиц, и нашествий врагов.

Барщина повсеместна и крайне тяжела. Ростовская крестьянка, проработав вместе с дочерью в поле все лето, получала за страду одну гривну. Гривну, Александр хорошо это помнил, в голодные годы стоила в Новгороде буханка хлеба. Барщина изнурительна, и работали на ней женщины даже беременные, на сносях и нередко преждевременно рожали прямо на полосе.

Конечно, много зла от слуг. Прислужники – тиуны, мечники, вирники – все жили одним: взыскивали с крестьян и «черных» людей дани, налоги, штрафы. Руководствовались они «Русской Правдой». Это суровый закон, идущий от прадедов – от Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, и не ему, Александру, его отменять. «Правда» строжайше охраняла имущество господ – земли, скот, улы, ладьи, сети для ловли птиц. Чтобы посягнуть на жизнь этой касты, крестьяне должны были дойти поистине до горькой нужды. Конечно, крестьянин мог и жаловаться и жаловался ему, когда князь во время ежегодных объездов земли – «полюдья» чинил свой суд и проверял службу своих доверенных, но права мужика ничтожны.

Еще хуже холопам. Холопа не считали за человека, это говорящий скот, не более. И церковь в своем «Правосудии митрополичьем» одобряла этот порядок: «Аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога».

Александр, как и другие князья, отлично знал, что творили его ставленники – тиуны, посадники, воеводы. Полоцкий князь, желая укорить своего тиуна, как-то спросил епископа: «Где быти тиуном нашим на оном свете?» Епископ хладнокровно ответил: «Там же, где и князь». Князь «не полюби» ответ епископа и сказал: «Тиун неправо судит, мзду емлет, зло деет а яз что дею?» Но епископ стоял на своем. Кто дает, власть тиуну над людьми? Князь. Значит, князь, в ад, и тиун с ним.

Надо ли удивляться, что народ ненавидит своих господ и в моменты смуты поднимается с оружием, чтобы уничтожить их. Но порядок мира сего освящен стариной и святой церковью, и он, Александр, на то и князь, чтобы охранять его.

Иное дело татарская власть. Она не от бога. Александр понимал, что лишь под угрозой силы подчинились люди «числу» и жили «в работе суще и в озлоблении зле», которое могло прорваться наружу в любой момент.

Особенно теперь, когда внук Чингисхана, великий хан Хубилай, передал сбор русской дани на откуп «бесерменам» – мусульманским ростовщикам. Они вносили хану деньги

вперед, а потом собирали дань сторицей. Недавно, говорят, прибыл в Ярославль «зол» откупщик Титяк. Он руководит другими, которые «велику пагубу людям творили»; они же действуют и как ростовщики: дают деньги, может быть, тем, кому было нечем уплатить дань, а когда должники не погашают рост – проценты в срок, они «многи души крестьянския» уводят в рабство, в разные страны.

И народное озлобление действительно прорвалось.

...В тот памятный день, когда Александр услышал вечевой набат и увидел, как в его родном Переяславле восставшие горожане хватают и на месте убивают татарских сборщиков даней, воинов, купцов, он еще не знал, что, не выдержав чинимых насилий против откупщиков, поднялась городская беднота и других крупнейших городов – Ростова, Суздаля, Владимира, Ярославля: «Бысть вече на бесермены по всем градом руским, и побиша татар везде, не терпяще насилия от них». Во всех городах восставшие собирали вече. Доведенные до «ярости», они с остервенением изгоняли или убивали татарских ставленников.

В Ярославле один монах, Изосима, оказывается, перешел в мусульманство и, действуя от имени ханского чиновника Титяка, творил «великую досаду» населению и надругался над русской верой. Когда же вспыхнуло восстание и народ прямо с вече «на врагы своя двигшася», когда одних «изгнаша, иных избиша, тогда и сего беззаконного Зосиму убиша». А в Устюге, говорят, произошло обратное: местный баскак в страхе перед расправой принял православие и таким путем сохранил жизнь.

Когда Александр узнал, что вечевой набат прогудел по всем городам обширной земли, то понял, что это не случайная вспышка, что выступление готовилось тщательно и тайно и советы городов были связаны друг с другом. Смесь радости и глубокой тревоги вызывал в душе этот народный порыв.

Радость рождала ответ на пугавший вопрос: где сила, способная спасти Русь? Есть сила, не убита она, живет.

Ужас охватывал при мысли о карах Орды. Как обойти Орду? Восставших тысячи. Их не прогонишь, как прогнал когда-то родных братьев и сына. Не идти же с дружиной на свои города? Горожане – это будущее, это сила, это, наконец, и есть войско. Но восстание вспыхнуло, ордынцев перебили, и оно столь же внезапно угасло.

Что же дальше? Мысль напряженно работала, и, казалось, была надежда. Ведь лишь недавно золотоордынский хан Берке отделил Золотую Орду от империи. Ее столица переместилась из Каракорума в Пекин (Хан-балык), и Берке вовсе не желал отдавать лучшие куски русского пирога великому хану Хубилаю. Кто знает, может, выступление русских против великоханских откупщиков и не будет им строго наказано? Но и хорошего ждать не приходится. Восстание избавило от «лютотог томленья бесурменьского» русских людей. Первая волна восстаний смела ненавистную систему откупов. Но надолго ли? Александру надо было немедленно ехать в Сарай. Ханов надо убедить передать сбор татарской дани – «выхода» в руки самих русских князей».

«Докончанье»

«Се аз князь Олександр и сын мой Дмитрий, с посадником Михаиломъ, и с тысяцьким Жирославом, и со всеми новгородци докончахом мир с посломъ немецкымъ Шивордом и с любецкымъ посломъ Тидрикомъ, и с гоцкымъ посломъ Олостенем, и со всем латинскимъ языкомъ» – так начинается «Докончанье» – договорная грамота 1262 года Новгорода с немцами Риги и Ордена, а также с Любеком, главой Ганзы, – немецкого союза прибалтийских городов, с Вюсби на острове Готланд и, наконец, с представителями других стран латинского языка, которые стояли за спиной немецких рыцарей. Перед отъездом в Орду ее одобрил князь Александр.

«Докончанье» – договор о мире после успешного похода на Дерпт. «А все тяжбы, что возникли между новгородцами, и немцами, и готланцами, и со всеми латинскими народами, то все отметаем», а мир «докончахом на сей Правде».

Это договор о возобновлении торговли: «Новгородцам торговать на Готланде без препятствий, а немцам и готландцам торговать в Новгороде без препятствий и всему латинскому народу по старому миру».

Это подтверждение и уточнение старого мира: «А се старая наша Правда и грамота, на чем целовали отцы ваши и наши крест. А иное грамоты у нас нетуть, не потаили есмы, ни ведаем. На том крест целуем».

Ведь русская торговля со странами Северной и Западной Европы имела позади уже не одно столетие. Александр знал этот старый немецко-латинско-готский договор с Новгородом времен своего деда Всеволода Большое Гнездо. Он содержал право свободной торговли и нормы посольского права, обеспечивающие личную безопасность послов, купцов, заложников, купеческих священников. Были в нем и статьи, ограждающие честь женщин от возможных посягательств подгулявших купцов: «муже-ску жену либо дочь» оберегал особенно высокий штраф, незамужнюю женщину – меньший, а рабыню и женщину сомнительной нравственности и совсем небольшой.

Новым договором, заключенным после русско-литовского похода в Ливонию, Александр добился своего – дипломатического урегулирования торговых отношений вдоль западной границы.

...Александр хорошо знал тех, с кем заключал «Докончанье» – немецкое купеческое подворье в Новгороде и его церковь святого Петра. Это типично купеческая церковь. Купцы складывали в ней свои товары – медь, свинец, завернутые в солому куски воска, бочки с разным добром, мешки с меховыми изделиями, холщовые и суконные штуки...

Даже у алтаря стояли у них бочки с вином. Уставом Двора – шрагами – предписывалось, правда, на алтарь винные бочки не ставить, чтобы не пролились и не загрязнили его.

Церковь – это прибежище в случае пожара, ибо большинство других построек немецкого двора, кроме немногих кладовых и погребов, были из дерева. В церкви же хранили сундук – ларь святого Петра – и в нем пергаментные документы, привилегии – шраги, деньги и церковные драгоценности. Также фунтовые весы с тщательно выверенными гирями приносились в церковь. По ночам кто-то из купцов спал внутри церкви, а сторожа стерегли ее снаружи. С началом немецко-русских войн действовало указание, что «ни один русский не должен вступать в церковь, даже на первую ступеньку ее лестницы», оберегалась коммерческая тайна.

Немецкий двор имел свое кладбище, ему пожаловали право на рубку дров и выделили луга на Ладоге для купеческих лошадей. Перед отъездом всех немецких купцов их священник вместе со старейшими передавал церковные ключи один – архиепископу, а другой – игумену Юрьевского монастыря. Здесь их могла получить новая партия купцов.

Также были устроены и готландский двор, и норвежская церковь святого Олафа, и «варяжские» дворы и храмы. Сходные порядки были и в русских подворьях и церквях в Любеке, Вюсби, Ревеле...

По заключенному договору Александр уступил немецкому подворью еще три двора. Предусматривал договор и переход с менее совершенного «пуда», сходного с безменом, на карамысленные весы с чашами; наконец, договор определял и размеры пошлин с веса товаров. По этому пункту князь совещался с купцами из суда по торговым тяжбам, которым ведал тысяцкий, и прежде всего со старостами от братщины вощаников (торговцев воском) при храме Ивана-на-Опоках – того храма, что так поразил его во время первых прогулок по Торговой стороне свыше тридцати лет тому назад.

Александр понимал и хозяйственное, и политическое значение торговли. На ближайшие годы число охраняемых властью торговых дорог для немецких купцов увеличивалось втрое. Торговля велась с размахом. «Никто не должен иметь право привозить во двор товаров более как на тысячу марок серебра...» – гласит немецкий торговый устав. Тысяча марок – это немало.

«Докончанье» было одобрено вечею уже после смерти Александра.

Победы русского оружия заставили купечество Северо-Западной Европы отказаться от надежд овладеть Новгородом и Псковом и пойти на возобновление «старого мира». Это «Докончанье», как и все, что делал замечательный дипломат Александр, оказалось очень долговечным. Прошло полтора века с лишним, и еще в 1420 году новгородцы заключали с «местером» (магистром) Ордена «мир по старине, како был при великом князе Александре Ярославиче».

Последняя поездка

Александр спешил в Сарай по вызову хана Берке. Тот готовился к войне с иранским ханом Хулагу и решил, коль скоро непокорна Русь, пустить в дело и русских. В «Житии» об этом сказано: «Бе же тогда нужда великая от иноплеменник и гоняхут христиан, веляще с собою воинствовати». Он ехал с твердым намерением избавить Русь от участия в чуждой ей войне. Он ехал, чтобы «отмолити людии от беды тоя». «Отмаливать» предстояло перед ханом Берке. Затеваемая война имела свою предысторию, хорошо известную Александру; в ней участвовала и его дипломатия, что, как ни странно, только усложняло предстоящую миссию.

Еще когда великим ханом сделался Мункэ, папа и его союзник французский король Людовик IX отправили в Золотую Орду и в Монголию новое посольство – Вильгельма Рубруквиса. Тогда Людовик предложил Батью и Мункэ военный союз против арабов, которые успешно теснили крестоносцев в Передней Азии. Союз предполагался и против Никейской империи, все решительней угрожавшей преходящему господству рыцарей Христа в Константинополе. Вновь пытаясь толкнуть Орду против мусульманского и православного миров, король и папа настоятельно советовали ханам принять католичество и оставить Рубруквиса в качестве их постоянного представителя в Орде. Это новое предложение Орде военного союза с крупнейшими державами Западной Европы таило в себе угрозу народам и Передней Азии, и Восточной Европы.

Во время переговоров стороны пришли к враждебному арабам соглашению, и вскоре Мункэ велел своему брату Хулагу-хану начать крупное наступление в Передней Азии. Его войска окончательно завоевали Иран и захватили иракско-сирийские земли. В 1258 году вступили в Багдад, затем – в Алеппо и Дамаск. Наступление Хулагу было с одобрением встречено западноевропейскими дворами. Однако их радость была быстротечна: египетско-сирийские войска султана Бейбарса остановили наступление. Они разгромили посланных Хулагу монголов в 1260 году.

Восточноевропейская тема переговоров успеха курии тоже не принесла. На запад был направлен Бурундай, который тогда вторжениями в Литву, в Польшу и разорением Галицко-Волынской Руси обезопасил владения Орды. В Орде решили, что неразумно в угоду папству накануне переписи Руси посягать на экономические и политические права ее церкви. Немалую роль в срыве папских замыслов сыграли и дипломаты князя Александра. Именно тогда была решена судьба Новгорода и Пскова.

Расчет Сарая был верен. Вскоре, в 1261 году никейский император Михаил Палеолог овладел наконец Константинополем. Латинская империя перестала существовать. Церковно-политические отношения между Русью, Золотой Ордой и Византией вступили в новый этап, и тогда же в Сарай был перенесен центр южнорусской переяславской епархии. Конечно, сделали это с ведома и князя Александра, и митрополита Кирилла. И вот в Сарае обосновался епископ, но не католический Рубруквис, а православный Митрофан. Кочуя с Ордой, он не только заботился о спасении душ обильного русского населения Сарая, но, что гораздо важнее, служил дипломатическим посредником трех держав.

Одновременно Золотая Орда, готовя войну против иранских Хулагидов, завязала тесные дипломатические отношения с Египтом. Судьбы Руси и арабского мира сложились так, что, когда арабы отбили натиск крестоносцев, Русь попала под иго татарских ханов, и Египет установил дипломатические отношения с подчинившей ее Золотой Ордой.

Как часто бывает в жизни, положительный исход для Руси одного дела повлек за собой непредвиденные заботы и беды: поход Берке понудил Александра ехать в Сарай.

...Глядя в спину возницы, Александр мог вспомнить притчи Заточника: «Зла бегаючи, добра не постигнути; горести дымные не терпев, тепла не видати. Злато бо искушается огнем, а человек напастми; человек, беды подъемля, смыслен и умен обретается. Аще кто не бывал во многих бедах, несть в нем вежества (знания жизни)».

Думалось, что уже достаточно претерпел дымной горести татарских костров и искушений шаманских огней, напастей врагов и измен родных братьев и сына, казалось бы, довольно набрался и смысла, и ума, и вежества. Но нет, опять скрипят высоко поднятые дубовые полозья его трехметровых, по росту, вместительных саней, мелькают приволжские татарские «ямы». Мономах советовал даже в пути, на коне сидя, молитвы творить: лучше повторять «господи, помилуй», чем «мыслити безлепицу, ездя». На этот раз совет пришелся на редкость кстати: «Господи, помилуй». Спасти Русь – значит спасти душу. А помилует ли Берке? Кто знает?

Миссия Александра была трудна: Русь непокорна, хан недоверчив и чуть ли не грозит самого Александра держать в Сарае заложником. Это могло стать началом вечного плена – такое с князьями уже бывало. Могло всякое случиться.

Одолев ставший привычным путь, Александр наконец был допущен к хану. Араб Ал-Муфаддаль описал внешность хана: «Жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в одном ухе золотое кольцо с ценным камнем». На Берке «шелковый кафтан; на его голове колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его – черные рога витые, усыпанные золотом».

Свой долг Александр исполнил. В летописях нет сообщений об угоне русских полков в татарское войско. Сбор «выхода» перешел в руки русских князей. А позднее народные выступления принудили ханэв отказаться и от баскачества. Но князь Александр этого уже не увидел.

Случилось худшее: после приема «удержа его Берке, не пустя в Русь». Александру пришлось мыкаться с Ордой по зимовищам «и зимова в Татарех и разболеся». Больного князя Берке отпустил наконец на родину.

По ноябрьским холодам возвращался тяжелобольной, умирающий князь. «Велми нездравя» добрался он из Нижнего Новгорода до Городца. В последний раз проехал по его побережью вдоль Волги, в которую двумя концами упирался мощный крепостной вал. Почувствовав, что умирает, он первый из суздальских князей принял постриг в схиму под именем Алексея и скончался 14 ноября 1263 года. Было ему сорок три года. Он умер как и жил – трудно, непреклонно «перемогаясь» с Ордой.

Своей осторожной осмотрительной политикой он уберег Русь от окончательного разорения ратями кочевников. Вооруженной борьбой, торговой политикой, избирательной дипломатией он избежал новых войн на Севере и Западе, возможного, но губительного для Руси союза с папством и сближения курии и крестоносцев с Ордой. Он выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения. Он – родоначальник политики московских князей, политики возрождения России.

...Из Городца тело Александра через Стародуб повезли во Владимир. Весь народ, «малии и велиции», князья и бояре, митрополит с церковным чином, с кадилами и свечами в руках встречали скорбный возок за 10 верст от стольного города в Боголюбове. После торжественных поминальных служб во Владимире князь был погребен 23 ноября 1263 года, вероятно согласно его завещанию, в монастыре рождества богородицы. За санями дружинники вели коня и несли прославленные в битвах меч и доспехи.

В своем слове над гробом митрополит сказал: «Чада моя разумеите, яко уже зайде солнце земли Суждальской. Уже больше не обрящется таковы князь ни един в земли Суждальской». Собравшиеся в горести восклицали: «Уже погыбаем!» Один из авторов «Жития», соратник и слуга Александра, так выразил свои чувства: «О, горе тебе, бедный

человече! Како можеш написати кончину господина своего! Как не упадетя ти зеници вкупе со слезами! Како же не урвется сердце твое от корения... Аще бы лзе, и во гроб бы лезл с ним!» Новгородский летописец, сообщив о кончине и похоронах князя, со сдержанной горечью сетует о человеке, «иже потрудися за Новьгород, и за всю Русьскую землю».